

Марк Харитонов

Учитель вранья

Сказки НЛО

Марк Харитонов

Учитель вранья

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА 2003

ББК 84.(2Рос=Рус)6-442
УДК 821.161.1-93
X 20

Дизайнер серии *Д. Черногаев*
Художник *Е. Вечерина*

Харитонов М.
X20 Учитель вранья. — М.: Новое литературное
обозрение, 2003. — 272 с., ил.

«Даю уроки вранья». — такое странное объявление увидели однажды пятилетняя Таська и ее старший брат Тим. Вместе с необычным учителем они переживают множество забавных, но нередко опасных приключений в стране, где король Пузырь боится лопнуть от удивления, где отражения в зеркалах становятся фантастическими существами и где начинаешь понимать, каких чудес на самом деле полон наш, казалось бы, обычный мир. Сказка для детей младшего и среднего возраста известного современного писателя, автора романа «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (Букеровская литературная премия 1992 года).

ББК 84.(2Рос=Рус)6-442
УДК 821.161.1-93

ISBN 5-86793-206-0

© М. Харитонов, 2003
© Е. Вечерина, иллюстрации, 2003
© Новое литературное обозрение, 2003

Я опоздал на электричку. Она стояла у платформы, пока я бежал к ней, а когда мне оставалось всего каких-нибудь шагов двадцать, или даже восемнадцать, вдруг свистнула: «Счастливо оставаться!», тронулась и, набирая скорость, ушла. Следующей надо было ждать час.

Я сел на скамейку отдышаться. Рубашка была мокрая, словно я пробежал под дождем. Настроение сердитое. Да еще духота. Пить хотелось. И комары налетели кусаться.

Я хлопнул на себе одного, другого. И так размахался, что нечаянно толкнул сидевшего рядом.

Это был бородатый молодой человек в очках, синих джинсах и желтой майке. На голове велосипедная шапочка с козырь-

ком. Он сидел возле меня и ел мороженое. У ног его стоял большой рюкзак, а рядом — средних размеров сумка.

— Извините, я вас толкнул, — сказал я, потому что был человек воспитанный. — Комары проклятые.

— Неужели кусают? — посочувствовал он.

— А вас разве нет?

— Попробовали бы только! — сказал бородач. Лизнул мороженое и поднес его к сумке. Из-под застежки высунулся розовый язычок и тоже лизнул мороженое.

— Они знают, что это для них смертельно. Мне подарили специальное средство, оно так и называется: «Смерть комарам!» Хотите поделюсь?

Он снова лизнул мороженое и снова протянул его к сумке. Теперь я успел заметить, что кроме язычка оттуда высунулся черный кожаный нос с лохматыми усами вокруг.

«Странная сумка», — подумал я.

А вслух пробормотал:

— Пожалуйста.

Потому что был человек воспитанный.

Бородач достал из кармана рюкзака си-

ний пластмассовый флакон и отвинтил крышку.

— Не бойтесь, — сказал он, — это почти не щиплет. Вот, я смазываю вам руку. Теперь надо подождать какого-нибудь комара поглупее... Вот, один уже подлетает. Сюда, комарик, сюда!.. Тихо, не спугните! Ага, идет на посадку... Хорошо! Теперь внимание! Хлоп — и нет его!

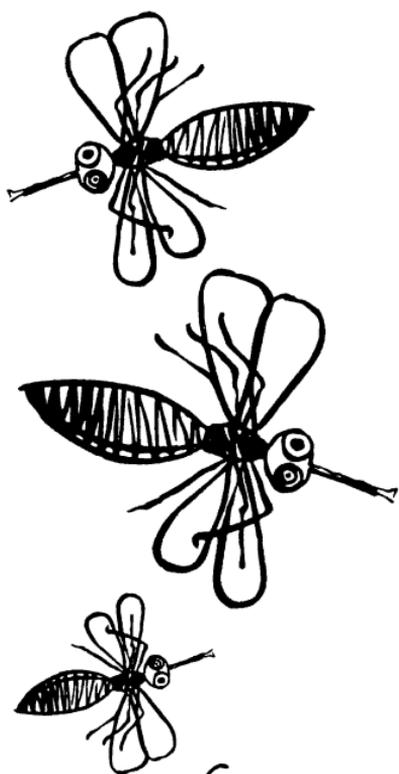
И бородач показал мне раздавленного комара.

— Видите, как действует средство «Смерть комарам»?

— Так я и без всякого средства могу, — сказал я, чувствуя, что меня обманули.

— Нет, без средства будет не так, — сказал бородач. — Без средства не так интересно.

Он доел мороженое, скомкал бумаж-

Смерть
комарам!

ку, но не выбросил ее, а только махнул рукой — бумажка исчезла куда-то.

— Вы как больше любите: чтоб было интересно или все равно как?

— Я люблю, чтобы комары не кусали, — сказал я сердито.

Было все-таки странно, почему ко мне они пристают, а к нему нет? И куда девалась бумажка от мороженого? И почему у сумки розовый язычок, да еще кожаный нос?

— Тогда подождите, у них через двадцать минут обеденный перерыв, — сказал бородач. — А вы слышали, что комариные укусы могут быть полезными для здоровья? Есть такое лечение иглоукалыванием: когда иголочками колют в нужные места — и болезнь проходит. Так вот, говорят, один ученый придумал: чем комариные укусы хуже уколов? Только надо, чтоб они кололи в нужные места, а не куда попало. Говорят, он придумал, как их дрессировать.

— Ерунда, — сказал я.

— Вы думаете? А интересно, если б у него получилось. Я этого ученого знаю. Он все время что-нибудь придумывает.

Например, выводит новые сорта арбузов. Один арбуз у него получился с ручкой.

— Как с ручкой?

— Так. Чтоб удобней было носить.

— Таких арбузов не бывает.

— Не знаю. Сам не видел, врать не стану. А вот что я у него видел сам: сорт мелких-мелких арбузов, каждый величиной с крыжовник. И на вкус не отличишь. Он этим сортом особенно гордился, всем давал пробовать.

«Вранье», — опять хотел сказать я. Но задумался и помолчал. Может, и в самом деле вывел? Только зачем, если есть обычный крыжовник? Или это и был обычный крыжовник?

— Почему вы так любите... — я хотел сказать: «врать», но вспомнил, что я все же воспитанный человек, и сказал по-другому: — Почему вы так любите сочинять?

— Профессия такая, — ответил он не совсем понятно. — Приходится. Вот сейчас я как раз собираюсь начать одну очень интересную историю. Хотите в нее попасть?

— Это как? — от удивления я даже забыл спросить: что это за такая профессия,

где все время приходится врать?

— Очень просто. Видите, у меня ручка? Как будто простая. Но что ею напишешь, случается на самом деле. Даже самое необыкновенное и удивительное.

Тут я не удержался.

— Ну, знаете! Это уже совсем вранье. Таких ручек не бывает. Это самая обыкновенная шариковая ручка. Их вон там в киоске возле станции продают по тридцать копеек штука.

— Не знаю, сколько она стоит, мне ее подарили. Но только что я ею напишу, то и случится. Уже проверено.

— Тогда напишите, пожалуйста, чтоб здесь сейчас, сию минуту появилась бочка с квасом. Умираю от жажды.

— До чего скучно бывает с некоторыми взрослыми, — вздохнул бородач. А может, чуть-чуть зевнул. — На квас я даже ручки тратить не стану. Там пасты мало осталось. Я вам его так наколдую. Закройте глаза. Да закройте, не бойтесь! Раз, два, три! — он что-то пробормотал и щелкнул пальцами.

— Все. Можете посмотреть.

— Я и так смотрю.

— Да не туда. Обернитесь.

Я обернулся. Возле палатки у станции стояла желтая бочка на колесах с коричневыми буквами «КВАС». Запотевшие бока ее влажно блестели. Очереди перед ней не было. Наверное, только что подъехала, я просто не заметил. И никакое колдовство тут было, конечно, ни при чем. Я же знал, и нечего меня все время обманывать. А в сумке у него просто сидит собачонка с мохнатым черным носом. Я уже сам догадался. Потому что она этот нос опять высунула.

— Идите, пейте, — сказал бородач. — Идите, идите, это не мираж, бочка настоящая. Только предупреждаю, про вас в моей истории не будет ни слова. И не просите. Ничего с вами необыкновенного не случится. Попьете квасу, сядете на электричку и поедете по своим обыкновенным делам. Я лучше возьму с собой детей, с ними интереснее. Здесь в Предпоследнем переулке живут брат и сестра, Тим и Таська. Может, когда-нибудь вы узнаете, что с ними произошло. А могло бы

произойти и с вами. Идите, идите, пока нет очереди.

Я встал, но от скамейки отошел не сразу. Потому что увидел, как бородач вынул из рюкзака тетрадь в клеенчатой обложке и положил ее на колено. Я заглянул к нему через плечо. Он открыл чистую страницу и написал сверху:

история первая

Пропавшая девочка

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Шел по траве медведь: топ-топ, топ-топ. И вдруг увидел зайца. Заяц сидел на полянке и делал зарядку. Упражнения для ушей: вверх-вбок, вверх-вбок. Заяц совсем не испугался медведя. Потому что он был в сто раз больше. Он был синий, а медведь красный. Это медведь испугался и поскорей полез на забор...

Таська стала ему помогать — и вот тут увидела невысоко на заборе бумажку. Бумажка была приколотая по трем углам кнопками, как объявление. Четвертая кнопка, должно быть, выпала.

Таське еще не было шести лет, поэтому она сначала прочла только первое слово, крупными печатными буквами: УРОКИ

Да, похоже было на объявление. Таких много висит возле станции: на столбах, на стенах, даже на деревьях. И на заборах тоже, но только со стороны дороги, там, где их могут прочесть прохожие. «СДАЕТСЯ ДАЧА, ТОЛЬКО БЕЗ ДЕТЕЙ». «ПРОПАЛ ПОПУГАЙ, УМЕЕТ ГОВОРИТЬ СЛОВО “КРАСОТА” И ЕЩЕ НЕКОТО-

РЫЕ. КТО НАЙДЕТ, ТОМУ БУДЕТ БОЛЬШОЕ СПАСИБО». «ДАЮ УРОКИ ИГРЫ НА БАРАБАНЕ». И тому подобное. А внизу адрес или телефон. Это, видно, тоже было про уроки. Только приковано почему-то со стороны двора, да еще в таком месте, где вряд ли кто-нибудь, кроме Таськи, мог его увидеть.

Таська пошевелила губами и разобрала еще одно печатное слово ВРАНЬЯ

Вместе получилось: УРОКИ ВРАНЬЯ

Тут было что-то странное, и Таська поскорей позвала Тима.

Тим собирал во дворе пух с одуванчиков. Этот пух был почти как хлопок (который он видел на рисунке в одной книге). Если собрать его много, из него можно было, наверное, делать, как из хлопка, пряжу и ткать полотно. Даже странно, что до этого еще никто не додумался.

Тим умел читать все. Он был старше сестры на полтора года и уже перешел во второй класс. Вот что он прочел в объявлении:

Дают УРОКИ ВРАНЬЯ бесплатно

*Адрес: 2-я Первоапрельская
дом без номера за синим забором*

Да, для такого странного объявления и место было самое подходящее.

— Ерунда, — подумав, сказал Тим.

— Таких уроков не бывает.

— Конечно, не бывает, — согласилась Таська.

— Ерунда и вранье.

Тут оба нечаянно задумались. Если это было вранье, значит, писавший умел врать. А если умел — почему бы не поучить и других?

— Вранью не надо учить, — сказал Тим.

— Да, — опять быстро согласилась Таська. — Как будто я и так не умею.

— А то умеешь, — сказал Тим. Он хотел сказать что-то другое, но не стерпел всегдашнего Таськиного хвастовства.

— А что, не умею?

— А что, умеешь?

Между прочим, у них почему-то всегда так получалось. И спорить вроде не о чем, и не собирались они спорить, но сама собой уже готова была вылезти ссора — как

будто все время дремала где-то рядышком и от звука их голосов просыпалась.

— А вот и умею! — кричала Таська и прыгала на одной ноге и поворачивалась вокруг себя. Ее мороженым не корми, только дай поспорить.

— А вот и не умеешь, — нахмурясь, отвечал Тим.

— Умею!

— Не умеешь.

— Умею! Меня, если хочешь знать, за мое вранье даже били.

— Это кто? — насторожился Тим. Потому что про битые сестры ему полагалось знать. Какая ни есть, а защищать ее он должен.

— А, мальчишки в Москве, — махнула рукой Таська, показывая, что, во-первых, это пустяки, а во-вторых, выдавать она никого не собирается.

— И что ты им врала?

— Разное. Например, как я была в кино с таким широким экраном — в два километра. А Мишка говорит: там же ничего не увидишь. А я говорю: там давали такие специальные автомобильчики, чтобы ездить и смотреть, где самое интересное. А

Сашка стал спорить, что самое интересное не угадаешь... Еще про дождь. Как у нас на даче был такой сильный дождь, что я в нем плавала. А Мишка говорит: вранье, ты плавать-то не умеешь. А я говорю: умею, и по всякому, даже кроликом. А Сашка стал смеяться, что кроликом, я его толкнула... ну и вот...

Да, можно было дальше не объяснять. Тим подумал, что он хорошо понимает этих мальчишек. Таську иногда прямо хотелось стукнуть. Только вранье тут было ни при чем.

— Это называется не врать, — сказал он, — а фантазировать.

Таська чуть-чуть помолчала: просто не могла сразу повторить трудное слово.

— Хорошо, — сказала она, — а сегодня утром Скуке Зеленой про погреб — это было вранье?

И тут Тим просто не нашел что ответить.

СКУКА ЗЕЛЕНАЯ

Скуку Зеленую на самом деле звали тетя Лена. Хотя была она им не тетя, а сест-

ра, двоюродная или, кажется, троюродная. Или даже больше. Она приехала в Москву из Астрахани поступать в институт и пока жила у них на даче. К экзаменам готовилась.

Таська, увидев ее, даже притихла — так она ей вначале понравилась. Глаза зеленые, ресницы, как бабочки, платье в крупных цветах — настоящая принцесса. Но красивей всего были косы — золотистые, длинные-предлинные. Таська ни у кого таких не видела. Вечером она подсмотрела, как Елена Красивая (так она ее про себя назвала) причесывалась в сумерках: распущенные волосы лились, словно золотой водопад, под гребешком вспыхивали звездочки, и слышалось легкое потрескивание. Таська решила, что больше никогда не даст себе подстригать волосы, отрасли до самой земли.

Она потом даже нарисовала, как это будет выглядеть. Чтобы волосы не волочились по земле, как шлейф королевского платья, она придумала подвязывать вместо бантиков воздушные шары — пусть плывут сзади в воздухе. Вот так:

Тиму на волосы и ресницы было, конечно, наплевать. Но ему тетя Лена вначале тоже понравилась, хотя и по другой причине. Она привезла с собой книги с замечательными названиями: «Физика» там была и «Алгебра», и какие-то еще. Тетя Лена читала их даже за едой. С ней можно было, наверно, поговорить о чем-нибудь научном. Тим разок-другой даже пробовал подступиться.

Один раз они сидели на веранде после обеда, с неба капало, и Тим спросил:

— Тетя Лена, а что такое дождь?

Он, конечно, сам знал, а спросил просто так, чтобы завести разговор. Та едва подняла взгляд от страницы, морщась, как будто хотела разглядеть в воздухе комара, который помешал ей своим гудением.

— Дождь, — сказала рассеянно, — это такие осадки.

И уткнулась в книгу опять с таким видом, что можно было не сомневаться: про осадки лучше теперь не спрашивать.

В другой раз он попробовал при ней пиццать ультразвуком. Если кто не знает: так называется самый тонкий, совершен-

но не слышный звук. Им пищат летучие мыши, еще дельфины. Они друг друга слышат, а человек их нет. Но если этому звуку научиться, можно ведь будет летучих мышей и дельфинов подманивать, даже, наверное, объясняться с ними, ведь правда? И Тим придумал: надо вначале пищать тонко-тонко, как только можешь, только еще потоньше, потом еще, чтобы уже совсем не слышно было, только сам чувствуешь, что все-таки пищаешь. Это и будет ультразвук.

Он, конечно, не надеялся, что тетя Лена его услышит, но подумал: может, она хотя бы обратит на него внимание, спросит, что это он делает. Он объяснит, а она удивится, что он знает уже такие вещи. В общем, поговорят.

И тетя Лена действительно стала смотреть на него пристально. Смотрела, смотрела и вдруг спросила:

— Почему у тебя правый карман такой оттопыренный?

Тоже годилось для начала: в кармане у Тима был настоящий метеорит. Немного похожий на каменный уголь, но с желе-

зом внутри. Тим его нашел во дворе. Но только он вынул метеорит, чтобы показать, как тетя Лена замахала руками:

— Выбрось немедленно эту грязь, она же пачкается.

Тим, конечно, ничего выбрасывать не стал, просто вышел и перепрятал метеорит в потайное место. Но вот в тот вечер он впервые назвал тетю Лену Скукой Зеленой. Сперва про себя, потом при Таське.

И между прочим, Таська даже спорить не стала.

Зато папа с мамой обрадовались, что теперь есть на кого оставить детей и они смогут на два дня съездить вместе в Ленинград. Тим и Таська случайно услышали, как они говорили об этом со Скукой Зеленой. Та испуганно отвечала, что не справится, что она за детьми следить не умеет (и Тиму представилось, как она при этом делает руками, словно ей хотят всучить невымытый метеорит). А папа и мама уговаривающими голосами объяснили ей, что с этими детьми справляться не надо. Они привыкли к самостоятельности. Они даже сами ходят за хлебом в магазин

к станции. Им только еду разогревать, чтоб не зажигали сами газ. Да напоминать, чтоб не играли возле погреба.

Ну вот, теперь про погреб. Этот погреб находился в глубине двора и имел вид земляного холма с деревянной дверью. Холм порос лопухами и травой. На двери висел ржавый замок, но сама дверь была такая трухлявая, что легко снималась с косяка вместе с петлями и гвоздями. Тим однажды попробовал. В щель между досками видны были полусгнившие ступени. Они вели вниз, под землю. И там, в темной подземной глубине, виднелась как будто еще одна дверь.

Раньше, когда не было холодильников, говорил папа, там хранили продукты. Потому что под землей даже летом прохладно. Теперь погреб обветшал и грозил обвалиться. Его давно собирались убрать и засыпать. А пока не только не разрешалось заходить внутрь, но даже играть поблизости в прятки. Чтобы не провалиться, — объяснял папа. Но когда его спрашивали, глубоко ли там и далеко ли вырыто под землей, он отвечал, что сам ни-

когда туда не заглядывал.

А Тим с Таськой иногда все же заглядывали, хотя бы одним глазом в щель, и любили смотреть долго, пока глаз не привыкал к темноте. Тогда можно было в глубине различить не только таинственную дверь без замка, но и узоры зеленоватой плесени, и подрагивающие тени, точно кто-то, замерев, ждал, пока они перестанут смотреть.

И вот как раз сегодня вышла такая история.

Утром они поссорились. Тим проснулся позже сестры и увидел, как она наливает своему зайцу питье из маленькой банки. На банке был наклеен рисунок: череп и скрещенные кости. Вот:

Вы бы, например, сразу догадались, что это значило: там яд. Тим готовил средство против комаров и чего только не намешал туда: соду и соль, и акварельные краски, и кое-каких порошков из аптечки.

— Что ты делаешь, это же яд! — он вскочил и поскорей отнял банку.

— Отдай, это мой компот! — захныкала Таська.

— Не видишь разве знак: череп и кости?

— Это не череп и кости, а груша с листиками. Это грушевый компот. Отдай!

Тим присмотрелся: ну как можно было спутать? Ведь отравиться могла.

— Несчастливая, — сказал он взрослым голосом, пряча банку за спину. — На Луну бы от тебя убежал.

— А я бы от тебя на Солнце, — тут же с готовностью подхватила Таська.

— На Солнце! — усмехнулся Тим ее детской глупости. — Знаешь, какое Солнце раскаленное? Сгоришь.

— А я возьму ведро воды.

— Ой, не могу! Ведро воды на целое Солнце!

— А я возьму миллион миллиметров ведер воды. И сверху песочком присыплю!

И сама уже прыгала на одной ножке и крутилась, довольная.

Ну, что было спорить с дурочкой, которая еще не отличала миллиард от миллиметра? Лучше было позаботиться о том, куда

перепрятать свои вещи.

У Тима было много всяких запасов. Во-первых, он все время что-нибудь изобретал и придумывал. Он придумал, например, настоящий пружинный мотор из деталей от сломанного будильника. (Правда, пока еще не построил.) Придумал складную лодку, вроде тех, что делают из бумаги, только настоящую тоже, большую, из какого-нибудь непромокаемого материала. Трудность всегда была с материалом, его надо было еще искать. Поэтому Тим кое-что собирал про запас: всякие винтики, проволоки, колесики, железки, химические вещества, одуванчиковый пух. Еще у него жила в банке гусеница, такая мохнатая, что с нее можно было стричь шерсть. Особенно если как следует откормить, чтобы еще выросла.

Вообще он уже сейчас вполне готов был прожить один, без взрослых. И еду смог бы себе раздобыть, и деньги зарабатывать своими изделиями. Погреб, между прочим, интересовал его как подходящее убежище на всякий случай.

А пока он решил здесь, за дверцей, ко-

торая легко отодвигалась, припрятать все свои запасы, материалы и изобретения.

Но как раз в момент, когда Тим запыхивал в щель последнюю коробку, Таська его заметила.

— А я видела, а я видела! — закричала она.

— Что ты видела?

— А все!

— Ну скажи, что?

— Все видела, все видела! — кричала Таська и прыгала на одной ножке.

Хотя бы, глупая, не кричала, тогда Скука Зеленая ничего бы не заметила. Она, как всегда, читала, лежа у себя в комнате, и вокруг валялись сдохшие от скуки мухи. Но услышав крик, сразу выглянула из окна, увидела, что они оба у погреба, — и, конечно, выскочила, стала допрашивать, что они делают здесь и что видела Таська.

И тут, надо признать, Таська показала себя. Не моргнув глазом, она стала объяснять, что видела, как в погреб шмыгнул черный пушистый зверек. Или, может, не пушистый, а лохматый. Величиной с большую кошку, но с ушами, как крылья, и хвостом, как пропеллер. Она успела рас-

смотреть в щель, как он пролетел над ступеньками, и там внутри открылась вторая дверца, а потом быстро закрылась. Только Тим стал ее прогонять, не дает смотреть дальше.

— Правильно делает, — сказала Скука Зеленая и велела обоим отойти от погреба немедленно.

Конечно, Таськины слова можно было назвать самым настоящим враньем. А как же еще? Скажи она правду, тоже ясно, как это называлось бы. Разве нет?..

И сейчас Тим опять подумал, как странно выходит: значит, иногда вранье лучше правды? Получалось, что так. Например, если попал в плен и от тебя требуют выдать военную тайну. Правду говорить никак нельзя, это будет предательство. Можно, конечно, молчать. Но если соврать — это будет военной хитростью, так, что ли?

Надо было в этом еще разобраться.

А пока он понял вот что. Во-первых, что тайник за дверью погреба тоже теперь ненадежен. Вечером, когда Таська уснет, надо будет оттуда все перепрятать. И во-

вторых, придется сегодня поискать с ней эту Первоапрельскую улицу, чтобы убедиться, ерунда это объявление или не ерунда. Ведь он свою милую сестричку знал. Упрямая девчонка все равно пойдет искать. И не найдет ничего, зато вранья потом будет!

Однажды она потерялась, ее привели с какой-то дальней незнакомой улицы, и Таське на несколько дней хватило рассказов. Будто она забрела нечаянно не просто на чужую улицу, а совсем в другую страну, которая называлась Зензиния. Там было море, не очень большое, но настоящее, оно называлось Мокрое море, и за ним жили заморцы. А в Зензинии жили зензинцы, и она немного научилась зензинскому языку. И в доказательство говорила какие-то непонятные слова, а когда Тим недоверчиво хмыкал, обращалась за подтверждением к папе: «Папа, правда “калабуда малам” по-зензински значит “как поживаете”?» Папа, глядя в телевизор, кивал, а Таська торжествовала: «Вот видишь!»

Как мог доказать Тим, что она врет? Ведь неизвестно, что начиналось там, за

знакомыми улицами, и к какому морю можно было попасть, если поплыть на складной непромокаемой лодке по здешней маленькой речке Серебрянке далеко-далеко. Тим не раз думал о таком путешествии... Нет, лучше пойти с Таськой. Уж очень ей захотелось узнать про эти уроки.

Таська вообще почему-то мечтала о школе. И Тиму завидовала. Ей казалось, что интересней уроков нет ничего на свете. Если сестра становилась совсем уж непослушной, Тим знал единственный способ на нее подействовать. Надо было пригрозить: вот скажу в школе, чтоб тебя туда не брали! Этого она еще боялась. Ну, глупышка, что говорить!

ВТОРАЯ ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ

— Дяденька, где Вторая Первоапрельская? — спросил Тим у встречного дачника.

— Первоапрельская? — переспросил дачник и вдруг закашлялся. Как будто он хотел засмеяться, но нечаянно поперхнулся, и смех вышел похожим на кашель. Или вышел кашель, похожий на смех.

— Вам, наверно, Вторую Первомайскую нужно, — сказал он наконец, глотнув воздуха — точно вынырнул из воды. — Так это направо, где газовые баллоны меняют. Была еще просто Первомайская, так ее переименовали. В улицу Восьмого Марта. Она вон там наискосок к лесу идет. Первоапрельская! — дачник покачал головой.

— Шутки бывают первоапрельские, а улиц таких не бывает.

Будь Таська одна, что бы ей оставалось делать? Повернуться и пойти домой. Но Тим-то знал, в каком порядке идут месяцы один за другим. И он подумал так: месяц апрель идет после марта, но впереди мая. Может, и Первоапрельскую улицу стоит поискать где-то между улицей Второй Первомайской и улицей Восьмого Марта?

Вторую Первомайскую он знал. Там не только обменивали газовые баллоны, там иногда пасся очень рогатый козел на длинной веревке. Его надо было обходить, прижимаясь к самому забору, а то мог дотянуться своими рогами. И Тим ре-

шил дойти лучше до леса по улице Восьмого Марта, потом свернуть направо, в сторону Второй Первомайской, и посмотреть, не окажется ли посередке между ними еще улицы.

Так они с Таськой и сделали.

Улица Восьмого Марта вся заросла травой. Там ходила курица с цыплятами, похожими на желтые одуванчики. На одной калитке они увидели табличку: «Осторожно, злой гусь!» Увидели башенку с флюгером в виде петуха, а рядом настоящего петуха. Он махал крыльями и кричал необычным голосом, как будто по-иностранному: не «кукареку», а «кукарача».

Дошли до леса, свернули направо, ко Второй Первомайской. Но больше там никакой улицы не оказалось. Даже пере-

Осторожно,

улочка. Был еще один-единственный дом, который стоял не на Восьмого Марта и не на Второй Первомайской, а как

бы посередке, сам по себе, почти на опушке. Вернее, самого дома не было видно, только глухой забор. Синим его, пожалуй, нельзя было назвать. Кажется, его только собирались красить. В одном месте уже мазнули краской, но не совсем синей, скорее зеленоватой. А вообще он был пока новенький и некрашенный. И без всякого номера.

Тим подсадил Таську, сам подтянулся на руках и заглянул через забор.

Нет, дома там все-таки не было. Одна лужайка, вся желтая от одуванчиков. С другой стороны забор был не достроен, там прямо открывалась опушка. Посреди лужайки рос корявый полузасохший дуб.

А под дубом стоял человек. Долговязый, бородатый, в очках, в синих джинсах и желтой майке. На голове велосипедная шапочка с козырьком.

— Кс-кс, ко мне, — говорил он и хлопал себя рукой по бедру. — Ко мне, кс-кс!

Сперва Тиму и Таське показалось, что он подзывает кошку. Она едва выглядывала из высокой травы. Потом они рассмотрели, что это песик, черный, лохматый и

очень ушастый. Он приближался к хозяину зигзагами, как будто вынюхивал чей-то след. Хвост у него при этом вертелся, будто пропеллер.

Песик до того напоминал зверька, про которого Таська врала Скуке Зеленой, что оба раскрыли рты и переглянулись. Он разве что не летал. Но казалось, для этого ему надо лишь разогнаться как следует.

— Брысь! — вдруг сказал песику бородач.

Это слово его рассердило. Он залаял, стал вертеться во все стороны. И вдруг кинулся прямо к забору, над которым, как в кукольном театре, торчали головы детей. От неожиданности оба спрыгнули. Даже не столько спрыгнули, сколько свалились. Причем Тим зацепился обо что-то нагрудным карманом рубашки.

Тр-ресь! — карман разорвался.

В следующий миг в заборе открылась калитка, которой они сразу не заметили. Бородач стоял над ними, как великан. А черный песик старательно обнюхивал их сандалии.

— Ага, вот кто подсматривает и подслу-

шивает! — сказал бородач.

— Чего подслушивает? — пробурчал Тим, разглядывая порванный карман.

— Подслушивает, как я свою собаку зову.

— А как вы ее зовете? — не поняла Таська.

— Хочешь сказать, ты ничего не слышала?

— Слышала, вы говорили: кс-кс.

— Не кс-кс, а Кис Кисыч. Кис-с Кисыч. Это имя такое. Раньше его звали Дружок, а я специально придумал новое.

— Зачем? — удивилась Таська.

— Чтобы никто чужой не мог подманить. Он у меня слишком доверчивый. Станут звать: Дружок, Дружок — сразу бежит. Два раза его чуть не украли. Ведь это необыкновенный пес. И я решил приучить его к новому имени. Во-первых, чтобы его никто не знал. А во-вторых, чтобы никакой вор не догадался. Услышит: Кис Кисыч — и подумает, что я кошку зову: кс-кс. Правильно?

— Правильно, — подтвердила Таська не очень уверенно.

— Правильно, да не так просто, — покачал головой бородач. — Для трениров-

ки приходится искать места, где нет по соседству кошек. А то станет кто-нибудь звать свою кошку: кс-кс. Он думает, что это его, и бежит. Поэтому я вдобавок приучаю Кис Кисыча доверять лишь нюху. Вот он слышит, что его зовут, даже видит меня, а все равно идет только по следу. Видели? Нюх у него поразительный. Он чует нужного человека, даже если тот едет в метро под землей. Представляете? Вдруг начинает рыть землю лапами.

— А летать он умеет? — спросила вдруг Таська.

Бородач внимательно посмотрел на нее.

— Как ты догадалась?

— У него хвост, как пропеллер.

— Верно заметила. Если раскрутит как следует — конечно, может. Вон, смотри... смотри... настоящий мотор. Даже жалко, что работает вхолостую. Как вы думаете, можно приспособить к его хвосту машинку, знаете, чтобы вырабатывала электричество? А? А к ошейнику при-

Кис Кисыч

цепить фонарик. Ночью сможет сам себе освещать дорогу, как велосипед.

Тим промолчал в нерешительности. Только незнакомец не вызывал у него особого доверия. Но насчет электричества — показалось не так уж глупо. Не всякий бы взрослый додумался.

— А почему он на команду «брысь» так сердится? — вспомнила Таська.

— Брысь — это не команда. Это так его врага зовут. Кота одного знакомого. Я напоминаю, чтоб не забывал.

— Первый раз слышу такое имя, — сказал Тим.

— А он такой единственный. То есть на самом деле его, может, звали по-другому. Но он этого сам не знал. Он ничейный был кот, бродячий. Желто-полосатый такой, как маленький тигр. И всегда его отовсюду гнали. «Брысь, — говорили, — пошел отсюда!» А по-другому никак не обращались. Вот он и решил — когда еще маленький был — что это у него имя такое: Брысь. Разбойничье или, может, пиратское. Ему нравилось. Он сам не любил на одном месте засиживаться. Неинтерес-

но ему было на одном месте. А он больше всего любил, чтоб было интересно. Ради этого чего только не вытворял! И Кис Кисыча мог обидеть для интересу. Они одно

Брысь

время были друзьями, это теперь Кис Кисыч его имени слышать не может спокойно. Он из-за него однажды чуть не утонул. Да что я рассказываю, вы, наверно, сами читали.

— Не читали, — быстро сказала Таська.

— Неужели? — удивился бородач. —

Про это же в учебнике написано.

— В каком учебнике? — не понял Тим.

— А, ты ведь, наверно, из другой школы. В учебнике истории. Могу показать. Пошли ко мне домой. Заодно и карман зашьем.

И он открыл калитку.

— А где ваш дом? — огляделся Тим.

— Ах, верно, дома еще нет. Я только что переехал. Сейчас будет.

УЧИТЕЛЬ ВРАНЬЯ

Дом действительно появился на глазах. Тим и Таська сами помогли развернуть, укрепить на шестах и растянуть на кольшках просторную палатку. В рюкзаке у бородача оказался также надувной матрас и пачка печенья, которым он угостил всех (включая Кис Кисыча). И даже нитка с иглой.

— Снимай рубашку, — сказал он Тиму. — Я так зашью — мама ничего не заметит.

— Мама уехала, — объяснил Тим.

— Надолго?

— Завтра вечером должны с папой вернуться.

— О, времени у нас не так много. Ничего, управимся.

— До завтра? — не понял Тим.

— А? — Бородач, казалось, о чем-то задумался. — Нет, вот уже все готово. По моему незаметно.

Тим с сомнением глянул на шов. Издалека можно, конечно, и не заметить.

— Ничего, — сказал он. — Скука Зеленая и не посмотрит.

— Это кто такая?

— Да, приехала одна... смотреть за нами.

— Злая?

Тим пожал плечами. Он не знал, как сказать.

— А ты ей объясни, что не виноват. Вот со мной был похожий случай. Давно, когда я был маленький. Шел мимо огорода, вижу: огурец лежит, да такой громадный! Как маленький крокодил. Я подошел посмотреть поближе, а он вдруг цап меня за рубашку!

— Огурец?

— Какой огурец! Оказалось, действительно крокодил. Вот такой клок выдрал, я еле убежал. Но я маме рассказал, как все было, и она почти не сердилась.

— Нет, эта не поверит, — качнул головой Тим.

— Потому что крокодилов не бывает, — вставила Таська. Ей не хотелось думать про крокодила на грядке.

— Ну, это как сказать!

— И огурцы еще не выросли, — добавил Тим.

— Вот это действительно. Но тебе что

надо: чтоб она поверила или чтоб не сердилась? Если чтобы поверила, можешь, конечно, рассказать, как залез на чужой забор подслушивать или... я, кстати, так и не знаю, зачем?

— Мы улицу искали, Вторую Первоапрельскую, — сказал Тим.

— Вот Вторая Первоапрельская.

— Дом без номера.

— Здесь только один дом — моя палатка. И номера нет.

— И вы... — Таська замялась, не зная, как спросить. — Вы учитель?

— Можно сказать, да... А! — догадался наконец бородач. — Вы по объявлению? Насчет уроков?

— Ага, — сказала Таська. — А вы взаимдашний учитель? Из школы?

— Взаправдашний учитель из школы вранья. Будем знакомы. Антон Петрович.

— Разве такие школы бывают? — спросил Тим.

— Пока не везде. Только в одном-единственном месте — в Аристани.

— Аристани?

— Ага. Знаете, про которую поют в пе-

сенке: «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Аристань». Там это называется «Гимн врунов». Потому что никто еще ни разу не исполнил обещания.

Тим хмыкнул. А Таське становилось все интереснее.

— И там по-настоящему учат?

— Как везде. Задают домашние задания, потом спрашивают. Каждый урок начинается с устной проверки. Например, спрашивают: «Где ты сегодня спала?» И надо ответить так, чтобы никто не поверил: «В ухе солнечного зайчика». — «А что ты ела на завтрак?»

— «Жареные возражения». Если учитель не может сказать: да, так бывает — приходится ставить пятерку за устное вранье.

— Знаю, знаю! — поняла Таська.

— У нас тоже есть такая игра, называется «Чепуха».

— Да, я слышал, у вас теперь многие дети занимаются в подготовительных группах. Или дома готовятся. Это правильно. А то придут в школу и совсем врать не умеют. Еще у нас бывают уроки истории.

Это вам понятно: рассказывают разные истории. Есть уроки непонятных языков. Уроки плохого поведения.

— И учебники есть такие?

— Конечно. Вон сколько. Только некоторые еще пока не напечатаны.

Учитель достал из рюкзака пачку толстых тетрадей.

— Значит, это не для детей? — сказала Таська. Письменных букв она читать совсем не умела.

— Почему не для детей? К твоему сведению, все книги пишутся для детей. Только некоторые они читают раньше, другие позже, когда подрастут. Вот в этой записано про Кис Кисыча.

— Ой, почитайте! — попросила Таська.

— В другой раз, когда его не будет. Кис Кисыч стесняется, когда про него при нем рассказывают.

— Он разве понимает?

— А ты как думаешь!

Песик в самом деле внимательно прислушивался к разговору. Едва поминалось его имя, лохматые уши Кис Кисыча поднимались, и хвост начинал шевелиться.

— Он вообще-то и разговаривать может, только стесняется. Даже считать умеет. Ему всегда хотелось выступать в цирке. Только одному он не мог научиться: стоять на двух лапах. Вот тут, — Учитель Вранья понизил голос, — кот Брысь и сыграл с ним шутку. Хочешь, говорит, за один день научу тебя стоять не только на двух лапах, но даже на одной. И даже на хвосте.

Пес заворчал. Ему явно неприятно было слушать. Однако Таську уже разобрало любопытство.

— А он что? — спросила она шепотом.

— А он поверил, — так же шепотом ответил Учитель Вранья. — Я же говорю, такой доверчивый. Повел его кот к реке, а там как раз был ледоход. Брысь велел ему стать на льдину, сам оттолкнул эту льдину от берега. Бедняга поплыл. Кот доволен, ему интересно. И вот от льдины стал отламываться кусок за кусочком. Сначала на ней еще можно было уместиться четырьмя лапами, потом одну пришлось поднять. Потом пришлось стать на две лапы, куда же деваться? Под конец Кис Кисыч действительно стоял на одной.

Пес беспокойно поднялся с травы и зарычал.

— Не буду, не буду, — успокоил его Антон Петрович. — Ишь, даже покраснел.

— Где? — не заметил Тим.

— Под шерстью, так не видно. Страху натерпелся, еле остался жив. В общем, он давно ищет этого кота, чтобы поквитаться.

— А куда делся Брысь?

— Убежал. Дальше пока не знаю. Может, он вырос и превратился в настоящего тигра. Кто-то рассказывал, что он живет в замке у одного бывшего Людоеда, хозяйничает там. Растолстел и так разленился, что даже хвостом не шевелит. К нему для этого специальные слуги приставлены — шевелить его хвостом.

— Людоедов не бывает, — вдруг засопела Таська.

— Как это не бывает? А кого Кот в Сапогах съел?

— Это все сказки, — ответил за сестру Тим. — А про Людоеда она две страницы вырвала. Она про страшное боится слушать.

— Ничего не боюсь, — сказала Таська. — Я тогда была маленькая.

— А бывают у вас настоящие истории, не сказки? — спросил Тим.

— Конечно. Вот же целый учебник. Вот книга для чтения. С картинками. Вот, например, совершенно удивительная история про лошадь, которая умела плавать.

— Чего удивительного? — сказал Тим. — Все лошади умеют плавать.

— Да, но эта умела плавать на спине. А знаете вы историю про девочку, которая играла в прятки и так спряталась, что совсем потерялась?

— Ой, почитайте! — попросила Таська.

— Нет, она слишком длинная. К тому же у нее пока нет конца. Впрочем, немного могу рассказать своими словами. Слушайте.

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ ПОТЕРЯ- ЛАСЬ ВО ВРЕМЯ ИГРЫ В ПРЯТКИ

Все дети любят играть, чтоб было интересно и весело. Выиграешь — интересно, проиграешь — жаль, но все равно интересно. А некоторым интересно только выигрывать. В прятках, например, они не лю-

бят водить. Они хотят только прятаться, да так, чтоб их никогда не нашли. И вот одна девочка спряталась так, что ее даже искать перестали. Даже забыли, что она не выручилась. Убежали на другой двор играть в другую игру, а она все не выходит. Только один мальчик про нее вспомнил и решил позвать. Он один заметил, куда она спряталась, но не хотел выдавать. Потому что она нечестно спряталась. Там во дворе было одно место, куда взрослые не разрешали ходить. Такой погреб, засыпанный землей, с деревянной дверцей.

— Как у нас, — встрепенулся Тим. Похоже было, что это действительно взаправдашняя история. — У нас на даче такой.

— Нам тоже туда не разрешают, — добавила Таська.

— И правильно, что не разрешают, — сказал Учитель. — Даже не заглядывайте туда. Но мальчик видел, как она сумела приоткрыть дверцу и спрятаться за ней. Подумал: может, она там заснула? Подошел, стал звать. Никто не отвечает. Я отодвинул дверь, вошел в погреб...

— Вы? — вскрикнули оба одновременно.

— Почему я? Мальчик.

— Но вы же сказали: я.

— А! Забыл предупредить. У него, представьте, было такое странное имя: Я.

Тим хотел сказать, как Таська: «Таких имен не бывает», — но промолчал.

— Ну вот... Вошел Я в погреб. После света ничего сначала не было видно. Потом Я различил ступени. Они вели вниз, под землю. Внизу была еще одна дверца...

— Точно как у нас, — опять не выдержала Таська.

— Не перебивай, пожалуйста, а то мне так до вечера не рассказать.

— Ой, последний раз!

— Я спустился по ступенькам, приоткрыл вторую дверь. За ней тоже никого не было. Валялся сломанный ящик, корзина без ручки, стеклянные банки. Но Я же видел, как девочка скрылась за дверцей, а обратно не выходила! Позвал опять — никакого ответа. Кругом темнота. А где-то дальше, в глубине, брезжил как будто свет. Я прошел на ощупь еще немного. Становилось действительно светлей, хотя откуда шел свет, было пока непонятно.

Там дальше начинался ход...

— Подземный?

— Ты, кажется, обещала?

— Ой, больше не буду! Самый последний раз!

— Конечно, подземный. Было страшновато, что говорить. Я готов был уже вернуться, но потом подумал: девчонка пошла, а я испугаюсь? А что она пошла, можно было не сомневаться. Девочки бывают, конечно, трусихами, но зато они упрямы и любопытны. А любопытство бывает сильнее страха. Скоро стало понятно, откуда шел свет. Все стены оказались покрыты светляками, маленькими, как точки. Чем дальше, тем их становилось больше. В одном месте ход раздваивался. Я подумал, подумал и пошел направо. Потом ход даже растроил... вот не знаю, как сказать... В общем, стало три хода. Я пошел по среднему и снова уперся в маленькую дверцу. Толкнул ее — дверца открылась. Я вышел на белый свет и оказался на городской площади...

ФОНТАН-ПЛАКСА

— Ну, про площадь, пожалуй, рассказывать не стоит, — вдруг остановился Учитель Вранья.

— Ой, расскажите, пожалуйста! — опять не удержалась Таська. Тим тоже хотел крикнуть: «Расскажите», но не успел. Учитель глянул на девочку очень строго:

— Мне кажется, по плохому поведению у тебя будут одни пятерки.

— Ой! — вспомнила она. — Самый, самый последний раз!

— Интересно, сколько же бывает последних разов?

— Немного, — успокоила Таська. — Последний, самый последний, самый-самый последний и самый-пресамый последний.

Учитель посмотрел на нее взглядом задумчивым и удивленным. Этот взгляд как бы говорил: а нужны ли этой девочке уроки вранья, если она сама уже столько умеет?

Рассказывать он все равно не стал, потому что у него оказалась картинка. Там было все нарисовано. Можно просто по-

смотреть.

Вот площадь с фонтаном, а вот это на ней — Дворец. Кривобоконький, как видите, и вообще странный. Все башни, шпили и стены перекошены, как будто их накренило ветром, причем в разные стороны. Некоторые стены, чтобы не упасть, опираются друг на друга, а некоторые — на подпорки, словно старики на палки. Окна понатыканы как попало, одно выше, другое ниже. Некоторые оказались даже на трубе. Двери, маленькие и большие, все заперты, а лестницы ведут куда-то на крышу. Фонтан тоже забавный: посреди бассейна толстенький человечек в купальных трусах и галошах на босу ногу.

— Видите, — пояснил Учитель, — у него иногда из глаз брызгали струи. Далеко-далеко, как у клоуна в цирке. Я захотел попить. Зачерпнул пригоршней воды из бассейна, хлебнул — и тут же выплюнул. Вода была горько-соленая на вкус, как будто минеральная. А Я минеральной воды не любил. Даже с сиропом.

— Не нравится, не пей, — вдруг подал голос Фонтан. — А плевать незначем.

И брызнул слезами.

Я даже вздрогнул.

— Простите, — сказал. — Я не знал, что вы... это... — Он хотел сказать: что вы живой. Но засомневался, вежливо ли говорить такое живому человеку. — А почему вы плачете?

— Работа такая. Я работаю фонтаном. Неужели никогда не видел?

— Видел, только в цирке. И там был не фонтан, а клоун.

— Наверно, я. Я был когда-то клоуном. И не простым, музыкальным. На всех инструментах мог играть. И даже без инструментов. Без инструментов даже еще лучше. И когда музыка бывала грустная, у меня иногда брызгали слезы. Но теперь у нас говорят, клоуны не нужны. Какая, говорят, от них польза? У нас теперь требуют, чтоб от всего была польза. Даже от слез. Говорят, в них эти... вещества полезные. Чтобы не пропадали. И вот поставили меня работать... Фонтаном...

Бедняга не выдержал — слезы брызнули так, что Я немного отскочил в сторону, чтоб не промокнуть.

— У меня норма вон до этой отметки, — пояснил Фонтан. — Выплачу — можно идти домой.

— А как это у вас получается: так сильно плакать — и так долго?

— Тренировка. Надо вспоминать каждый раз что-нибудь печальное. Какую-нибудь неприятность. Или кого-нибудь жалко станет. Особенно себя.

И вновь две струйки брызнули из его глаз.

— А сейчас вы про что вспомнили? — спросил Я.

— Как порезал за обедом палец. Острым соусом.

— Разве можно порезаться соусом?

— Я же говорю, он был очень острый. Острее, чем язык. Знаешь, какие бывают острые языки? Боль тоже бывает острой. Ум бывает острый — у остроумных людей. На свете много острого.

Мальчику стало смешно, но он сдержал смех: как бы Фонтан не обиделся. Странно: тот говорил грустным голосом и даже плакал, но все время было почему-то смешно.

— А ты, я вижу, нездешний, — догадался Фонтан. — Врать любишь?

— Это как? — растерялся Я.

— Разве ты пришел не на Праздник Вранья? То-то я вру, а ты все серьезный! Вот на этой площади у нас когда-то по пятницам устраивали Праздники Вранья, с состязаниями. Ох, было веселье! Пожарники — заливали вовсю, оружейники — отливали пули, врачи... ну, про тех и говорить нечего. Сам знаешь, их потому и называют врачи, что у них специальное образование по вранью. Не то что у обычных врунов, без образования. Потом про это в газете печатали, и газета была толщиной с книгу. Кто всех переверет, делался Королем. Он поселялся вот в этом дворце, и до последующего праздника все должны были его слушаться, делать, что прикажет. Такие были правила.

Фонтан вдруг не удержался и брызнул великолепными слезами. Они прямо переливались на солнце, как радуга.

— Сегодня я, кажется, перевыполню норму, — сказал он не без гордости.

— А почему вы сейчас заплакали? — не

понял Я.

— А потому, что нет больше праздников. Последний король не захотел смениться. Как выиграл, сразу заперся во дворце, велел никого к себе без разрешения не допускать, всех лучших врачей прогнать из города, мне — работать Фонтаном. И никаких состязаний больше не устраивать, даже в город не пускать больше чужих. Чтобы никто его теперь не мог перевернуть.

— А почему вы его слушаетесь?

— Я же тебе объяснил, у нас такие правила. Правило — значит закон, его нарушать нельзя.

— Так нечестно! — возмутился Я.

— Конечно, нечестно. А что поделаешь? Когда король веселый, его слушаться интересно. Прикажет белое называть черным, а черное белым, все делать наоборот — такая замечательная путаница получается! А этот... Я даже не знаю, кто такой, откуда взялся. Никто его толком, оказывается, не разглядел. Говорят, выскочил какой-то толстенький, врал смешно. Но может, и не толстенький. Теперь не

проверишь, его видеть запрещено. Чтобы попасть во дворец, надо знать пароль. То есть секретное слово.

— Нужно что-то придумать, — сказал Я.

— Правда? — обрадовался Фонтан. — Попробуй. Ты на новеньких, может, у тебя получится. А то скука смертная. Все такие серьезные, врать боятся — как бы не выгнали. Ничего удивительного не услышишь. Только про сосисочных слонят да про ковры-самолеты. Которые и так в любом магазине можно купить.

— В магазине ковры-самолеты?

— Ну, это я немного приврал, — признался Фонтан. — Ковры, конечно, так просто не купишь, это теперь дефицит. Поэтому про них и разговоры. Даже к сосисочным слонятам очереди.

— Как это — сосисочные?

— Неужели никогда не видел? Они такие маленькие, и вместо хоботов у них сосиски. Сосиски время от времени срывают. Это совсем не больно. Потом вырастают новые. Слонятам даже полезно, чтобы срывали, а то сосиски вырастают слишком длинные, волочатся по земле. Не-

удобно и тяжело. Нет, у нас все одно и то же. Грустно думать: вдруг ничего удивительного уже нигде не осталось? Вот там, откуда ты явился, — есть чудеса?

Я пожал плечами. И вдруг вспомнил, зачем пришел сюда.

— Ой, совсем забыл! Скажите, вы не видели здесь такой девочки, в синем платье с цветочками, волосы светлые?

— Нет, — сказал Фонтан, — девочки я не видел. А что, потерялся кто-то и ты не можешь найти? Ну, это дело простое. Тут у нас есть Ателье добрых услуг. Там можно посмотреть в Справочное зеркало — сразу увидишь, кого тебе нужно.

— Справочное зеркало — наверно, вроде телевизора, — догадался Я.

— Телевизоры бывают только в сказках, — усмехнулся Фонтан. — Знаешь, я как раз свою норму выполнил, давай тебя провожу.

Он стал одеваться. Надел полосатые брюки, синий бархатный жилет, на шею повязал бант, в руку взял тросточку и сразу стал солидным. Хотя все равно немного смешным.

Но едва он успел одеться, как вдруг от-

крылись двери дворца, и оттуда появились два Стражника.

СТРАЖНИКИ

Я, впрочем, не сразу понял, что это Стражники. Одеты они были обычно: штаны, пиджаки да шляпы. Только одному, потолще, все было мало, кроме ботинок, другому, тощему, все велико. И ботинки тоже. Их скорей можно было принять за дворников, потому что на плечах каждый нес по метле. На самом деле это у них было такое оружие, и оружие неприятное: на длинных палках пучки свежей крапивы.

Они увидели рядом с Фонтаном незнакомого мальчика и подошли к нему.

— Ты кто такой? — спросил тощий таким ледяным голосом, что под его длинным носом появилась маленькая сосулька, а всем стало холодно. — Откуда ты взялся?

— Я? Отсюда. — Я огляделся, чтобы показать. — Из этого... из подземного хода... Здесь где-то дверца была.

Но где? Невозможно было понять. Вокруг площади стояло много домов, в них было много дверей и дверок, и все были закрыты, как будто жители не хотели никуда выходить, — пусто кругом. Надо было сразу заметить, из которой ты вышел. Я просто не догадался и теперь не знал, как быть.

— А! Ты, кажется, врать любишь? — обрадовался Стражник потолще. У этого голос был ласковый, но такой ласковый, что все равно почему-то становилось холодно. — Признайся, мальчик, любишь ты врать, сочинять, или, может, заливать, или, как говорится, свистеть, а?

Фонтан сделал глазами знак: не признавайся.

— Не знаю, — растерялся Я. — Нет, не особенно.

— Вот и попался! — опять обрадовался толстый. — Когда врут, всегда уверяют: я говорю чистую правду. И это именно получается вранье.

— Но если бы он сказал, что любит врать и что всегда врет, — вы бы ему поверили? — вступился Фонтан.

— Разве тогда получилось бы, что он говорит правду? Если он говорит правду, значит, он не всегда врет, а если он не всегда врет, значит, он врет, что всегда врет...

— Постой, постой, — Стражники заткнули уши. — Не запутывай нас. Значит, если врун скажет: «Я всегда вру» — это будет правда? А если это правда, значит, он не всегда врет? А если он не всегда врет, значит, он врет, что всегда врет? А если врун говорит: «Я не вру», значит...

— Почему вы говорите: врун? — рассердился наконец, Я.

— А кто же ты?

— Обычный человек.

— Так-так-так... Очень трудный случай. Пошли с нами. Там разберемся.

— Куда? Никуда я с вами не пойду!

— Так-так-так... Соппротивление? — сказал тощий совсем ледяным голосом, и сосулька на его носу стала длинней. — Хочешь познакомиться вот с этим?

И он помахал своим страшным оружием.

— Беги! — крикнул Фонтан. — Я их задержку!

И представляете, Я чуть не побежал!

Как будто начиналась какая-то игра, в которую надо было играть, хоть и не хочешь. Так бывает во сне. Но тут же опомнился.

— Не побегу, — сказал. — И не боюсь я вашей крапивы.

— Как это не боишься? — Стражники немного растерялись. — Она же жгучая.

— А я не боюсь ни капельки!

— Так нечестно! — закричали наперебой Стражники. — Так не по правилам! — Они, похоже, были порядочные трусы, только привыкли, что им никто не сопротивляется. — Врешь, что не боишься! Скажи «честное слово»!

— Не буду я ничего говорить!

— А вот мы сейчас проверим, как ты не боишься, — сказал тощий Стражник и начал медленно замахиваться своей метлой.

— Да, вот мы сейчас проверим, — повторил Стражник потолще и тоже стал поднимать метлу.

Они замахивались медленно-медленно, как будто все-таки выжидали, что я побегу... то есть, что Я побежит. Если б Я побежал, тогда все ясно: испугался. А если нет, тогда непонятно: может, им самим надо

бояться и убежать?

Наконец, они замахнулись так, что дальше было уже некуда. И вдруг почувствовали, что их палки кто-то держит сзади. Стражники оглянулись — позади стоял Маленький Великан.

МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛИКАН

— Маленький Великан? — переспросили Тим с Таськой.

— Да, Маленький Великан, — сказал Учитель Вранья. — Только не вздумайте просить, чтоб я объяснял, кто это такой. Так мы и до завтра не кончим. Про Маленького Великана есть особая книжка. Он на самом деле был очень большой, больше меня. Просто там, где он жил, другие великаны были еще больше. А этот едва доставал им до пояса и считался у них мальчиком. Он был музыкант, замечательно играл на рояле и на сцену всегда выходил в коротких штанишках. Большим великанам так больше нравилось. Надо же! — хлопали они в ладоши. — Такой маленький, а как играет! Если бы он

был большим, они бы не так восхищались. А он этих коротких штанишек уже стеснялся. У него была мечта: стать бродячим музыкантом. Играй он на гитаре, на скрипке или на гармошке, взял бы он свой инструмент и ушел в бродячие музыканты. Но рояли у великанов большие, на плече не унесешь. И вот однажды он услышал, что есть края, где живут люди поменьше ростом, и рояли у них поменьше. И он решил пойти посмотреть эти другие края и этих людей. Ему лучше всего было с разными мелкими существами. Он любил, например, помочь муравьям, поднести для них тяжелый груз. Когда они ползали по его руке, как по горе, он чувствовал себя не просто настоящим большим великаном, а Великанищем.

И вот теперь в незнакомом городе он увидел, как на площади два небольших человечка замахнулись палками на совсем маленького.

— Не трогайте! — сказал он и придержал их палки. — Как не стыдно обижать маленьких!

Стражники сперва испугались. Они по-

смотрели на Маленького Великана снизу вверх, как на башню, но не поняли, кто это такой. Потом отошли на несколько шагов, увидели, что он в коротких штанишках, и тощий сказал:

— Отойди, мальчик, не вмешивайся в дела старших.

Маленький Великан растерялся и опустил руки.

— Что ты слушаешься их? — возмутился Фонтан. — Видишь, слабого обижают. Заступись!

— Как? — смутился Маленький Великан. — Они большие, а я еще маленький.

— Ты? Такой здоровила? Да ты их одним левым мизинчиком победишь.

— Правда? — Маленький Великан оттопырил левый мизинчик, с интересом посмотрел на него, потом на Стражников.

Стражники перепугались.

— Но-но! — закричал тощий. — Ты что! Нас трогать нельзя! Мы при исполнении обязанностей.

— А я вообще нездоров, — закричал толстяк. — Сейчас упаду в обморок... вот сейчас упаду... вот сейчас...

Он стал оглядываться, куда удобней упасть, чтоб не удариться. На твердые камни падать не очень-то хотелось. Увидел неподалеку горку песка, поскорей подбежал и упал на него.

— Все, — закричал, — я в обмороке! Лежачего не бьют!

Тощий Стражник увидел, что он остался один, а Маленький Великан все смотрит на свой мизинец, как будто примеривается, и тоже побежал к песку.

— Подвинься, — крикнул, — немного! Я тоже хочу упасть в обморок!

— Падай рядом, — сказал толстый, — здесь места нету.

— Рядом падать твердо.

— А вон еще песочек в яме. Падай туда.

— В яму?

— Нет, в обморок.

— Тот обморок слишком глубокий...

Ладно, я буду просто убит. Убит — значит нельзя меня трогать.

Он осторожно опустил на четвереньки и стал отползать в сторону, приговаривая про себя:

— Ничего. Сейчас убит, а потом выздо-

ровею. Так разрешается.

Но тут Фонтан хватил его за воротник!

— Э, ты куда? Постой! Ишь, хитрый! Если сдаешься, так сдавайся по правилам, а не убегай.

— Сдаюсь! — занял тощий Стражник. — Чего хватаешься? Чего вам от меня надо?

— Пароль! — сказал Фонтан. — Быстро говори секретное слово, чтобы пустили во дворец!

— Сейчас, сейчас! — заторопился тощий. Он действительно оказался трусом, и сосулька под его носом выглядела теперь обыкновенной соплей. — Когда спросят пароль, надо сказать: «Я иду по ковру!» И вас пропустят.

— «Я иду по ковру», — повторил Фонтан. — И все? Станный пароль! Ну что ж, запомню. Ты, мальчик, пойдешь со мной?

— Конечно! — сказал Я.

— А ты, Маленький Великан?

— Я бы пошел, но боюсь, не пролезу в дверь.

— Ладно, сторожи пока Стражников, чтоб не подняли тревогу. Мы скоро вернемся.

ПУЗЫРЬ ДВЕСТИ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

В дворцовой прихожей не было окон, и после улицы там показалось темно. Темней, чем в подземном ходе. Некоторое время они шли почти на ощупь, иногда натыкались на кого-то и сперва пугались, потом начинали шепотом выяснять:

— Это ты, Фонтан?

— Наверно. В такой темноте не поймешь. А это ты, мальчик?

— Ага, — говорил Я.

Вдруг чей-то невидимый голос окликнул:

— Стой! Кто идет?

— Свои, — ответил Фонтан.

— Куда?

— К королю.

— Пароль?

— Я иду по ковру.

— Правильно. Ты идешь, пока врешь.

Иди прямо.

Через несколько шагов снова раздался окрик.

— Пароль?

— Я иду по ковру.

— Вы идете, пока врете. Направо.

И снова:

— Пароль?

— Я иду по ковру.

— Мы идем, пока врем. Налево.

Они повернули налево, открыли дверь и оказались в большой сумрачной комнате.

Здесь пахло мылом, как в умывальной. Хотя ни крана, ни душа, ни ванной не было видно. Вообще комната была пуста. Лишь у стены стояли три стула. Один на колесиках, другой — качалка, третий — просто так. На этом третьем лежал красный лоскут и что-то вроде шапочки из золотой бумаги.

— Корона! — узнал Фонтан.

— Эй, есть тут кто-нибудь?

— Ау! — слышалось неизвестно откуда. — Не видите меня?

— Нет.

— А вы поищите, поищите.

— Тут негде искать, — сказал Я.

— Сдаются?

— Сдаемся.

— То-то же.

И вдруг они увидели, как шапочка-корона сама собой стала приподниматься

над сиденьем стула. Под ней появилось круглое сияющее лицо. Оно не просто сияло — оно переливалось всеми цветами радуги. Красный лоскут превратился в маленькую красивую мантию.

— Стоп, — сказал сам себе Пузырь и перестал раздуваться. Он покачивался на стуле от незаметных дуновений воздуха, толстый, круглый, красивый. — Что, ловко я? Как будто бы меня здесь нет, а сам — пф-ф — только воздух выдохнул. Осторожность не помешает. Мало ли кто войдет. Королям надо себя беречь.

— Ой, пожалуйста, не раздувайтесь так сильно, — попросил Я, — а то лопнете.

— Без тебя знаю, — буркнул Пузырь немного обиженно и чуть-чуть выдохнул воздух. — Невежливо говорить старшим «лопнете». Да еще королям. Впрочем, я ценю заботу о моем королевском здоровье.

— А вы правда Король?

— Разве не видно? Мантия — раз, корона — два и сажу на троне. Кто же я, потвоему?

— Это вас, значит, выбрали Королем на последнем празднике? — спросил Фонтан.

— Нет, — сказал Пузырь, — не меня, а моего далекого предка, Его Величество Пузыря Первого. Он был основатель династии. С тех пор корона передается по наследству, и я уже Мое Королевское Величество Пузырь Двести Восемнадцатый. Вообще мы происхождения загадочного и даже волшебного. Когда-то, в незапамятные времена Пузырь Первый победил огнедышащего дракона и освободил от него нашу страну. В благодарность за это его выбрали королем.

— Вранье, — сказал Фонтан. — Королем его выбрали за лучшее вранье.

Пузырь покачал головой. А вернее сказать, весь покачался на своем троне. Его переливчатое лицо то розовело, то голубело, то зеленело. Никак нельзя было понять, какого оно цвета.

— Это раньше было вранье, а теперь нет. Теперь вранье не разрешается. Теперь это называется история. Так и в учебниках пишут. Я догадываюсь, кто вы такие и за чем пришли. Вы заговорщики, да? Вы проникли во дворец, чтобы меня рассердить? Чтобы я лопнул от злости или от че-

го-нибудь другого? Это называется покушение. Как интересно! Впрочем, не особенно. Потому что ничего у вас не получится. Предупреждаю. Видите, я даже ничуть больше не раздуваюсь. Это раньше короли были нервные. Они могли лопаться от гордости, от зависти. Да от чего угодно. Пузырь Шестьдесят Восьмой лопнул, например, от восторга. А Пузырь Двести Семнадцатый, который был передо мной, — от простого насморка. Только успел сесть на трон, вдруг — ап-чхи! — и нет его. Одно мокрое место. Но то были неженки. Все из какого-то особого туалетного мыла. А я из простых. Из грубых, так сказать, хозяйственных сортов. У меня здоровье крепкое. И от всех болезней прививки. От хвастовства, от волнения, от сержения... или как это сказать? — от сердения. В общем, меня ничем не возьмешь. И подходить ко мне лучше не пробуйте. Я сразу под потолок — фюить! — там воздух выпущу. Не увидите, не достанете. Я теперь здесь навсегда.

— Но ведь скучно все время одно и то же, — сказал Я.

— Почему скучно? У меня вон троны разные. Трон-качалка, трон-каталка. Короны тоже всякие: есть с козырьком от солнца, есть с разными бантиками. Можно примерять по очереди, в зеркало на себя любоваться. Почему одно и то же? Что прикажу, все сделают, что захочу, все мне дают. Не, королем быть очень даже интересно. Тебе это не понять, ты еще маленький. Сколько тебе лет?

— Семь, — сказал Я. — То есть семь с половиной.

— Ты что, не можешь запомнить точно? Я немного смутился.

— Запоминаю, конечно. Но это все время меняется, надо перезапоминать. Только привыкнешь, что шесть, — уже шесть с половиной. Потом семь. Скоро будет восемь.

— Не, — сказал Пузырь и опять покачался на троне. — Восемь тебе не будет.

— Почему?

— Потому что я вас никуда отсюда не отпущу. Думаете, какие вы хитрые, ко мне проникли? А я, может, сам хитрый. Я, может, нарочно дал вам пройти. Мне интересно немного поболтать с новенькими. Все-

таки развлечение. А потом вызову стражу, и вас запрут на замок вон в том чулане.

— Во-первых, мы не дадимся, — сказал Я. — А во-вторых, останусь я или не останусь, восемь лет мне все равно будет. Время ведь идет, не останавливается.

— Ты хочешь меня рассмешить, — сказал Пузырь Двести Восемнадцатый. — Я понял, ты хочешь, чтобы я лопнул от смеха. Не получится. От смеха у меня тоже прививка. Видишь, я только милостиво улыбаюсь твоей глупости. Как же это время может идти? Что у него, ноги, что ли? И куда оно, интересно, идет? И куда уходит?

Я хотел ответить, что так просто говорят: время идет. Но потом подумал: как это в самом деле получается, что вот было человеку семь лет, а потом становится восемь? Человек стоит на месте — а все меняется само собой?

САМЫЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ

— Я слышал, — пришел на помощь Фонтан, — что время — оно течет.

— Ну вот, то идет, то течет, — фыркнул

Пузырь. — Как вода, что ли?

— Не знаю. Но говорят, оно стекает в такие ручейки, только невидимые, ручейки сливаются в реки, а реки — в большой Поток.

— Тоже невидимый?

— Да. Говорят, если окунуться в этот Невидимый поток и поплыть по течению, можно попасть далеко в давние времена. И взрослый может стать снова маленьким. А если плыть против течения, маленький, наоборот, может стать большим. Только никто не знает, где этот Поток и как его заметить.

— Конечно, раз он невидимый, — сказал Пузырь. — Это я понимаю. Тут ничего удивительного. А то: меняется само собой. То семь, то восемь. И никуда ходить не надо. Не рассказывай мне сказок, не маленький.

— Да это на самом деле так, — сказал Я. — Про Поток я не знаю. Но время идет или течет везде... как это объяснить? Утром солнце всходит, движется по небу, потом прячется. Значит, день прошел, наступила ночь.

— Как это — ночь?

— Ну, становится темно. Луна появляется на небе. Звезды.

— И все это в одном месте?

— Конечно. А через много-много дней и ночей кончается лето. Наступает осень, потом зима. Цветы вянут, листья облетают, вода замерзает и превращается в твердый лед...

— Нет, правда? Вот чудеса! — удивился Фонтан. — Прямо сказка! У нас таких превращений не бывает. У нас все обычно. Всегда тепло, всегда светит солнце. Есть, конечно, места, где можно посмотреть луну и звезды, даже дождь и, говорят, даже снег. Но туда нужно еще добираться. Есть места, где всегда дует сильный ветер, но там долго не удержишься. У нас утро всегда в одном месте, а ночь в другом.

— Нет, у нас все-все меняется в одном месте. Солнце движется, а подсолнухи — есть такие большие цветы — поворачивают ему вслед головы, как будто смотрят. А другие цветы, например одуванчики, утром раскрываются, а к ночи прячутся...

Я рассказывал — и, признаться, сам пер-

вый раз чувствовал, какие все это удивительные чудеса. Только ведь казалось, что это все просто, понятно и обыкновенно. А вот для Фонтана это было сказкой — удивительней, чем ковры-самолеты, обыкновенные сосисочные слонята и говорящий Пузырь в короне из золотой бумаги.

Про Короля они даже забыли. А между тем он совсем раздулся от удивления. Должно быть, прививку от удивления ему сделать не догадались. В жизни вы не видели такого громадного красивого Пузыря. Он раздувался и поднимался все выше под потолок, переливаясь всеми цветами радуги. Он, может, хотел позвать стражу, чтобы заткнули рот этому мальчишке из сказочной страны. Только сам он рот боялся раскрыть, чтобы не лопнуть, и сдерживался уже из последних сил.

— А знаете, в какие снежинки превращается вода! — рассказывал Я. — Они падают с неба, такие красивые, нежные, как тоненькие цветы. Поймаешь снежинку на ладонь — она превращается в капельку. Да, опять превращается, прямо на ладони. А весной весь снег тает, из земли начина-

ют лезть всякие травинки, на стебельках почки, из почек листики. Потом...

Я не успел договорить — вдруг раздалось громкое: «Хлоп!» Его Королевское Величество Пузырь Двести Восемнадцатый лопнул и исчез без следа. Даже корону потом не смогли найти. Говорят, она пробила потолок, взлетела к самому Солнцу, да там и осталась. Я сам читал, ученые увидели в телескоп, что на Солнце есть корона. И до сих пор спорят, откуда она взялась.

АТЕЛЬЕ ДОБРЫХ УСЛУГ

Учитель Антон Петрович помолчал и почесал в затылке.

— Но зачем я вам так подробно рассказываю? Так всегда. Хочешь про одно, а по пути наберется столько других историй. Ну, какой замечательный праздник устроили в городе, когда узнали, что Пузыря больше нет, про это вы как-нибудь почищаете сами. Нет, нет, и не просите. Лучше поешьте еще печенья. — Учитель снова угостил каждого (и, конечно, Кис Кисы-

ча). — Вот это у меня тетради с разными школьными сочинениями. Аристанским ученикам предложили придумать самое веселое вранье, самые удивительные развлечения, самые необыкновенные угощения. И уж они постарались. Вот, пробова-ли вы, например, кумберляндию с артеф-люшками? Вкуснятина потрясающая!

— А что это такое?

— Понятия не имею. И никто не знает. Просто говоришь: я хочу эту самую... кум-берляндию. Тебе приносят, ты ешь и толь-ко знаешь, что вкусней нет ничего на све-те. Фонтан тоже постарался: стал брыз-гать настоящей газировкой с сиропом. Причем сироп все время менялся. Вранья было, конечно, много. Но особенно все просили, чтобы Я рассказывал им свои удивительные истории. Они говорили, что такого им никогда не придумать, и стали уговаривать, чтоб Я остался у них Учителем Вранья. (Короля они больше решили не выбирать. Опасное оказалось дело — иметь короля.) Но Я сказал, что в учителя мне... то есть ему пока рано. Во-первых, он еще мальчик. Может быть, по-

том. А во-вторых, у него пока другие дела. Ему все-таки присвоили звание Почетный Учитель Вранья и предложили на выбор Большой бриллиантовый орден с шоколадной звездой или Большой шоколадный орден с бриллиантовой звездочкой. Я выбрал Большой шоколадный.

— Конечно, — кивнула Таська.

— И даже попросил без бриллиантовой звездочки. Но они звездочку все-таки положили внутрь. Я потом об нее зуб сломал, вот этот.

Антон Петрович приподнял пальцем верхнюю губу и показал сломанный зуб.

— Вы? — опять ахнули разом Тим и Таська.

— Что я? А!.. Нет, я просто показываю, какой зуб сломал этот мальчик по имени Я. Но хватит о празднике. Праздник еще продолжался, а Фонтан, Маленький Великан и Я поспешили в Ателье добрых услуг.

Ателье было открыто, но внутри никого не оказалось. На стене висели таблички:

<p>ПРОКАТ предметов разной необходимости</p>
--

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ
в присутствии заказчика

На первой таблице от руки было написано:

СПРАВОЧНОГО ЗЕРКАЛА — нет

СКАТЕРТИ-САМОБРАНКИ — нет

КОВРОВ-САМОЛЕТОВ — нет

СЕМИМИЛЬНЫХ САПОГ — нет.

(Есть только двухмилые шлепанцы,
размер 46.)

ПЕРЬЕВ «ЧЕГО ХОЧЕШЬ»

(одноразовых)

— тоже не осталось.

А на второй таблице было добавлено:

ПОДАРКИ НА
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
КОНЧИЛИСЬ

— Вот те раз! — сказал Фонтан. — А что же здесь осталось?

Он огляделся. Полки вдоль стен были пустые. Лишь на одной стояла большая запыленная коробка «Колесо удачи “Сделай сам”». Конструктор-головоломка». На столе, закапанном чернилами, лежало надкушенное яблоко. С дверного косяка свисала цепочка с кольцом, рядом надпись: «Если что нужно, дерните. Дирекция».

Фонтан дернул за кольцо. Где-то в глубине, во внутреннем помещении раздался звук колокольчика.

— Иду, иду, — послышался оттуда голос. — Сейчас иду... Ах вы, мои деточки, ах, бедненькие!

Вошла маленькая, ростом с девочку, старушка. У нее было доброе морщинистое лицо. Волосы, высоко зачесанные, прикрывала сверху шляпка с перьями — или, лучше сказать, из перьев: их было так много, что самой шляпки под ними не было видно.

— Здравствуйте, тетушка Дирекция, — сказал Фонтан.

— Здравствуйте, деточки, здравствуйте,

бедненькие, — ничуть не удивилась старушка, что ее так называли. Да и Фонтан не удивился, что его называли деточкой, хотя он был совсем не деточка, а даже сильно лысый. И только Я спросил:

— А почему вы нас зовете бедненькими?

— Да потому что ко мне приходят теперь только с неприятностями, — объяснила старушка. — У кого все в порядке, тому здесь искать нечего. Случилось что-нибудь?

— Да вот, мальчику надо заглянуть в Справочное зеркало, — сказал Фонтан.

— Нет зеркала, деточки, нет, мои бедняжечки. Ничего у меня не осталось, все отдала.

— Кому?

— Сироте одному несчастному, мальчику одинокому.

— Все одному?

— Так получилось. Пришел он ко мне однажды грустный-прегрустный, хотелось ему подарок на день рождения. Потому что никто к нему в гости не приходил, не было у него ни друзей, ни знакомых.

— Странно, — сказал Маленький Великан.

— Странно и ужасно! Мне всех жалко, кто ко мне приходит, но этот был самый бедненький, самый одинокий. Я подарила ему краски — замечательные краски, готовых цветов. Там была желтая в полосочку — чтобы рисовать тигров, зеленая в крапинку — для цветущего луга. Была радужная краска — сразу семи цветов. Не нужно было самому стараться. Ему это особенно понравилось. Отнес их к себе домой, смотрю — тут же приходит за новым подарком. У меня была красивая лопатка, правда, обычная. Он повертел ее в руках и говорит: «А где ямка?» Понимаете, он захотел вместе с лопаткой готовую ямку! Бедняжка!

— А по-моему, просто лентяй, — сказал Маленький Великан.

— Может, и лентяй тоже. Тут мне его стало совсем жалко. В общем, ему хотелось все новых и новых подарков, и он стал устраивать себе дни рождения каждый день.

— Разве так можно? — удивился Я.

— Почему же нет? — сказала старушка — Станный вопрос.

— Это мальчик нездешний, — ответил

ей Фонтан. — Но ты ведь уже понял, что у нас в одном месте всегда один и тот же день. Есть, например, место, где всегда среда. И если ты родился в среду — пожалуйста, приходи туда, сколько хочешь, празднуй свой день рождения. С угощением, с подарками, со свечами на торте. Если тебе, скажем, ровно семь лет, тебе зажгут семь свечей. А если семь лет и пять месяцев — зажгут семь свечей и пять огарочков. Но, конечно, после каждого дня рождения ты будешь становиться все старше и старше. Некоторые этого не хотят — ведь так быстрее постареешь.

— Да, — кивнула тетушка Дирекция. — Но этому нужны были только подарки, каждый день новые. И я не могла ему ни в чем отказать. Я люблю выполнять желания, не только потому, что у меня служба такая. Но он был такой несчастный! Скоро у меня осталась только вот эта самоделка. Она помогала добиться в любом деле удачи, но над ней надо было долго ломать голову. Он так не захотел. С каждым подарком он рос, и с каждым становился ленивее, и вместе с ним росла его

жадность. Только счастливей он почему-то не становился. Подарки он даже не тратил, все копил. Дашь ему конфету — сразу не съест, припрячет. Дашь яблоко — тоже отложит куда-нибудь. Даже мороженое не съедал сразу.

— Как же оно не таяло? — удивился Маленький Великан.

— Почему не таяло? Таяло, в том-то и дело. А он потом подлизывал. Бедный, бедный!.. Один воздушный шарик хранился у него двадцать лет... то есть двадцать дней рождения — и представьте себе, не лопнул.

— Потому что он его даже ни разу не надувал, — слышался неизвестно чей голос.

Я чуть-чуть вздрогнул. Фонтан с Маленьким Великаном тоже. Потому что заговорила — кто бы вы думали? — старушкина шляпа из птичьих перьев. И стало видно, что никакая это не шляпка: серая взъерошенная птица ростом с галку, с полуприкрытыми сонными глазами, устроилась в волосах тетушки Дирекции. До сих пор она, видно, спала, спрятав голову под крыло.

— Вернулась? — захопотала старушка. — Ах ты, умница, ах, радость моя! Проголодалась, небось? Творожок твой уже готов, домашний, свеженький, как всегда. Или ты еще погуляешь? Ну, давай, потом расскажешь, где была, что видела интересного.

— Откуда она вернулась? — не понял Я. — И куда собралась? Она же все время была здесь!

— Так только кажется, — улыбнулась тетушка Дирекция его непониманию. — Это птица необыкновенная — птица Соня. Она умеет видеть сны.

— Сны? — сказал Я. — А чего тут необыкновенного?

— Да ты хоть знаешь, что это? Вот, смотри... она прячет голову под крыло, закрывает глаза — и с ней начинается происходить такое, что я даже описать не могу. Она переносится куда-то далеко отсюда, в удивительные края. Причем без всякой волшебной палочки. А когда возвращается, рассказывает, что видела. И это бывают такие чудеса — ты даже не представляешь.

— Почему не представляю? — сказал Я. — Я тоже умею видеть сны.

— Не может быть! — воскликнула старушка.

— Может, — объяснил ей Фонтан. — Я же говорю, он нездешний. У них, он рассказывал, и не такое бывает.

— Да, у нас все умеют видеть сны, — подтвердил Я.

— Удивительно! — сказала старушка.

И Я в первый раз подумал, что это ведь и в самом деле похоже на чудо: ты закрываешь глаза — и переносишься куда-то, и чего там с тобой только не бывает! — Вот ведь счастливцы! Стоит вам чего хочешь пожелать — сразу голову под крыло, и пожалуйста!

— Так ведь это не по-настоящему, — сказал Я.

— Не понимаю, — сказала тетушка Дирекция. Но тут Маленький Великан ей напомнил:

— Вы еще не закончили про этого жадину. Значит, он выпросил у вас все, что было?

— Да. И зеркало, и семимильные сапоги. Только радости это ему не прибавило. Он просто ни от чего не мог получить удо-

вольствия — все откладывал на потом. Под конец взял у меня последнее перо «Чего хочешь» — замечательное перо, хотя и одноразовое. Достаточно было задумать одно желание и записать его этим пером — желание исполнялось. Правда, только одно. Так вот, представьте, он до сих пор не написал никакого желания — все боится, как бы не прогадать. Бедный, бедный мальчик!.. Хотя какой он теперь мальчик? Уже давно состарился — столько получилось у него дней рождения. И никто ни разу не пришел к нему в гости. Сидит один,

Жадный
мальчик

сторожит свои сокровища, к нему даже приблизиться боятся. Говорят: стал похож на настоящего Людоёда — такой вырос злой и жадный. Может, нельзя было его так баловать. А мне все равно его жалко.

— Значит, вы нам ничем не поможете, — сказал Я.

— Почему? — сказала старушка. — У вас какие-нибудь желания? Я некоторые могу исполнять и так.

— Без всяких чудесных перьев?

— Ну, это смотря какие желания. Есть разные способы. Проще всего пожелать то, что наверняка возможно. Это исполняется сразу. Вот мне, например, сейчас вдруг ужасно захотелось яблока. Особенно уже надкушенного. Закрываю глаза: раз, два, три! — пожалуйста. Вот оно уже на столе. Как прекрасно!

— Так оно здесь и раньше лежало, — сказал Я.

— Вот я и говорю: это самый простой способ. И самый приятный. Правда, не всегда удастся хотеть то, что можешь получить. А вы бы чего хотели? — спросила она у Фонтана.

— Я? Ничего.

— Ну, это тоже просто. Этого товара у меня полные ящики. Вам как, завернуть или так понесете?

— Заверните, пожалуйста, — сказал

Фонтан немного растерянно.

— Пожалуйста. — Тетушка Дирекция быстро свернула из бумаги кулек и подала. — Можете проверить. Что там?

— Ничего.

— Как вы и заказывали. Между прочим, действительно волшебная вещь, поздравляю вас. Можете потерять, можете выбросить, — все равно это у вас останется.

— Что останется? — не понял Маленький Великан.

— Ничего. У тебя тоже есть желание?

— Не знаю, — застеснялся Маленький Великан. — Когда-то я хотел стать невидимкой.

— Зачем?

— Чтобы никто не видел, какой я маленький. Вообще невидимке здорово. Все можно делать незаметно. Пусть удивляются: кто это нам так замечательно помогает? И никто не скажет: маленький, а такой молодец!

— Можно, конечно, и невидимкой, — задумчиво сказала старушка. — Но знаешь, ведь невидимок тоже много. Бывает, споткнешься, а не поймешь об кого. Или

услышишь голоса, а не поймешь чьи. Это все они. Но невидимы они только для нас, друг друга они прекрасно видят и слышат. И великаны у них свои. В общем, там наверняка окажется то же самое. Может, тебе лучше просто стать большим?

— Но для этого надо еще очень далеко идти!

— Не обязательно, можно сразу. Видишь занавешенную кабинку, похожа на примерочную? Это кабинка для взросления. Там на вешалках есть длинные брюки. Выбери себе по росту.

— А дальше что?

— А дальше увидишь.

Маленький Великан так и сделал. И когда он вышел, переодетый, из кабинки, все так и ахнули. Непонятно, увеличился ли он еще в росте или нет, но он теперь не был маленький. Взрослый, молодой, очень кудрявый великан.

— Ну вот, — тетушка Дирекция потеряла от удовольствия руки. — Два желания я выполнила. Могу и третье. Чего ты хочешь, мальчик?

— Мне надо найти одну девочку, — сказал Я.

— Девочку? А как она выглядит?

— Такая маленькая, в синем платье с цветами, волосы светлые...

— Прекрасно! — воскликнула старушка и чему-то даже засмеялась. — Подойди к этой двери и позови ее по имени. Ну?

Я поколебался немного: трудно было поверить, что это так просто. Потом подошел к двери и позвал:

— Лена!

ПЕРО ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ

При этом имени Тим с Таськой вздрогнули. Таська даже чуть не переспросила: «Как?» — но вовремя зажала себе рот ладошкой. Мало ли кого на свете зовут Леной? Обычное имя.

Учитель Вранья посмотрел на них строго и немного удивленно, потом продолжал:

— Да... Я позвал ее раз, позвал другой — никакого ответа.

— Где же она? — забеспокоилась тетюшка Дирекция и скрылась за дверью. Вскоре оттуда послышалось: — Ой, беда-то какая! Что я наделала! Что натворила!

Все кинулись на крик. Старушка стояла посреди небольшой комнаты. В одной руке она держала черное перо, в другой — листок бумаги.

— Что случилось? — спросил Фонтан. — Да объясните же толком!

— Вот, — показала тетушка Дирекция. — Только что здесь, в этой комнате, сидела девочка, которую вы искали. В синем платье, со светлыми волосами, и звали ее Леной. Она заблудилась, не знала, как попасть домой, и кто-то направил ее ко мне, чтобы я помогла. И я уже придумала, как помочь. У меня оставались когда-то два последних пера. Одно от белого лебедя, то самое перо «Чего хочешь», которое исполняет единственное желание, я, как вы уже знаете, отдала. Другое было от черного лебедя — его я припрятала подальше и решила никому не давать. Потому что с ним нужна была особая осторожность. Оно называлось «Чего не хочешь» и тоже могло исполнить одно желание — только наоборот. Чтобы получить, например, мороженое, надо было этим пером написать: «Не хочу мороженое» — и тут же в руках у

тебя оказывался стаканчик. Или эскимо на палочке — смотря чего ты не хочешь. Напишешь этим пером пожелание счастья — случится несчастье, напишешь кому-нибудь пожелание здоровья — человек заболит. Опасное перо. Я только успела достать его и начала объяснять девочке, что им нужно написать, чтобы оказаться дома, — вдруг позвонили вы. Я вышла, а ее предупредила, чтоб не вздумала без меня писать. Да, признаться, потом про нее и забыла... Ах, что я наделала! Ах, беда-то какая! Смотрите, что она написала — не послушалась.

Я взял у нее листок. На нем толстыми крупными буквами, с кляксой, было написано: «Хочу делать, что хочу».

— Понимаете, что это значит? Это значит, что теперь она будет делать все, чего не хочет, и наоборот, не будет делать того, что хочет. Она услышала твой, мальчик, голос и, должно быть, очень захотела побегать к тебе. Но сработало проклятое перо, и она побежала наоборот, в другую сторону, через заднюю дверь.

— Так надо ее поскорей догнать! —

крикнул Я.

— Надо-то надо. Но во-первых, в какую сторону за ней теперь бежать? В Справочное зеркало не посмотришь, нет у меня его. А главное, даже если ты ее увидишь и сумеешь догнать, или подкрадешься к ней незаметно, чтобы она не успела убежать (а она будет от тебя убегать, как только захочет к тебе), — даже тогда: что ты с ней станешь делать? Ведь теперь ее надо... как бы это сказать? — вылечить или, если угодно, расколдовать. Потому что она стала не просто упрямой — она теперь все будет делать наоборот. И уговаривать ее — только еще опасней. Веселая была девочка?

— Да, она любила смеяться, шутить.

— Ах, деточка моя, ах, бедненькая! Теперь перестанет. Не засмеется, не улыбнется. Серьезная болезнь — вот как это называется.

— Что же теперь делать? — спросил Я.

— Надо бы посмотреть в Книгу рецептов, да она лежала за Справочным зеркалом и вместе с ним попала к этому Людоеду-бедняге. Ах, бедные все, ах, несчастные!.. Слушай, — вдруг вспомнила она, —

ты же говорил, что умеешь видеть сны. Так давай, голову под крыло... то есть закрывай глаза — и отправляйся туда.

— Куда?

— К этому... у которого за зеркалом книга. Узнаешь рецепт, вернешься и все расскажешь.

— Нет, — сказал Я, — так по желанию у меня сны не получаются.

— Жалко, — вздохнула старушка. — Может, попрошу потом свою Соню. Она раньше умела попадать в любые сны по заказу. И даже брала с собой желающих. А иногда приносила оттуда, что ее просили. С ней можно было выполнять любые желания, без всяких скатертей и зеркал. Но теперь что-то перестало получаться. Каждый раз попадает вовсе не туда, куда хочет. Ее это сердит, она пробует снова и снова, попадает туда, где уже была. Почти не живет дома, возвращается, чтобы только поесть. Потому что она любит только мой домашний творог... Ах, деточки мои, ах бедненькие! Ведь надо спешить. Если она будет убегать от тебя слишком долго, она может забыть, как была девочкой. То-

гда уже ей ничем не поможешь. Возьми-ка у меня на всякий случай двухмильные шлепанцы — для скорости. А еще вот тебе одна вещица, ее девочка потеряла.

И старушка показала вот что...

ЕЩЕ О ВРАНЬЕ

Учитель Вранья достал из кармана изогнутую желтоватую пластинку, пластмассовую или, может, костяную. Это был обломок большого гребня с узорным украшением. Но Тим и Таська смотрели не на обломок — они смотрели на Антона Петровича. Причем Таська даже открыла рот и не закрывала так долго, что какая-то легкомысленная бабочка-лимонница чуть не запорхнула туда, как в пещеру или как в зев цветка. Хорошо, что Таська вовремя выдохнула. А Тим спросил:

— Так это были все-таки вы?

— Я?.. то есть мальчик... Ладно, что теперь... не все же врать. Да. Я столько гонялся по Аристани за этой проклятой девчонкой, что очень быстро стал взрослым. Ведь вы уже поняли: там время меняется,

когда ходишь по разным местам. Зато бороде успел отрастить, теперь пригодится.

— Зачем?

— Во-первых, когда борода отрастет вот до сих пор, я смогу стать Профессором Вранья. Профессор еще главней, чем Учитель. А во-вторых, с бородой эта девчонка меня не сразу узнает, когда я подойду совсем близко. Впрочем, она теперь тоже стала довольно взрослой.

— Как? — ужаснулась Таська. — Значит, вы ее еще не нашли?

— Это долгая история. Несколько раз я ее уже почти находил. Но она то пряталась, то убегала, и вообще говорила, чтоб я от нее отстал. Потому что она все время ко мне хочет, вот в чем действительно беда, понимаете? А рецепта от этой болезни я пока не узнал. Теперь я действую осторожнее, взял себе в помощники Кис Кисыча, чтоб не потерять ее след. И знаете, куда привел этот след? Сюда, в дачный поселок. Смотрите. Кис Кисыч, след!

Учитель дал понюхать песику обломок гребня. Кис Кисыч жутко разволновался, забегал зигзагами, носом к траве. Хвост

его вращался так быстро, что иногда становился невидимым.

И может быть, из-за этого хвоста Тиму временами казалось, что у него как будто кружится голова. Причем не совсем наяву, а вроде бы немного во сне.

Это было странное чувство. Иногда он, конечно, понимал, что учитель Антон Петрович не то чтобы врет — рассказывает сказки, причем сказки для маленьких. Про Пузыря в короне — это конечно же была сказка. Ну и ладно, пусть сказка, слушать было тоже интересно. Не в том дело. А вот в чем: не было при этом уверенности, что всё здесь вранье и сказка. Вот ведь, обломок гребешка был самым настоящим — рукой можно потрогать. И Кис Кисыч оказывался тем самым зверьком, которого, казалось, придумала Таська: если присмотреться, он, пожалуй, чуть-чуть взлетал над травой. Как будто она не совсем его придумала, а немножко все-таки увидела — может, во сне. Да, это чувство напоминало именно сон: когда понимаешь, что такого не может быть взаправду — и все-таки это с тобой проис-

ходит. Бывало у вас такое? Проснешься — и все равно не можешь понять, было ли это на самом деле.

— Отставить, Кис Кисыч! — скомандовал Учитель Вранья, и песик перестал нюхать след. А Таська спросила:

— Значит, здесь тоже есть подземный ход в эту... Аристань?

— Почему только подземный? Всякие. Этих ходов вообще больше, чем мы можем себе представить. Иногда вдруг окажешься в Аристани, а как туда попал — непонятно.

— Разве туда многие попадают? — недоверчиво спросил Тим. — Почему же никто не рассказывает?

— Как это никто? Вот я рассказываю. Только, честно говоря, не всем. Потому что некоторые, особенно взрослые, все время боятся, как бы их не обманули. Они сразу начинают говорить: «Вранье». И я перестаю рассказывать. А детям — почему бы нет? Правда, когда рассказывают детям, некоторые вначале предупреждают, что это все сказки. Чтобы дети не вздумали сами искать дорогу в Аристань. Ведь

там довольно много опасных мест. Есть ходы, по которым еще неизвестно куда попадешь. Даже если идешь по одной и той же дороге — вовсе не обязательно угадаешь в одно и то же место. Куда занесет. Вот в чем трудность.

— А двухмильные шлепанцы вам дали взаправду? — спросила Таська. Она теперь одной рукой обнимала Кис Кисыча, а он смотрел на нее добрыми голубыми глазами, и лизал ей щеку, и тыкался в ухо, как будто хотел что-то сказать.

— Конечно. Вот они. — Учитель Вранья вынул из рюкзака пару старых ношенных тапочек огромного размера и без задников.

— Это двухмильные? — не поверил Тим.

— Если быть точным: двух с четвертью. В них любого можно догнать.

— Ой, дайте попробовать! — попросила Таська.

— Пожалуйста. Да ведь они тебе совсем велики, не будут держаться. Даже у меня спадают. Я не люблю в них бегать.

— Ой, покажите!

— Показать можно. Только я еще не со-

всем понял: идете вы ко мне в ученики?

— Конечно! — крикнули оба разом.

— Тогда обещайте, во-первых, помогать мне, а во-вторых, никому про меня не рассказывать. Особенно взрослым.

— Обещаем!

— «Обещаем!» Ишь как просто! У нас так не обещают. Чтобы обещать взаправду, без вранья, у нас надо встать вверх ногами, пройти на руках три шага и сказать секретное слово.

— Я не умею ходить на руках, — сказал Тим.

— Я помогу. А секретное слово помните? Ну, кто первый?

ОБЕЩАНИЕ

Первой вызвалась Таська. Она перекувырнулась на руки, учитель Антон Петрович поддержал ее за ноги, помог пройти три шага, и Таська сказала:

— Я иду по ковру.

Потом то же повторил Тим.

А потом Учитель Вранья стал испытывать двухмильные шлепанцы. Он велел

Тиму с Таськой убежать, а сам пробовал догнать их тремя прыжками. И первый прыжок у него действительно выходил таким громадным, что он догнал бы их уже со второго — но не успевал. Потому что на втором прыжке шлепанец все время сваливался то с одной ноги, то с другой, и дети с визгом разбегались.

— Надо будет веревочкой подвязать, — сказал Учитель Вранья. — В другой раз. Договоримся так: до завтра вы будете ждать от меня известий, приказаний и всяких домашних заданий. Но помните уговор: обо мне никому ни слова. Особенно этой вашей... как вы ее зовете?

— Скуке Зеленой.

— Да, особенно ей. Встречаться будем только тайком, так надо. А если вы случайно увидите меня на улице, делайте вид, будто видите меня в первый раз. Понятно?

— Понятно! — сказали Тим с Таськой.

— Тогда скорее домой. Эта ваша... забываю, как зовут... небось, уже по всему поселку вас ищет. А мне пока нужно кое-что записать.

Дети ушли. Учитель Вранья взял тетрадь в клетку, открыл на чистой странице и написал сверху заголовок:

история вторая

По ступенькам

ОБЛОМАННЫЙ ГРЕБЕНЬ

Скуку Зеленую... то есть по-настоящему тетьку Лену, Тим с Таськой встретили по дороге. А можно сказать, что это она их встретила. Так будет, пожалуй, вернее. Потому что она часа два искала их по всему поселку и уже собиралась бежать в милицию — заявить о пропавших детях.

— Где вы были? — спросила она голосом, явно предвещавшим слезы. Тим и Таська ждали, что их будут ругать, но от этого беспомощного жалобного голоса так растерялись, что вдруг позабыли уже приготовленное замечательное вранье. Да оно и не понадобилось — тетя Лена не стала дожидаться ответа. Ей слишком много надо было высказать самой. — Ведь предупреждала же, ведь просила не оставлять вас на меня. Говорила же, что не умею. И даже не объяснили, даже не сказали: может, вам так разрешается — пропадать чуть не до вечера.

Тиму и Таське прямо стало ее жалко. Мама и папа просто наказали бы их за такое гуляние. А тетя Лена, оказывается, не

знала, можно ли их наказывать и как. Она боялась сделать что-то неправильно...

— И вообще, мне надо к экзаменам готовиться, — добавила она уже другим голосом, скорее сердитым, чем жалобным. — А не ходите вас разыскивать. Вот провалюсь из-за вас...

Тут Таське стало интересно.

— Как это провалишься? — спросила она.

— Как обычно проваливаются. На экзамене, — ответила тетя Лена и посмотрела на Таську взглядом, который, очевидно, говорил: девочке, которая так провинилась, лучше бы помалкивать и не задавать лишних вопросов. Да еще таких глупых.

Но Таська этого не поняла.

— А что такое экзамен? — спросила она.

Тетя Лена вздохнула. В этом вздохе было возмущение, потому что она собиралась продолжить совсем другой, воспитательный разговор. И в то же время она уже на тяжком опыте поняла, что от этой девочки так просто теперь не отделаешься. Поэтому она терпеливо ответила:

— Экзамен — это когда тебе задают вопросы, а ты должна правильно ответить.

— А кто задает? Учитель?

— Вроде учителя. Но в институте он называется по-другому.

— Профессор, — вставил Тим.

— Почему профессор? Нет... А может, и профессор, — неуверенно сказала тетя Лена. Про институт она сама, видно, не очень точно знала.

— С бородой? — обрадовалась Таська.

— Почему обязательно с бородой? — не поняла тетя Лена.

Но Таська этого объяснять не стала.

— Профессор, с бородой и больше всех знает, — уверенно сказала она. — Еще бы не больше! Ему на этом экзамене каждый что-нибудь рассказывает. Надо только запоминать.

Тетя Лена посмотрела на нее и ничего в ответ не сказала.

Они молча шли к дому. Был теплый вечер. Пахло цветущей сиренью, и небо с одного краю было сиреневого цвета, а с другого еще немного освещено. Зажглись фонари на столбах, в конусах желтого света под ними светилась и плясала, как снежинки, мошкара.

Вечерние мотыльки кружились и вокруг лампы на веранде, где тетя Лена усадила их ужинать. Сама она есть не стала.

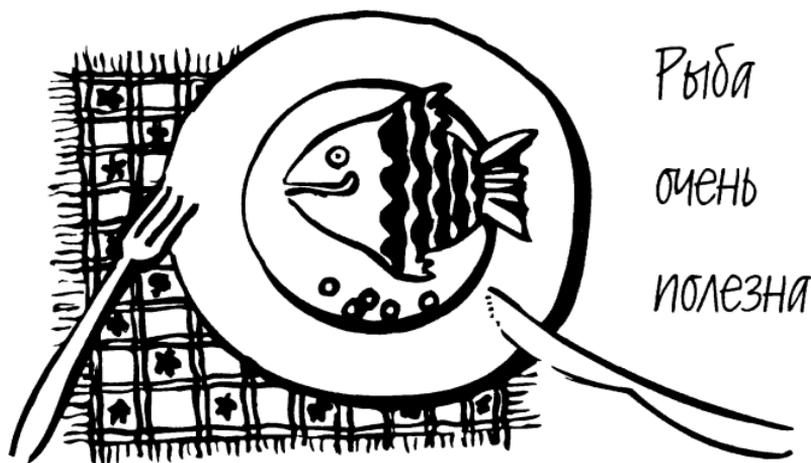
— Ничего, — сказала, — не хочу. И есть не хочу. И в институт поступать не хочу, — добавила она вдруг.

Дети посмотрели на нее с интересом и принялись за еду. На ужин была рыба, которую они вообще-то не любили из-за множества мелких косточек. Но от голода или от задумчивости Таська расправилась с ней быстро, почти незаметно. И даже ни разу не подавилась.

Тим был тоже задумчив — он перебирал приключения прошедшего дня. Но от задумчивости, наоборот, забывал есть, хотя был голоден не меньше Таськи. Только едва-едва ковырял вилкой рыбий хвост.

— Почему ты не ешь? — заметила тетя Лена, и голос ее опять звучал не сердито, а жалобно и огорченно. — Я что, невкусно стоговила? Ешь, пожалуйста. Рыба очень полезна. Для мозга. В ней, говорят, много фосфора.

— Фосфора? — заинтересовался Тим. — Это который светится в темноте?

Откуда он про это знал? У них были такие елочные игрушки со светящимся в темноте узором, и папа однажды объяснил ему, что это светится фосфор, такое химическое вещество, подмешанное в краску. Странно было лишь, кто и зачем решил подмешать фосфор в рыбу. Впрочем, бывают и рыбы светящиеся...

Тим попробовал кусочек, пожевал, выясняя вкус. Рыба слегка горчила — наверное, от этого самого фосфора. Он покосился на Таську — она на их разговор не обратила внимания. Да если и обратила, наверняка не поняла... И вдруг Тим принялся за еду, точно ему в голову пришла какая-то мысль. Он не только съел всю порцию, но еще попросил добавки.

Тетя Лена обрадовалась, как будто ей сделали приятное. И Тим опять ощутил к ней что-то вроде сочувствия.

Вечер был тихий-тихий. Только время от времени подавала голос какая-то грустная вечерняя птица — должно быть укладывала спать своих детей. Да издалека, от станции изредка доносился шум электрички. Они пили чай с конфетами, но тетя Лена даже от конфет отказалась.

— Ты не любишь сладкого? — удивилась Таська.

— В том-то и дело, что слишком люблю, — непонятно ответила та.

Она положила перед собой на свободный край стола учебники и, глядя в них немного боком, стала распускать косы. Таська опять залюбовалась этим золотым водопадом...

И вдруг...

Она локтем толкнула Тима, чтобы он тоже посмотрел. Но Тим не понял, куда смотреть. А тетя Лена спросила:

— Что вы на меня так смотрите?

— Гребешок... сломанный, — только и смогла выговорить Таська.

И тут Тим тоже увидел в руке тети Лены гребешок. Это был тот самый гребешок, того же самого цвета, что и обломок, который показывал им Антон Петрович. Вернее, это была вторая, большая половина того самого гребня: из желтоватой кости, может быть, даже слоновой, с красивым резным узором.

— А... — не совсем правильно поняла тетя Лена их удивление. — Да, он у меня давно сломался, но мне жалко выбрасывать. Это старинный гребень, подарок бабушки, я с ним еще в детстве играла.

— А тот отломанный кусок?

— Потерялся, наверно. А что?

— Ничего, — сказала Таська.

— Тетя Лена, а ты была когда-нибудь маленькой девочкой?

— Конечно, была. Что за странный вопрос?

— Ты точно помнишь?

— Что значит помнишь? Я это знаю. Все взрослые были когда-то детьми.

Таська переглянулась с Тимом. И Тим приложил палец к губам, чтобы она не спрашивала дальше. Но сделал это неза-

метно, как будто стряхивал с губ крошки.

В голове у него слегка шумело — от усталости или просто от событий сегодняшнего дня. Он опять испытывал то же самое чувство, какое бывало в новогоднее утро, когда, просыпаясь, находишь возле своей кровати подарки от Деда Мороза: и знаешь, что Дед Мороз бывает только в сказках, но подарки-то вот, настоящие.

В ТЕМНОТЕ

— Видел? — шепотом спросила Таська, когда они с Тимом оказались одни в своей комнате.

— Видел, — так же шепотом ответил Тим.

— Это она, — сказала Таська. И вдруг вспомнила: — Она ведь сама сказала, что приехала из этой... из Аристани.

— Из Астрахани, — поправил Тим.

Таська пожала плечами. Она не видела тут особой разницы.

— Завтра скажем Антону Петровичу, правда?

— Конечно, — сказал Тим. — Только надо, чтоб она не догадалась.

— Да. А то убежит куда-нибудь. Или уедет.

Вот ведь: еще сегодня утром оба были вовсе не прочь, чтобы Скука Зеленая уехала. А сейчас нет. Сейчас они все понимали. Получалось, что она вовсе не виновата. Наверно, она и сегодня, когда встретила, хотела их наказать, а вместо этого сама чуть не расплакалась. Может, она даже хотела бы, чтоб они играли возле погребца, — но именно поэтому запрещает. И так у нее во всем. Очень любит сладости — и поэтому их не ест. Вот, даже в институт не хочет поступать, а зачем-то поступает, мучит себя. Ужасно, ужасно!

Таська ведь по себе прекрасно знала, как это бывает. Хочешь сделать что-то очень-очень правильное, очень-очень хорошее. А делаешь наоборот, совсем неправильное и не очень хорошее. Хочешь, например, сказать Тиму: поиграй со мной. А вместо этого высунешь зачем-то язык. Хочешь не драться, а руки начинают сами. Хочешь говорить правду, а вранье лезет откуда-то само, без спросу. Ты даже не виновата. И это еще без всякого колдовства, без всяких черных перьев. Можно себе

представить, насколько все сильнее с колдовством... А может, и со мной колдовство, — подумала вдруг она, — только непонятное и незаметное? Как тогда от него избавиться?

— Смотри, слушайся меня, — сказала она своему Мишке и стала стелить ему постель. — Никуда не ходи без разрешения, особенно к погребу. Там могут быть всякие звери... А знаешь, Тим, ведь Кис Кисыч меня узнал. Он мне сам сказал на ухо, что это я его видела...

Тим в это время складывал в жестяную коробку мотки разноцветной проволоки, которую он нашел по дороге. Он ничего не стал отвечать. Он даже не напомнил Таське, что сегодня утром она сама назвала враньем свой рассказ про летающего ушастого зверька. Бесполезно было это говорить — так все перепуталось.

Но он не забыл, что должен сегодня без промедления перепрятать запасы, хранившиеся за дверью погреба. И думал, что, может, немножко даже туда заглянет. Может, даже спустится чуть-чуть по ступеням с фонариком.

Тим тут же проверил, на месте ли фонарик. Все было на месте — фонарь дождался в секретной выемке под подоконником. Таська уже лежала со своими игрушками, рассказывала им на ночь сказку, чтобы заснули.

— Это было давным-давно, — так началась она, — когда вас еще на свете не было. И меня не было. И Тима не было. Даже мамы не было, и папы не было. И самого света не было. Ничего не было, только пустой квадратик...

Тим выключил свет. Теперь главное было дождаться, пока Таська заснет, но не заснуть самому. В комнате становилось светлее от лунного света. За окном шелестели ветки. Прощумела вдали электричка — наверно, последняя. Чтобы глаза не слипались, Тим стал придерживать веки пальцами. Это было трудно. В темноте иногда слабо вспыхивали разноцветные искры, похожие на салют. Начал накрапывать легкий дождь. Потом Тим понял, что это не дождь, а звук фонтана, и салют — разноцветные брызги воды. Он повернулся, чтобы увидеть, где сам Фонтан — клоун в

красных трусах, и как будто увидел. Но потом оказалось, что это были всего лишь цветные пузыри. Один, раздувшись, лопнул с легким звуком...

И тут Тим вздрогнул: он понял, что нечаянно заснул с открытыми глазами, придерживая пальцами веки.

Он вскочил как ужаленный.

В комнате было почти светло от луны. Осторожно, чтоб не скрипнули пружины, Тим слез с кровати, на цыпочках подошел к подоконнику, сунул в выемку руку за фонариком.

Фонарика на месте не оказалось.

Тим кинулся к Таськиной кровати. На кровати под одеялом спали, обнявшись, мишка и заяц. А Таськи не было.

Тут он сразу все понял. Вот ведь какая хит-рая, какая противная девчонка. Она подсмотрела, куда Тим прячет фонарик. Она сама задумала сходить ночью к погребу, а ему не сказала ни слова. Боялась, что, если попросится с ним вместе, он ей не разрешит. И правильно боялась, конечно.

Ну погоди, несносная девчонка, — подумал Тим. — Теперь я тебе покажу!

Он обул на босу ногу сандалии и прямо в трусах и в майке вышел на улицу. Трава была мокрая, но дождь уже не капал. Луна вдруг скрылась за облаками. Впрочем, даже из-за облаков она посылала на землю слабый рассеянный свет.

И в этом слабом свете Тим увидел, что дверца погребца отодвинута и возле косяка чернеет щель.

— Таська! — крикнул он сердито и строго. Только совсем шепотом. Не знаю, представляет ли кто-нибудь, как это: кричать шепотом. Но по-настоящему Тим крикнуть не мог, чтобы не услышала и не проснулась тетя Лена. В то же время это был не простой шепот, а все-таки крик. Лучше всего было бы, конечно, позвать ее ультразвуком, но этого Таська просто бы не услышала: она была не летучая мышь и не дельфин.

— Таська! — повторил он еще раз.

Никто не отозвался. Что она, вздумала поиграть с ним в прятки? Или вдруг забралась куда-нибудь дальше? Неужели не побоялась одна в темноте, пусть даже с фонариком?

Тим просунул в щель сначала руку: все его вещи были на месте. И банки с одуванчиковым хлопком, и коробки со всеми деталями, и железки, и камни. Тогда он осторожно протиснулся в щель сам.

В погребе была кромешная темнота — темней, чем самая черная ночь. Без фонарика было невозможно никуда двинуться.

— Таська, — позвал Тим опять, уже встревоженной. Он все еще ждал, что она притаилась где-то в темноте, а сейчас вдруг ухнет, чтобы его испугать.

Он постоял еще — может, глаза хоть немного привыкнут... И тут вспомнил, что хотел проверить одну научную мысль. Из всех сил он вглядывался в темноту. И вот ему стало казаться, что становится как бы чуть-чуть светлей. Он как будто уже мог различить свою собственную руку. Протянул ее перед собой — осветился кусок каменной стены.

Догадался бы кто-нибудь другой, откуда появился свет? А Тим догадался. Не зря же он попросил за ужином добавочную порцию рыбы, в которой, как он теперь знал, было действительно много фосфора. Ну,

теперь ясно? Конечно: всем известно, что фосфор светится в темноте. И благодаря ему чуть-чуть светился, видимо, сам Тим. Чуть-чуть, слабее елочной игрушки. Но все-таки. Значит, он правильно рассчитал.

Пожалуй, рыбы стоило съесть еще чуть побольше, может, свет был бы тогда по-сильней. Тим держал перед собой, как фонарь, вытянутую руку, но она освещала лишь то, к чему почти прикасалась, так что он двигался, можно сказать, на ощупь.

Он подумал, что Таська с фонариком могла спуститься со ступенек и спрятаться там за второй, внутренней дверью. Надо было настичь ее там.

Держась все время левой рукой за холодную стенку, а правую вытянув вперед — не столько как фонарь, сколько чтоб не наткнуться на что-нибудь в темноте, он осторожно спустился с первой ступеньки. Потом, немного осмелев, со второй. Потом поставил ногу на третью...

Вдруг раздался треск трухлявого дерева — ступенька подломилась под ногой. Тим потерял равновесие, упал и покатился вниз по лестнице, как катится уроненный

мяч, разве что не подпрыгивая.

Самым странным ему потом казалось, что боли он при этом совсем не почувствовал. Углы ступеней прикасались к его бокам — или, можно сказать, он прикасался к углам ступеней боками, спиной, коленями и даже затылком — но так, как будто в самом деле был резиновый и ничего при этом не весил. Он только прикрыл глаза и пытался на лету зацепиться за что-нибудь руками.

Потом он даже не мог сказать, сколько времени скатывался так по ступеням — все дальше, все дальше. Ему казалось, что долго, очень долго. Он успел даже подумать: не могла же лестница быть такой длинной. Он видел ее днем, когда заглядывал в щель, — там было ступенек шесть — восемь, не больше. Или она продолжалась еще за вторыми дверями, которые сейчас оказались открытыми? Он все катился и катился, как будто летел во сне, переворачиваясь, закрыв на всякий случай глаза и чувствуя лишь прикосновение к телу безболезненных углов и выступов. Слышался непонятный звон и стук, будто разлета-

лись в стороны, перезваниваясь, пустые бутылки или банки. «Здорово едет», — сказала одна. «Без зонтика», — отозвалась другая легким стеклянным голосом. Наконец падение прекратилось и стало тихо.

УЧЕНЫЙ

Когда Тим открыл глаза, оказалось светло. Как будто он незаметно проспал ночь и проснулся уже днем.

Но удивился Тим сначала не этому. Прямо перед собой он увидел большое увеличительное стекло, а за ним огромный немигающий глаз.

Потом глаз мигнул огромными ресницами. И Тим понял: это его кто-то рассматривает через увеличительное стекло. Тут же он увидел второй глаз и все лицо взлохмаченного бородатого человека. Волосы у него торчали в разные стороны, как прутья, вставленные в дырки. Непонятно, как держалась на этих волосах круглая красная шапочка, похожая на кулек. Наверно, была пришпилена булавкой.

— Очень интересно! — сказал лохматый

человек и покачал волосами. — Просто удивительно! Какое сегодня число?

Тим попытался вспомнить, но сразу не смог. Однако лохматый вовсе и не ждал от него ответа, он говорил сам с собой:

— Нет никакого сомнения: сегодня половина двенадцатого. Да, половина двенадцатого июня. Или, иначе говоря, одиннадцатое июня с половиной. Впрочем, как всегда. Потому что одиннадцатое июня осталось позади, а двенадцатое еще впереди. Правильно я рассуждаю? Конечно, правильно. Впрочем, как всегда. А сколько, интересно, у нас часов?

Тим знал, что так спрашивать неправильно. Надо спрашивать: «Сколько времени?» или «Который час?» Но он и этого сказать не успел — человек уже отвечал сам себе:

— Десять часов. Ровно десять. Впрочем, как всегда. У меня всегда десять часов. Пересчитаю на всякий случай. — Он вытащил из широченных карманов две гирлянды часов на цепочках. Часы были большие и маленькие. Тиму показалось, что на некоторых не было даже стрелок. —

Раз, два, три... — начал считать лохматый, — девять, десять. Да, все сходится. Что ж, так и запишем. Запишем так: сегодня, в половине двенадцатого июня, в десять часов, как и ожидалось по моим научным расчетам, прямо на Астрономическую поляну упала комета необычной формы...

Тим ничего не понял, только догадался, что человек перед ним — Ученый. Он приподнялся и увидел, что лежит на траве посреди зеленой поляны. Рядом стояла тренога, на ней длинная труба, уставленная в небо. Телескоп, наверно.

— Здравствуйте, — сказал Тим.

Ученый как стоял, так и сел на траву.

— Вот это да! — вымолвил он. — Говорящая комета!

— Вы про меня? — не понял Тим. — Какая же я комета? Я человек.

— Действительно, — сказал Ученый, — удивительное сходство! Ну и ну! Хоть пой, хоть стадай! То есть я хотел сказать: хоть стой, хоть падай. Никто еще таких комет не открывал, я первый. А ведь я тебя давно предсказал. Я вычислил математиче-

...прямо на
Астрономическую поляну упала
комета необычной формы...

ски, что ты упадешь именно сюда, именно в этот день и в этот час. Ай да я! Так я тебя и назову: комета Айдая. Неплохо звучит?

— Не знаю. У меня уже есть имя.

— Есть? Откуда?

— От папы с мамой. Меня зовут Тим. Можно Тимофей.

— Тимофей... Нет, Тим лучше. Но еще лучше Айдая. Обычно кометы называют по имени открывателя. Ну ладно, для такой особенной, говорящей кометы можно сделать исключение.

— Да что вы, в самом деле! — Тим начал уже сердиться. — Посмотрите, вот: у меня же руки, ноги, голова.

— То-то и замечательно! — ответил Ученый. — На тебя сбегутся смотреть все аристанские ученые, профессора, академики и даже студенты. Мы поместим тебя в музей, под специальное стекло.

— Ага, под стекло, — фыркнул Тим. — Ждите.

— Я знаю, кометы бывают ужасно строптивые, — вздохнул Ученый. — Ждешь их в одном месте, они показываются в другом. И все тогда говорят, что

ученые ошиблись, неправильно рассчитали. Нет, разве не видно: дело в самих кометах. Это они поступают неправильно. Ты пойми: ведь все рассчитано заранее, по науке. Умножено, разделено. Причем столбиком. Потом проверено и поставлено пять. Красными чернилами. Ошибки быть не может. И потом, тебе так гораздо лучше. Чем носиться непонятно зачем, непонятно в каком пространстве. Там же пусто и холодно. Разве нет? Скажи сама, откуда ты взялась? Раз ты такая умная, может, ты мне сама все объяснишь? Может, ты лучше знаешь? Может, ты скажешь, что не с неба упала?

Тим открыл рот, чтобы ответить — но ничего не сказал. Он просто не знал, как объяснить свое появление.

— Вот то-то, — сказал Ученый. — Ты ведь не умеешь рассуждать, как я, логически.

— Как?

— Видишь, ты даже слова такого не знаешь. Это специальное ученое слово. Размышлять логически — значит связывать одно событие с другим, одну мысль с другой. И понимать, как все получается и

почему. Попробую тебе объяснить на простом примере. Допустим, я вышел на улицу без очков и простудился. Что из этого логически следует? А?

— Не знаю.

— Не знаешь? Вот то-то! А говоришь! Из этого следует, что очки предохраняют от простуды. Ставлю себе пять с плюсом. Вывод: чтобы не простудиться, надо носить очки. У настоящего ученого все обдумано, все рассчитано... Ой, — вспомнил он про что-то. — Подожди, мне сегодня надо еще посчитать немного. Столько времени потерял на пререкания с тобой... Семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч два, семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч три... — начал быстро бормотать он.

— Что это вы считаете? — спросил Тим.

— Подожди, не мешай. Семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч четыре... Мне нужно досчитать до миллиарда. Я каждый день считаю по восемь часов с перерывом на обед. Семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч пять...

— А зачем вы считаете?

— Как — зачем? Еще никто в мире не досчитывал до миллиарда. Я буду первый. Семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч шесть... Я много придумал такого, до чего никто другой бы не догадался. У меня знаешь сколько открытий и изобретений? Семьсот миллионов двести девяносто пять тысяч семь...

— Так много? — ахнул Тим.

— Нет, это я все считаю. Ладно, сделаю перерыв. Все равно ты меня отвлекаешь. Вот, смотри, какие я, например, придумал замечательные шашки. В них никто никогда не проигрывает.

— Как это?

— Гениально просто. В этой игре белые шашки ходят только по белым клеткам, а черные — только по черным. Они никогда не сталкиваются, понимаешь? Играй, пока не надоест, и никому не обидно. Еще я придумал порошковую сухую воду.

— А это как?

— Ну, ты ведь знаешь, бывает сухое молоко, в порошке. Разведешь порошок водой — и пьешь настоящее молоко. Вот я придумал и воду такую. Очень удобно,

особенно в путешествиях. Отправляешься, например, в пустыню, берешь с собой вместо тяжелой мокрой воды запас легкого сухого порошка. Не нужно никаких бочек.

— А чем потом разводить? — заинтересовался Тим.

— Это уже следующая проблема, я над ней как раз думаю. Но знаешь, какое открытие меня больше всего прославил? Я придумал, как загонять джинна в бутылку.

— А! — вспомнил Тим. — Какое же это открытие? Про это уже было в книжке. Надо его сначала перехитрить. Чтобы джинн сам вернулся в бутылку. А потом — раз! — и заткнуть пробкой!

— Раз — и заткнуть! — передразнил Ученый. — Так ты и перехитришь настоящего взрослого джинна! Сказки все это. Начитался! Разве можно верить сказкам? Там все вранье, причем совершенно ненаучное. По-научному делается так. Берется совсем-совсем маленький джиннчик. Чтобы пролез в самое узкое горлышко. Потом горлышко закрываем, джинн в бутылке растет — а выбраться уже не может. Понятно?

— Нет.

— Ну, что взять с кометы! Что тебе непонятно?

— Непонятно, где достать такого маленького джиннчика.

— Опять, хоть пой, хоть стадай! Я уже тебе сказал: это теперь пусть другие ищут. Экспериментаторы. Или какие-нибудь завхозы. Не знаю, кто занимается обеспечением. Я ученый-теоретик, понимаешь? Мое дело дать идею. То есть мысль. Вообще мне надоели твои вопросы. Занимайся своим делом, Комета!

— Опять хоть пой, хоть стадай, — сказал Тим. — Никакая я не комета.

— Знаешь, давай кончать пререкания. Хочешь, спросим кого угодно, первого попавшегося ученого, кто ты такой... такая... такое... тьфу, совсем запутался. Вон как раз идет какой-то с бородой. Профессор, наверно. Пусть он тебе скажет.

ЭКЗАМЕН

Тим чуть не вскрикнул от удивления: перед ним был Учитель Вранья собственной персоной. Да еще вдобавок с персо-

ной Кис Кисыча. Но Антон Петрович приложил палец к губам, и Тим вспомнил уговор: ни при каких обстоятельствах не выдавать, что они знакомы. Даже умный пес сделал вид, будто первый раз обнюхивает этого мальчика в трусах, красной майке и сандалиях на босу ногу.

— О чем у вас спор? — спросил Учитель Вранья важным голосом.

— Да вот, понимаете, — сказал Ученый, — эта... этот... В общем, пришел я сегодня посмотреть в телескоп на комету, которая по моим расчетам как раз должна была упасть на Астрономическую поляну. Смотрю: действительно, лежит. Прилетела тютелька в тютельку, как я рассчитал. И оказалась, представляете, говорящей. Даже слишком, — добавил он и сердито посмотрел на Тима.

— Она стала со мной пререкаться, возражать мне. Спорить, что вовсе она не комета. Как будто она умней меня и больше знает. Скажите ей, чтоб не спорила.

— Понятно, — сказал Учитель Вранья умным голосом (каким обычно говорят, когда не очень-то понимают). — Сейчас устрою

вам экзамен. Чтоб выяснить, кто умнее.

— Какой такой экзамен? — возмутился Ученый. — Почему обоим? Вы что, Профессор, что ли?

— Конечно, Профессор, — соврал Учитель Вранья. — Разве не видно?

— Борода что-то маловата, — засомневался Ученый.

— У меня маловата? Да подлинней, чем у вас!

— Давайте померяем!

— Пожалуйста!

Они стали друг против друга и начали мериться бородами. Это было непросто, потому что Ученый оказался пониже ростом и борода у него была слишком запутанная. Антону Петровичу пришлось даже немного присесть. Получилось, что борода у него действительно чуть-чуть длинней. На полногтя.

— Длинней так длинней, — сдался Ученый. — Пожалуйста, задавайте вопросы. Только теоретические, чтоб ничего делать взаправду было не надо. Можете поспрашивать правила. Я все знаю. Правила перехода через экватор, правила приема

солнечных ванн, правила охоты на летучих мышей. Пожалуйста.

— У меня свои вопросы, — сказал Учитель Вранья. — Поинтереснее. Вопрос первый, на сообразительность. Предположим, вы идете по дороге. Ноги устали, а останавливаться некогда — потому что вы очень спешите. Как дать ногам отдых, при этом не останавливаясь?

— Я знаю, — поскорей поднял руку Ученый. — Очень просто. Надо перевернуться вниз головой и идти на руках.

— Неплохо, — согласился Учитель Вранья. — Правда, не очень удобно. Идти-то придется затылком вперед. А если по дороге дерево или яма? Не увидишь и — бух затылком! Ставлю за ответ пять с минусом. А ты что скажешь? — обратился он к Тиму.

— По-моему, лучше прыгать по очереди то на одной ноге, то на другой. Пока на одной прыгаешь, другая отдыхает.

— А что? И правда, так лучше, — сказал Учитель. — Ставлю тебе пять с плюсом.

— Еще вопрос, еще! — потребовал Ученый. — На экзамене должно быть три вопроса. И еще дополнительный.

— Сначала дополнительный. А вот если вы идете вдвоем? Как лучше отдохнуть, не останавливаясь?

— Знаю, знаю, — опять выскочил первым Ученый. Он вообще был, похоже, из выскочек. — Надо по очереди нести друг друга на плечах. Один идет, другой отдыхает.

— Неплохо, — согласился Учитель Вранья. — Даже не знаю, как быть. То один кажется умней, то другой. Попробую второй вопрос — не на сообразительность, а на сравнение. Скажите, на что похожа морковка?

— На эту... на этот... — захотел опять выскочить первым Ученый, но не смог ничего придумать. Зато Тим сказал:

— На нос Снеговика.

— Пожалуй, — сказал Учитель Вранья.

— Не знаю я никаких Снеговиков, — рассердился Ученый. — Давайте лучше не на сравнения, а на простые слова.

— Можно и на простые. Скажите, кто такой виртуоз?

— Это который все время вертится. На стуле или на парте, — опять не дал сказать Тиму Ученый.

— Допустим... А что такое... э... что такое гипс?

Тут Тим с Ученым переглянулись.

— Не знаю, — честно признался Тим.

— А я, кажется, знал... только сейчас не могу вспомнить, — сказал Ученый. — Нет, не помню. Что это такое?

— Откуда я знаю? — сказал Антон Петрович. — Я для того и спрашиваю, чтобы узнать.

— Может, это гипс, который заболел гриппом? — предположил Тим.

— Глупости, — замахал руками Ученый. — У гипса не бывает гриппа. То есть у гипса не бывает гриппа... Какой-то дурацкий экзамен, неправильный.

— Ладно, тогда последний вопрос, — сказал Учитель Вранья. — Только вы станьте от меня подальше, вон на тот мостик. А ты сюда, рядом со мной. Отгадайте, отчего прыгает мяч, когда им стукнешь о землю?

Ученый снова не дал Тиму ни секунды на размышление.

— От боли! — крикнул он. Но тут же передумал: — Нет, нет, сейчас скажу. От удо-

вольствия!

— Как это?

— Вот так. Вот так, — показал Ученый и подпрыгнул раз, другой.

Вдруг мостик под ним проломился, и он свалился в ручей. Ручей был неглубокий, но пока Ученый из него выбирался, проклиная на чем свет говорящие кометы и глупых профессоров, Тим с Антоном Петровичем были уже далеко.

ЗА ТАСЬКОЙ

— Уф, — сказал Тим. — Еле от него избавились. Странные здесь ученые.

— Только ученые? Некоторые кометы меня тоже удивляют, — сказал Антон Петрович. — Как ты сюда попал? Действительно с неба свалился?

— Нет, с лестницы, — сказал Тим.

И он рассказал Учителю, как все случилось. Антон Петрович был недоволен.

— Теперь еще твою сестру искать. Только мне и заботы разыскивать упрямых пропавших девочек. Еще ведь неизвестно, куда она угодила. Здесь дороги так не-

заметно расходятся, легко заблудиться. Вот некстати! А мы как раз договорились встретиться с друзьями.

— С какими друзьями?

— С Фонтаном и Маленьким Великаном. То есть с бывшим Фонтаном и бывшим Маленьким Великаном. Теперь они оба музыканты, вместе путешествуют. Маленький Великан нашел подходящий рояль, небольшой, но с широкими клавишами, носит с собой на ремне через плечо. А Фонтан играет то на скрипке, то на дудке, то на кастрюле, то на гребешке. Он на всем может.

— Как здорово! — сказал Тим. — А где они?

— Что-то задерживаются. Они собирались поискать Книгу рецептов, которую тетушка Дирекция — помнишь? — нечаянно отдала.

«Кому отдала?» — хотел уточнить Тим, но только открыл рот, как вспомнил другое: он еще главное Антону Петровичу не сказал.

— А знаете, ведь мы ее уже нашли.

— Кого?

— Девочку эту... То есть бывшую девочку, у которой сломался гребешок.

И он рассказал Учителю про свое с Таськой открытие. Антон Петрович покачал головой. Он удивился, как показалось Тиму, гораздо меньше, чем заслуживало такое известие.

— Я так и знал, — сказал он. — Я уже догадался, что она где-то в этом поселке. Кис Кисыч напал на ее след. Но я его пока сдерживаю. Ведь у меня еще нет рецепта, как ее расколдовать. Спугну раньше времени, а она опять сделает что-нибудь наоборот. Тогда все пропало. Так что вы с сестрой даже виду не подавайте, что все про нее знаете... Да, теперь и сестру еще надо найти. И друзей наших все нет. Не случилось ли с ними чего? Давай-ка пойдём им навстречу, а там посоветуемся, как найти Таську. У тебя нет какой-нибудь вещицы, чтобы дать понюхать Кис Кисычу?

— Нет.

— Да он и так все понял. Кис Кисыч, ищи!

Песик, нюхая воздух, тотчас рванулся вперед, как будто знал, куда. Антон Пет-

рович и Тим поспешили за ним.

Солнце светило над головой. Дорога, казалось, сама бежала им под ноги, как движущаяся лента эскалатора. Желтые одуванчики сменились седыми, и вот уже с них стал облетать пух. Ветер задул сильнее. Небо меняло цвет, из голубого оно становилось лиловым, и солнце с колющими лучами казалось иногда немного похожим на ежа.

Вдруг Кис Кисыч насторожился, забеспокоился, уши его приподнялись. Он стал нюхать воздух, шевеля черным кожаным носом.

— Что там? — спросил Учитель Вранья.

Пес не ответил — ему было не до того. Он был занят. То опуская нос к земле, то поднимая его и нюхая воздух перед собой, он двинулся вперед, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее. Хвост его вращался как сумасшедший — и вот он поднялся в воздух и полетел над землей, чуть-чуть жужжа, как тяжелый шмель. Тим и Антон Петрович еле за ним попевали.

Они взбежали на вершину холма и увидели невдалеке большой дом из серого

камня, с островерхой крышей. Две башенки по бокам делали его похожим на небольшой замок. Тем более что и каменную ограду вокруг дома можно было назвать стеной, и ворота были железные.

Кис Кисыч с лаем помчался туда. Антон Петрович и Тим — тоже, хотя не понимали, зачем. Один раз Тим упал и покатился с холма кувырком, но быстро встал на ноги.

Небольшая калитка в воротах оказалась открыта. Все трое вбежали во двор, остановились, чтобы оглядеться. И тут из дома выглянула... — кто бы вы думали?..

Нет, дайте дух перевести. Вы, может, думаете, что из дверей выглянула Баба Яга или какой-нибудь трехголовый дракон? Если бы это была Баба Яга или даже Дракон, если бы этот дракон даже закурил сразу три сигареты, а Баба Яга заплясала под музыку на помеле — честное слово, Тим бы не так удивился. Нет, это была — Таська! В белом сарафанчике и сандалиях на босу ногу.

Даже Учитель Вранья замер на месте, как будто окаменел. Один Кис Кисыч не

удивился — он, казалось, издалека знал, кого здесь увидит, потому что чуял это своим черным кожаным носом. Он кинулся к Таське, Таська к нему.

— Кис Кисыч! — крикнула она. — Тим! Антон Петрович!

Но это было еще не удивление! В следующий же миг им пришлось удивиться так, что даже десяток драконов, курящих сигареты или танцующих на коньках вальс, произвел бы на них по сравнению с этим не больше впечатления, чем обычная ящерица.

Потому что из дверей тут же выбежала еще одна Таська. Точно в таком же белом сарафанчике и в сандалиях на босу ногу, с такими же точно веснушками на носу.

Ну ладно, если уж удивляться, то сразу до конца. Не одна, а еще пять, шесть... нет, еще десять и даже одиннадцать точно таких же двойняшек... или как это сказать?... — двенадцаняшек выбежали им навстречу. И все кричали наперебой: «Тим! Тим! Антон Петрович! Кис Кисыч!» И тянулись гладить растерянного песика в двадцать четыре руки, так что бедняга

опустил уши, поджал хвост, присел и стал пятиться. Ничего подобного он не испытывал за всю свою жизнь. Гомон стоял, как на перемене, когда после звонка выбегают в коридор первоклашки. Или как в детском саду, когда из клетки в живом уголке убегает хомячок и все начинают за ним гоняться.

КОТ В ТАПОЧКАХ

Откуда же взялось такое множество Тасек, да еще в таком неожиданном месте? (Впрочем, такое множество двойняшек, то есть двенадцаняшек, вряд ли в каком-нибудь месте бывает ожидаемым, не правда ли?) И что с ней произошло с той поры, как Тим обнаружил ее исчезновение?

Ведь нет никакого сомнения, что с ней тоже что-то происходило, причем в то же самое время, когда Тим крался к погребу, падал с проломившейся ступеньки, объяснялся с Ученым, сдавал экзамен и шел по дороге с Учителем Вранья.

В жизни вообще очень многое происходит одновременно. А в Аристани — тем

более. Трудность в том, что рассказывать про одновременные события всегда приходится по очереди. Нельзя же так: слово про Тима — слово про Таську, опять несколько слов про Тима — и опять про Таську. Во-первых, вместо рассказа получится совершенно непонятный винегрет. А во-вторых, справедливо тогда рассказывать, что делал в этот же самый миг и Учитель Вранья, и пес Кис Кисыч, и Скука... то есть тетя Лена (даже если она в это время, допустим, просто спала — но ведь сны-то она видела, и, может быть, тоже интересные)... — словом, все-все-все.

То-то и оно. Того, что происходит на свете в одно-единственное крохотное мгновение одновременно с миллионами людей, не рассказать даже в миллионе книг. Придется все-таки рассказывать про каждого по очереди.

Так вот, пока Тим незаметно для самого себя вздремнул, хотя и придерживал веки пальцами, чтобы не закрывались, хитрая его сестра встала, босиком, на цыпочках подошла к подоконнику и потихоньку достала там из выемки электрический фо-

нарь. Она давно заметила, куда Тим его прячет, и хотела им поиграть, но знала, что брата даже просить бесполезно. Посмотрела, не раскрылся ли ее Мишка — ну конечно, он, как всегда, скинул с себя одеяло. Она укрыла его получше, положила на свою подушку Поросенка вместе с его сыночком (у Поросенка как раз вчера появился сыночек). Потом надела сарафан, сандалии взяла в руку (чтоб тише идти), вышла во двор и лишь там обулась.

Было, конечно, страшновато, но она еще утром кое-что задумала и решила не отступать. Во-первых, ей хотелось посмотреть, что Тим прячет за дверцей погреба. Во-вторых, у нее тоже в уме была какая-то путаница. Ведь если вспомнить совсем-совсем честно, она только кричала так: «Я все видела, я все видела», а на самом деле не видела ничего, никакого черного ушастого зверька. Но после встречи с Кис Кисычем ей стало казаться, что она в самом деле кого-то видела. И она совсем по-настоящему слышала, как песик шепнул ей на ухо: «Я тебя тоже узнал». Словом, было зачем заглянуть в погреб. А кроме того,

разве не интересно было просто выйти в темную ночь одной с фонариком?

Страх боролся с любопытством, и еще было непонятно, кто победит.

«Смотри, как темно, — говорил страх. — Вон там у забора кто-то белый машет руками!» — «Правда, машет, — говорило любопытство. — Как интересно!» Таська направила туда луч фонарика и поняла, что это была рубашка, оставленная на веревке сушиться. Было вовсе не так уж темно. Луна иногда выглядывала из-за облаков. В ее голубоватом свете шевелились непонятные тени, неузнаваемые предметы жили своей жизнью, что-то шуршало в кустах. «Ой, как страшно! — говорил страх. — Кто это черный пригнулся вон там за деревом?» — «Это скамейка ночью превращается неизвестно в кого. Как интересно! А дальше там что?» — говорило любопытство, и оно, видимо, пока побеждало.

Ей казалось, что она шла до погребка долго-долго. Вот и дверь. Теперь только чуть-чуть заглянуть за нее — и поскорей домой в постель, под одеяло, рассказать про все Мишке, Зайке и Поросеночку.

Как отодвигать дверь, Таська уже поняла. Направила туда луч фонарика, но ничего особенно интересного не увидела. Луч осветил какие-то банки, коробки, мотки проволоки, неразборчивый мусор. Может, интересное Тим прячет подальше, внизу? — подумала Таська. Только одним глазком заглянуть — и назад.

Она боком протиснулась внутрь, прищурилась, как сама себе обещала, одним глазом. Потом и его открыла. Сердце стучало громко. Фонарь освещал черные, в разводах, кирпичи стен, замшелые ступеньки под ногами. Любопытство все продолжало бороться со страхом и по-прежнему оказывалось сильнее.

Таська осторожно спускалась по ступенькам, посвечивая себе фонариком то под ноги, то вперед, надеясь увидеть там, дальше, вторую дверцу. Но луч до нее никак не доставал. Странно, днем она не казалась такой далекой. Как будто отодвинулась вглубь или оказалась незаметно открытой. Приходилось спускаться все глубже. Ступеньки слегка оседали под ногами, но не проваливались (ведь она была

легче Тима). Наконец любопытство и страх сравнялись силами. Таська остановилась и решила, что пора все-таки подниматься обратно. Может, дверца незаметно осталась уже позади?

Она не сразу заметила, что фонарик между тем стал светить слабей, еще слабей. Тим, конечно, понял бы, что кончается батарейка. А девочка, точно замороженная, смотрела на тускнеющую лампочку. Ей было интересно смотреть — она ждала, что лампочка сама станет ярче. Нет, скоро только маленький стеклянный пузырек и остался в фонаре светлым, освещая лишь сам себя. Потом в нем остался один светящийся волосок. Наконец и он погас.

Таська осталась в такой кромешной темноте, что даже перестала понимать, где верх, где низ. (Она-то рыбы за ужином поела маловато.) Даже воздух от темноты казался густым и трудным для дыхания. Девочка стала шарить руками вокруг, чтобы нащупать стенку — она должна была быть где-то близко. Но в темноте все будто растворилось. И даже ступеней под ногами она больше не чувствовала — впере-

ди был ровный пол.

— Мама! Мамочка! — зашептала Таська сначала тихо. Потом погромче. Потом почти во весь голос: — Мамочка!

Но даже голос ее глух в темноте, как в черной вате. Вот когда стало по-настоящему страшно. Так бывает только во сне, когда перестаешь понимать, что с тобой происходит и что получится от следующего твоего движения.

Она все шарила в темноте пальцами и наконец нащупала какие-то сырые камни или кирпичи. Таська пошла на ощупь вдоль этой стены, осторожно поднимая ноги, чтобы не споткнуться о ступень. Но никакой ступени не оказалось — наверно, она пошла не в ту сторону. Рука наткнулась на угол — Таська свернула вдоль него. Потом — так же, на ощупь — дошла до следующего угла. Потом до следующего.

Иногда ей казалось, что она идет по какому-то запутанному лабиринту, а иногда — что ходит все в одном и том же четырехугольном чуланчике без дверей. Сырые кирпичи сменились гладким сухим деревом, потом как будто фанерой, потом

чем-то еще, непонятным на ощупь. Наконец ей стало совсем страшно. Она остановилась, готовая уже разреветься, пнула носком сандалии в стену...

И вдруг... Сколько раз в этих историях встречается слово «вдруг». Но что же делать, если многое и в обычной жизни случается именно так, внезапно? Разве что написать вместо «вдруг» «внезапно»?.. Таська ждала, что от удара ноге станет больно, тут слезы сами собой и брызнут. Внезапно... неожиданно... одним словом — вдруг ее сандалия прошла сквозь стену, как будто та была не из кирпича, а из картона или из плотной бумаги. В тонкую щель прорвался острый луч света, вонзился в землю возле второй Таськиной ноги и затрепетал, как стрела.

Таська наклонилась, руками расширила щель (стена в самом деле оказалась картонной) и заглянула в нее. Она увидела угол комнаты, внизу, под ногами, огромный стол без скатерти с четырьмя деревянными стульями вокруг, еще ниже — натертый блестящий пол. Просунула в дыру ногу — нога не достала до стола.

Пришлось повернуться спиной, придерживаясь руками. Таська осторожно спустила в дыру обе ноги, спрыгнула на стол, оттуда слезла на пол и огляделась.

Ой, как страшно!

За ее спиной, невысоко над полом висела большая картина в золоченой раме. На картине был нарисован мышиный праздник. Нарядные мыши в юбочках, штанах и шляпах танцевали и пировали в огромном зале, украшенном флагами и фонариками. Из бочки на колесах лился в кружки красный сок. А вход в зал представлял собой огромную черную дыру с оборванными краями — это была та самая дыра, через которую только что вылезла Таська, но так похожая на нарисованную, как будто была тут всегда.

Из соседней комнаты донесся звук, по-

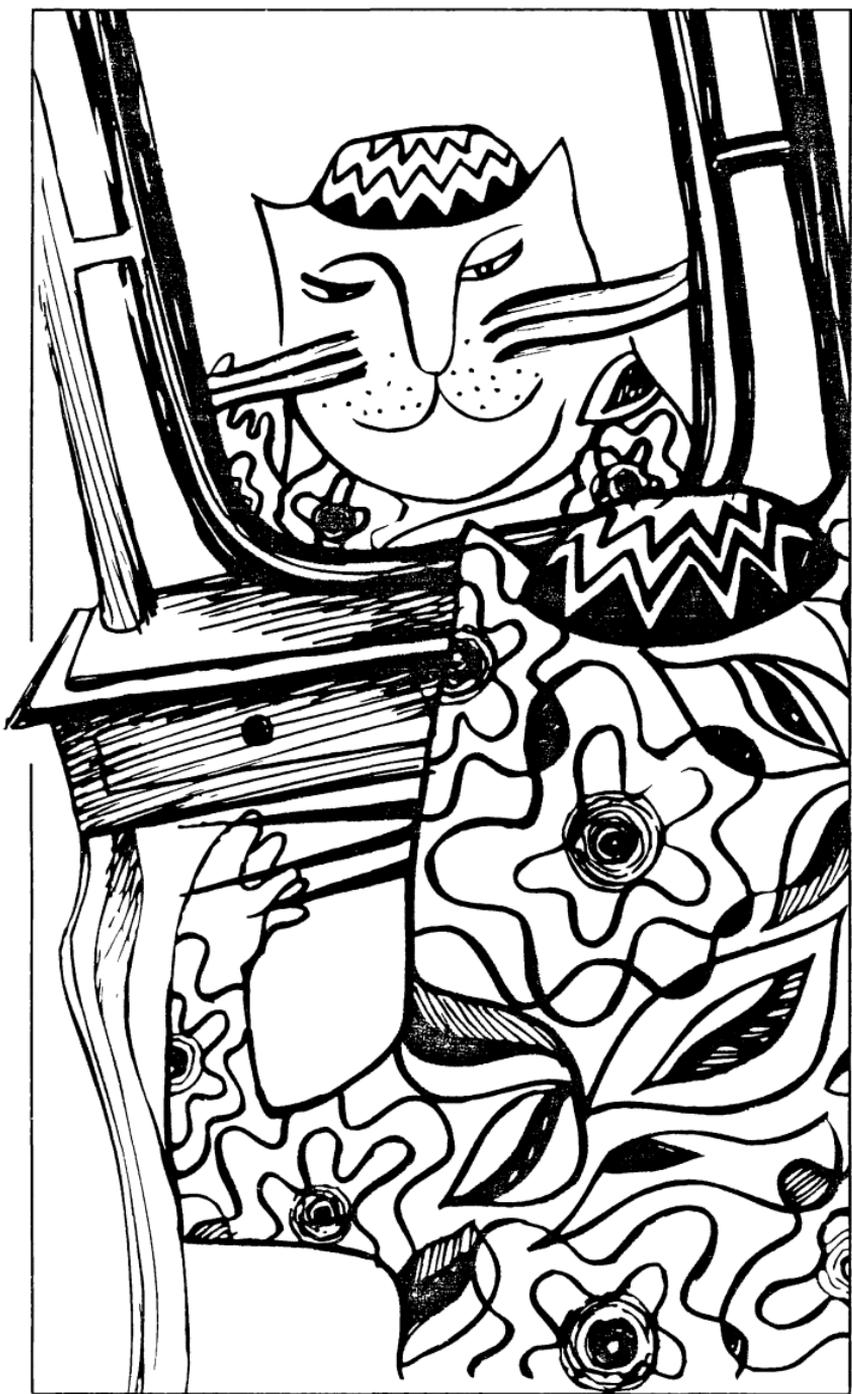
хожий на мурлыканье. Она осторожно прошла к двери, выглянула — и увидела Кота.

Кот был большой, чуть не с Таську ростом. По гладкой шерсти его были нарисованы крупные голубые цветы с бутонами, зелеными стеблями и листьями. На голове расшитая тубетейка, на лапах тапочки с когтями. Он сидел в кресле, спиной к Таське. Перед ним стояло большое зеркало. Кот смотрелся в него и заплетал в кошечки усы.

Должно быть, в этом зеркале отразилась и Таська — Кот с шумом повернулся к ней. Некоторое время они смотрели друг на друга.

— Привет, — сказал наконец Кот. — Что, в гости пришла?

Он, казалось, совсем не удивился появлению у себя в доме незнакомой девочки. Но куда удивительней было, что Таська ничуть не удивилась, услышав, как он разговаривает. И если она не могла сразу в ответ ничего вымолвить, так это просто от растерянности. Только смотрела на него во все глаза.

— Что, нравится? — спросил Кот в тапочках и с удовольствием скопил глаза на свою раскрашенную шерсть. — Узорчик сам придумал. Хочешь, дам срисовать?

Таська отрицательно покачала головой, а вслух наконец сказала:

— Зачем?

— Не знаю. Многие просят. А чего ты хочешь?

— Ничего.

— Да ладно, ты не стесняйся. Я же знаю, сюда все приходят как будто в гости, а на самом деле что-нибудь попросить. Потому что я объяснил, что этот дом превращается в Дом Интересных Вещей и Развлечений. Игрушек здесь знаешь сколько? Больше, чем в любом магазине. Одних кукол четыре тысячи шестнадцать. Или даже больше. Давно не пересчитывал. И посмотрела бы ты, какие все чистенькие, как аккуратно сидят на местах! Не то что у некоторых детей. Потому что ими никто никогда не играл.

— Зачем же они вам? — немного осмелела Таська.

— А, достались от прежнего хозяина.

Он собирал игрушки и всякую всячину, выпрашивал в подарок ко дню рождения или брал просто так. Все копил. А играть жалел, боялся, чтоб не испачкались. А я — пожалуйста, всем даю.

— Ой! — охнула Таська и тут же прикрыла рот рукой. Ей захотелось спросить про этого прежнего хозяина: кто он такой и почему он прежний? Но не спросила, а сказала вместо этого совсем другое.

— А я знаю, — сказала, — кто вы. Вы кот Брысь.

— Верно, — удивился Кот. И ухмыльнулся — он казался очень довольным. — А откуда ты меня знаешь?

— Про вас... — тут она вспомнила, что Учитель Вранья велел никому про него не говорить. — Про вас в одной книжке написано... А этот прежний... — решила наконец, она. — Вы его... съели?

— Что? — Кот даже не сразу понял.

— Съел? — Тут до него дошло, и он засмеялся мурлыкающим смехом. — Ты, может, принимаешь меня за Кота в Сапогах? Так это все сказки! Неужели ты веришь сказкам? Такая большая! Зачем коту

сапоги? С какой стати? Они тяжелые и всегда жмут. Гораздо удобнее в тапочках. Особенно если они, как у меня, с когтями, чтоб можно было чесаться. Я и мышей давно не ем. Даже если в них кто-нибудь превратится. Насмешила! Я люблю что-нибудь повкуснее. Если хочешь знать, я Жар-Птиц развожу. Откармливаю в клетках, как индюков. У прежнего хозяина было несколько яиц, я для них инкубаторы устроил. Огнеупорные. Уже четыре штуки вывелись. Они, пока молоденькие, так ярко светятся, прямо смотреть больно. А когда откормишь их хорошенько, становятся просто разноцветными. Как обычные павлины. Ну, может, чуть-чуть не такие яркие. Зато смотри на них сколько угодно. Хочешь, покажу? Ты ведь наверняка не видела живой Жар-Птицы?

— Нет, — сказала Таська. Жар-Птицы она действительно не видела, но смотреть, как их откармливают в клетках, почему-то не захотелось.

— Не хочешь, как хочешь, — покладисто сказал Брысь. — А мне вот интересно проверить, можно ли раскормить Жар-Птицу

до страуса. Петуха пробовал раскормить — не получилось... Ну, может, хочешь посмотреть ночную лампу? Не думай, это не обычная лампа. Она знаешь какая: чем ярче светит, тем сильнее становится темнота. Ну, у меня в доме столько всего интересного — ходить никуда не надо! А то, знаешь, предки у меня были такие разные — хоть разорвись. Предки по отцу все искали каких-нибудь приключений. То на пиратском корабле плавали, тонули, горели, еле живых оставались. То отправлялись куда-нибудь на далекий Север, мерзли, голодали, только бы не сидеть на месте. На одном месте они, видите ли, скучали, им, видите ли, было неинтересно. А предки по матери все были, наоборот, домоседы. Им лишь бы в тепле греться, сытно есть, спать на теплой печке, и чтобы никто не обижал. Ну, а мне что же делать? Я прямо мучился от такого несовместимого наследства. Честно признаюсь, мне нравится жить дома — это на меня предки по матери влияют. Но в то же время хочется, чтобы было интересно, понимаешь? Это отцовская кровь говорит. И вот только в этом доме у меня получи-

лось все вместе: можно не выходить за порог — здесь столько всего интересного, столько всяких приключений! Не соскучишься. Особенно если в гости придет кто-нибудь...

— А прежний хозяин... — осторожно решила все-таки напомнить Таська, — он где?

— Да здесь где-нибудь бегают.

— Как это — бегают?

— Обычно... Вон, наверное, он.

И Брысь показал Таське на странное существо, которое неторопливо перебежало через комнату. Это был поросенок, но не обычный, а тоже раскрашенный и главное — с прорезью на спине. В животе у него что-то позванивало на бегу.

— Ой, кто это? — вздрогнула Таська.

— Копилочный поросенок. У тебя никогда таких не было? В прорезь бросают монеты — слышишь, они там бренчат? А когда накопишь денег и захочешь достать, поросенка надо разбить.

— Это вы... это вы его превратили?

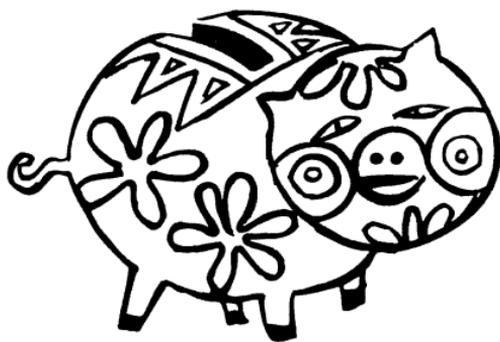
— Что ты! Я и не умею. Это он сам.

— Но вы же говорите... это сказка...

— А он превратился по-настоящему, это

гораздо интереснее. Должен тебе сказать, что самое замечательное в этом Доме Интересных Вещей — Зеркальный зал. Там всякие зеркала. Есть зеркало не простое, чтоб перед ним наряжаться, а такое, что посмотришь — и увидишь себя в любом наряде, какой хочешь. Даже переодеваться не надо — наряд оказывается уже на тебе. Есть зеркало, в котором можно увидеть кого хочешь и прямо к нему попасть — только перешагнуть через раму. Есть разные кривые зеркала. В одно смотрятся, чтобы похудеть немного, в другом можно получить совсем тощим. Хочешь немного пополнеть или совсем потолстеть — смотри в другие зеркала. А гримасничать перед зеркалом ты любишь? Тут некоторые сами строят за тебя такие гримасы — обхохочешься! Есть зеркало, в котором каждый себе нравится.

У, знаешь, как интересно! Я сам еще не разобрался во всем, столько тут накопилось.

Потому что трогать боюсь. Там есть такие зеркала, которые могут превратить совсем неизвестно в кого. Только угадать заранее трудно. Хорошо, если просто в такого вот копилочного поросенка, а то... Да вот, посмотри, кто тут только не бродит.

И действительно, вслед за копилочным поросенком через комнату прошествовали какие-то непонятные существа. Какая-то длинная-предлинная собака просеменила на восемнадцати ножках. Прошел на высоких, как ходули, лапах цыпленок с дымящейся трубкой в клюве. Прокатилась на мелких колесиках толстая зеленая гусеница. Переворачиваясь на ходу, двигалась головоломка из проволочек, с каждым поворотом меняя свой вид.

— А? Вот умора! — веселился Кот. — В кино ходить не надо. Я сам однажды чуть не попался, теперь берегусь. Жду, когда придет кто-нибудь. Только редко бывают гости. У прежнего хозяина почему-то была дурная слава — всех распугал. Но теперь стали наведываться. Вот как раз перед тобой приходили двое. Один здоровенный, с роялем на ремне, представля-

ешь? Другой со скрипкой. Искали какую-то книжку. Старушка, говорят, какая-то оставила ее за зеркалом, которое теперь у меня. Я говорю: а, знаю, знаю, видел какую-то книжку за рамой, только за ней, говорю, надо туда, через раму, и сходить. Вру, конечно, ничего я на самом деле не видел, просто мне интересно. Повел их в Зеркальный зал, сам остался у двери, смотрю, что будет. А они подошли к какому-то зеркалу, посмотрели — и представляешь, никого в нем не увидели! Это было зеркало, которое не отражало ничего. И некого стало отражать, потому что вместе с отражением их и самих не стало видно. Они в невидимок превратились.

— Ой! — испугалась Таська. — И где же они?

— Ушли, наверно, за ту сторону зеркала, где их не видно, где-то там бродят.

— А разве нельзя превратиться обратно?

— Можно. Я однажды сумел. Иногда бывает для этого достаточно посмотреть в другое зеркало. Только надо правильно угадать, в какое. А то будешь превращаться все дальше и дальше, совсем уже неиз-

вестно в кого. Говорю же, сам еле выбрался. Иногда нужно, чтоб кто-то тебе помог. Зависит от зеркала... Вон, опять бежит, — засмеялся Брысь и показал на копилочного поросенка, который, звеня монетами в брюхе, пробежал через комнату обратно.

— А он, значит, не сумел превратиться обратно? — пожалела его Таська.

— Бедненький! — Почему бедненький? Он, может, сам не хочет обратно, ему так нравится. Он больше всего в жизни любил копить — теперь ему хорошо.

Поросенок возвращался не один. Следом за ним пробежал второй точно такой же, потом третий, четвертый.

— А эти откуда? — удивилась Таська.

— А это в том зале еще одно зеркало есть. Не знаю, как его назвать. Множительное, что ли? Например, у тебя есть конфета, а ты хочешь, чтоб стало две. Покажешь ее зеркалу — в нем будет точно такая же конфета. Причем настоящая, можно ее взять. Покажешь две конфеты — бери из зеркала четыре. Сколько хочешь. И не отличишь одну от другой. Вот этот здешний хозяин, как стал копилочным

поросенком, полюбил в это зеркало смотреться. Чтоб денег у него стало еще больше. Глянул раз — поросят стало двое, и в каждом звенят монетки, понимаешь? И оба одинаково жадные. Посмотрели в зеркало оба — стало их четверо. Теперь я уж сам не знаю, сколько их тут бегают. И денег теперь в них полно.

— Зачем же столько?

— Как — зачем? Можно купить новые копилки. Хочешь взять одну?

— Нет.

— Ну, может, хочешь новый наряд? Я тебе дам посмотреться в такое зеркало — ахнешь!

— Не хочу.

— А чего же ты хочешь?

— Хочу домой! — заревела вдруг Таська. — К Тиму!

— А, ты просто потерялась? — догадался Брысь. — Ну, это совсем легко устроить. Я же говорил, здесь для этого специальное зеркало. Посмотришь в него, увидишь, кого хочешь — и через раму к нему.

— Справочное? — вспомнила Таська.

— Ну вот, ты про него даже знаешь.

Пошли.

Он встал с кресла, держась правой передней лапой за поясицу, задние лапы поглубже засунул в тапочки и повел девочку через дверь в соседнюю комнату. Тапочки шаркали об пол. Под ногами шмыгали мелкие поросята и всякие странные существа.

Таське стало даже чуть-чуть жалко: вот сейчас она увидит в зеркало Тима (он, конечно, спит у себя на кровати), перешагнет через раму — и окажется в своей комнате. И все кончится, как сон, она никогда, может, больше не увидит кота Брыся и не заглянет в другие зеркала...

— Пришли, — сказал Брысь. — Закрой глаза, чтоб не посмотреть случайно не в то зеркало. Откроешь, когда я скажу.

Таська закрыла глаза.

— Иди, — сказал Кот.

Таська пошла, осторожно вытянув перед собой руку.

— Все, — сказал Кот. — Можно открывать.

Таська открыла глаза. Перед ней было зеркало. Она думала, что увидит там Тима —

но увидела саму себя, как в самом обычном домашнем зеркале. «Наверное, ошиблась», — подумала Таська, но лишь в следующее мгновение она поняла, какая это была ошибка. Отражение в зеркале зашевелилось само по себе, и девочка — вторая Таська — перелезла через раму в зал.

А кот Брысь смотрел на них от дверей и веселился:

— Не туда посмотрела! Вот умора! Сейчас лопну от смеху!

Может, он нарочно заставил ее подойти не к тому зеркалу, чтоб было поинтереснее. А может, и сам не знал, где там какое. Таська — то есть теперь обе Таськи — оглядывались в растерянности по сторонам, и когда обе нечаянно заглянули опять в то же зеркало, оттуда вышли еще две точно таких же девочки.

Стоит ли объяснять, что было дальше? Кот Брысь от хохота держался уже за живот.

И вот тут со двора послышался лай. Это прибежал, вернее, прилетел Кис Кисыч, а за ним Учитель Вранья и Тим. Таська бросилась к ним навстречу, и все остальные Таськи — тоже.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Увидев Кис Кисыча, Кот стал на все четыре лапы, как самая обычная кошка. Он выгнул спину и зашипел. Цветочки и листики на его шерсти встали дыбом. Теперь он казался ростом даже больше пса. Кис Кисыч, кажется, вначале немного его испугался. Но это длилось одно мгновение. Они оба знали, что должно быть наоборот, что по правилам кошки должны бояться собак и убегать от них. Поэтому в следующее мгновение Брысь скинул тапочки и босиком побежал в дом. Пес за ним.

Брысь хотел закрыть за собой дверь на задвижку, но не успел. Тогда он попробовал ее придержать. Но с другой стороны на дверь навалились Антон Петрович, да еще Тим, да еще Кис Кисыч. Тогда Кот внезапно отпустил дверь, и все кубарем друг через друга вкатились в коридор. Пока они вставали и оглядывались, Кот был уже в Зеркальном зале.

Кис Кисыч опомнился первым и помчался за ним. Брысь вбежал в первое по-

павшееся зеркало и превратился там в толстого зубастого тигра на длинных и суставчатых, как у жирафа, ногах. Песик не испугался, он храбро прыгнул туда же — и превратился в длинную мохнатую ящерицу с четырнадцатью ногами и маленькой головой на змеиной шее. Эта голова потянулась к тигру, открывая пасть с острыми, как маленькие кинжалы, и, скорей всего, ядовитыми зубами. Тогда тигр выскочил на своих жирафьих ногах из зеркала, перепрыгнул в другое и там превратился в подобие птицы с клювом аиста, но с крыльями летучей мыши. Эта птица кинулась на ящерицу и хотела схватить ее за спинку своим длинным клювом. Но ящерица ловко увернулась, перебежала тоже в другое зеркало, и там ее голова превратилась в пилу, а ноги стали длинными щупальцами, как у осьминога. Эти щупальца схватили летучую птицемышь, подтащили к пиле, чтобы отпилить опасный клюв. Но едва птицемышь оказалась в новом зеркале, как ее клюв превратился в ком ваты, пила в нем завязла. Тогда осьминог, не выпуская птицы, переполз в новое зер-

кало, там пила превратилась в прялку и стала мотать из ваты нить. Но в это время птица превратилась в чудовищного ежа, утыканного вместо иголок пистолетными дулами. Осьминог с прялкой отпустил его, поскорей убежал в другое зеркало и там превратился в черепаху на четырех лапах, но с башней, как у танка, и длинной танковой пушкой вместо головы. Еж с пистолетами побежал обратно в прежнее зеркало, танк с пушкой — за ним. Они снова стали превращаться в осьминога, в птицу, в ящера и тигра, и наконец из первого зеркала выпрыгнул знакомый Кот, а следом за ним — Кис Кисыч.

Все остальные, прижавшись к стене, следили за этими превращениями. Кис Кисыч и Брысь опять стали гонять по Зеркальному залу, как сумасшедшие. Копилочные поросята разбегались от них в переполохе, сталкивались, разбивались, монеты катились из них по полу во все стороны.

Наконец Брысь сумел попасть в дверь, выбежал на улицу и одним махом вскарабкался на дерево. Кис Кисыч кинулся

за ним, но не рассчитал разбега и стукнулся о ствол, так что дерево закачалось. И не только дерево, а как будто и небо, и земля, и все, кто был на ней. Некоторое время песик приходил в себя. Потом яростно залаял, и хвост его начал вертеться, набирать скорость...

— Чего ты лаешься? Чего лаешься? — сказал ему сверху Кот. Он понял, что Кис Кисыч сейчас взлетит вверх, и тогда ему деться больше некуда. — Нет чтобы поговорить по-человечески. Сразу заводится...

Тим вдруг подумал, что он в самом деле ни разу не слышал, как Кис Кисыч говорит по-человечески. Да зачем это было ему нужно, если все было и так понятно: когда он сердится, когда просто здороваётся? Но все же песик немного сконфузился, хвост его остановился.

— Подожди, Кис Кисыч, — сказал ему Учитель Вранья. — Действительно, дай сначала поговорить с ним, не пугай.

— А я и не боюсь, — сказал сверху Брысь, отфыркиваясь и приглаживая лапой цветочки на шерсти. — Подумаешь, вертолет нашелся! Пусть только сунется

наверх, я его хвостом перешибу! Расхулиганился, все копилки побил. Где я новые возьму?

— Сам виноват, — сказал Учитель Вранья. — Скажи лучше, что ты с девочкой сделал?

— Ничего я с ней не делал. Посмотрела не в то зеркало, вот и все. Заставлял я ее, что ли? Спросите сами. Даже лапой не дотронулся. Да и чего такого случилось? Ладно, превратилась бы в какую-нибудь кривобокую уродину. Или, допустим, в гусеничный штопор без хвоста. Нет ведь. Осталась, какой была, только вместо одной будет вам сразу двенадцать. Даже лучше. Спасибо бы сказали.

— Да не нужны мне двенадцать, мне только одна нужна! — крикнул Тим.

— Пожалуйста, бери себе одну.

— Какую?

— Любую.

— А остальные?

— Это смотря какую выберешь. Условия же известные, неужели не читал? Выберешь ту самую, свою — остальные, из зеркала, сразу исчезнут. Выберешь другую —

все двенадцать останутся уже навсегда. А дальше — как они захотят. Могут здесь остаться. Захотят все пойти с тобой — пожалуйста. Мне не жалко.

Тим испугался. Он испугался не просто того, что останутся все двенадцать. Хотя и не представлял, что с ними делать. Если б они еще были разные, как детский сад. Но тут... Ему и с одной Таськой-то бывало трудно. Не говоря о том, что и с одной приходилось всем делиться: конфетами, всякими угощениями, игрушками. Ей надо было даже уступать лучшее, потому что она была младше. Но нет, он не этого боялся. Это была чепуха. Сейчас он готов был отдать Таське все, что она захочет, он готов был ей всегда все отдавать, только бы с ним оставалась одна, та самая, настоящая.

Но как их отличить? Все были на одно лицо, все говорили одинаковыми голосами, все одинаково старались ему подсказать: «Вот я, Тим! Вот я!» Все, что делала одна, в тот же миг — и даже немного раньше — повторяла другая. И одинаковые слезы текли по их одинаковым щекам.

Наверно, они даже пахли одинаково, потому что Кис Кисыч растерянно перебежал от одной Таськи к другой, нюхая то сандалии, то сарафанчик.

Тим оглянулся на Учителя Вранья. Тот развел руками.

— Я помню, есть какой-то способ угадывания. Но как назло, забыл какой.

— Э, подсказки запрещены! — подал Брысь голос с дерева. Он уже успокоился и разлегся на ветке, приготовившись смотреть — ему опять было интересно. — С подсказками не будет считаться, только все испортите.

— А ты сам-то знаешь, как?

— Понятия не имею. Наверное, надо все рассчитать, взвесить. В общем, обдумать со всех сторон. Хотите, можно каждую посмотреть в микроскоп — там где-то в кладовке есть. Или лучше в телескоп. Или вон у меня на ветке бинокль висит, я люблю отсюда наблюдать за дорогой. Можно провести анализ, химический, физический или этот... математический. Вообще разобрать на части и все сравнить.

— Какую ты несешь чушь! — рассердился Учитель Вранья.

— Я — чушь? А сами-то? Объясните мне, какая вам разница: настоящая, не настоящая? Что это значит: настоящая?

— Значит, что она живая.

— То есть?

— Она ходит, говорит.

— Все ходят и говорят.

— Она плачет настоящими слезами.

— Да как вы различите, настоящими, ненастоящими? Попробуйте языком: на вкус все одинаковые.

— Она плачет, потому что ей грустно, или больно, или вообще плохо. Она умеет жалеть других, умеет любить.

— Любить, подумаешь! Все что-нибудь любят. Одни любят сосиски, другие молоко. Один родственник прежнего здешнего хозяина (неужели он совсем разбился?) больше всего любил, говорят, маленьких детей. Ни мармелада, говорил, мне не нужно, ни шоколада, только люблю, говорил, маленьких детей.

— Это совсем другая любовь, — сказал Тим.

— Ну, другая так другая. Смотри сам. Только правило помнишь какое? В руки берется, назад не отдается. Или наоборот, я уже сам забыл. В общем, обознатушки не переигрываются.

И он снял с ветки бинокль, приготовившись наблюдать, как в театре.

Тим в растерянности смотрел на Таську: на одну, на вторую, на третью, на двенадцатую. И голова у него начинала как будто кружиться. Все Таськи смотрели на него одинаковым взглядом — испуганным, выжидающим, умоляющим. У всех в глазах были слезы. И все примолкли — наверное, потому что каждое слово оказалось бы в то же мгновение повторено хором. Настоящая Таська не могла даже подсказать: «Вот я!» — потому что одновременно с ней и остальные сказали бы то же самое, точно такими же голосами.

Но какая же из них настоящая, единственная?

У него даже кожа на лбу заболела от раздумья.

Одинаковые девочки в одинаковых сандалиях и белых сарафанчиках стояли

перед ним. Он переводил взгляд с одной на другую. Вот это она, Таська, с которой он играл и ссорился, которую любил и на которую сердился? Это с ней вы катались на санках, и она говорила: давай будем играть так: ты скажешь: не толкай меня, а я скажу: не буду, а сама толкну, а ты покажишься с горы, а я побегу за тобой и буду кричать: ой, кто тебя толкнул, кто тебя толкнул? — и так рассказывала с начала до конца всю их игру, оставалось только повторять уже придуманное и рассказанное? Это она фантазировала: Тим, а Тим? а здорово, если б одни люди были сделаны из вафель, а другие из шоколада, вот бы они бегали друг за другом и откусывали?.. — и смеялась, показывая молочные зубки... да вот же она!

— Таська! — сказал Тим.

И Таська прижалась к нему лицом, мокрым от слез, и оба немного заплакали.

А когда глаза их очистились, они увидели, что все зеркальные двойники исчезли.

— Надо же! — сказал сверху Брысь и даже поаплодировал мягкими лапами. — Bravo, bravo! Как ты догадался?

— Сам не знаю, — честно признался Тим.

— А, вспомнил! — сказал Учитель Вранья. — Ведь у тех, которые из зеркала, правая сторона получается на месте левой — и наоборот. Ты, наверное, заметил, что у твоей сестры какая-нибудь родинка на правой щеке, а у остальных на левой.

— Не знаю, — сказал Тим. — Я про это не думал.

ЗА НЕВИДИМКАМИ И ОБРАТНО

— Удачный получился денек, — довольно потер лапы Брысь. — То двенадцать девочек, то эти двое превратились в невидимок. Жаль только, поросят всех перебили...

— Постой, — сказал Антон Петрович. — Какие это двое превратились в невидимок?

— Я разве сказал: двое? — Кот спохватился, что наговорил лишнего. — Я просто сказал, что превращений тут видимо-невидимо...

— А не приходили сюда два музыканта?

— Нет, музыкантов не было.

— Как же не было! — вспомнила Таська. — Сам же рассказывал: один большой, с роялем, другой со скрипкой.

— А, эти! — зевнул Брысь. — Ну, заглядывали, а больше я их не видел.

— Конечно, не видел! Он дал им посмотреть в зеркало, где ничто не отражалось, и они стали невидимы.

— Разве можно так врать! — возмутился Антон Петрович.

— А сами-то чему учите! — ответил Кот.

— Я учу не такому вранью. Ведь трудно жить, когда ни на одно слово нельзя положиться, не знаешь, что получится.

— Конечно, я необразованный, я ваших школ не кончал. Вру, как умею.

— А ну-ка, рассказывай, где они и как сделать, чтобы мы их увидели.

— Понятия не имею, — нагло сказал Брысь.

— Ах, так? Ну, погоди! Кис Кисыч, подъем!

Кис Кисыч заурчал, как мотор, махнул ушами. Хвост у него стал раскручиваться — и вот уже песик начал медленно подниматься в воздух.

Брысь увидел, что сопротивление бесполезно.

— Стой, стой, — закричал он сверху. — Опять заводится! Дружок называется!

— Он тебе не Дружок, — ответил за пессика Учитель Вранья.

— Так я не играю! Ну, чего особенного? Ну, посмотрелись эти двое в какое-то зеркало. Только я, честное слово, не знаю, как их вернуть. Не было такого случая. Никто еще оттуда не возвращался. Может, там даже интереснее, чем здесь. Вот возьму и сам туда уйду.

— А ведь это мысль! — сказал Антон Петрович. — Попробовать, что ли, сходить за ними?

— Ой нет, не надо! — испугалась Таська. — А вдруг и вы не сможете вернуться?

— Тоже верно, — почесал в затылке Учитель Вранья. — Но выручать-то друзей надо. Попробуем сделать вот как: вы будете крепко-крепко держать меня за руку. Только сами зажмурьтесь, чтобы не смотреть в эти опасные зеркала. Или даже завяжите глаза. А я попробую хоть чуть-чутьточку заглянуть. Может, они где-то неда-

леко, за рамой.

— Ух ты, интересно! Попробуйте, — одобрил с дерева Кот. — Невидимое зеркало — второе слева!

— А ты, Кис Кисыч, останешься следить за ним, — сказал Антон Петрович. — Глаз с него не спускай. И если что — не давай спуску.

— Не дам, — твякнул Кис Кисыч совершенно по-человечески.

Брысь почувствовал, что дело серьезно.

— Я, кажется, перепутал, — сказал он. — На самом деле оно второе справа.

Антон Петрович крепко взял за руку Тима, Тим схватил за руку Таську. Дети крепко-крепко зажмурились. А Таське Учитель Вранья вдобавок завязал глаза носовым платком, сложенным вчетверо, и — чтобы не вздумала из любопытства открыть раньше времени. И пошел в Зеркальный зал. А они гуськом за ним.

Что было дальше, дети не видели: было все-таки очень страшно.

А если бы они могли смотреть, они бы увидели вот что.

Глядя в землю (чтобы не смотреть в по-

путные зеркала), Антон Петрович прошел в Зеркальный зал, там на ощупь нашел раму второго зеркала справа — и только тогда открыл глаза. В зеркале никто не отразился, оно было пустым. Но сам Учитель Вранья исчез вовсе не сразу. Сначала он поднес к зеркалу руку, тронул пальцем стекло. Палец прошел сквозь него, как сквозь воздух, и растворился, исчез. Учитель перенес в зеркало всю руку — и не увидел ее там. Рука тоже пропала. Тогда он перешагнул через раму (она была невысоко) одной ногой, другой — и постепенно исчез почти весь. Видимой осталась только его вторая рука, которую крепко-крепко держал Тим.

Сколько времени это продолжалось, никто не мог бы сказать. Вдруг Тим почувствовал, что рука Учителя дернулась, потянула его вперед, в зеркало. Он напрягся, чтобы устоять, стал тянуть руку к себе. И вот из пустоты появилось в воздухе плечо Антона Петровича, потом его нога, потом голова, потом вторая нога и вторая рука. А держась за эту руку, из рамы, как из двери, возник Фон-

тан со скрипкой, зажатой под мышкой, следом — тоже держась за его руку — Маленький Великан с роялем на ремне. Глаза у обоих были закрыты, точно у спящих, лица строгие и как будто окаменелые.

Учитель Вранья осторожно, по-прежнему не оглядываясь, повел их за собой во двор. Там он разрешил Тиму открыть глаза, с Таськи сам снял повязку. Маленький Великан и Фонтан очнулись. Они озирались вокруг, как будто не понимали, что с ними.

— Нашлись? — приветствовал их с дерева Брысь. — Ну, и поздравляю. Видите, ничего не случилось. Кроме еще одного интересного приключения... А что это у тебя на голове? — спросил он Маленького Великана.

Лишь тут все заметили на кудрявых волосах у пианиста что-то вроде шапочки из птичьих перьев — и сразу, конечно, узнали Птицу Соню. Она невозмутимо досматривала свои сны, упрятав голову под крыло.

— Где вы их нашли? — спросил Тим

Учителя.

— Там... — неопределенно показал тот. — А подробно не помню. Только недавно помнил... что-то было очень интересное... и все улетучилось. Как будто видел сон — и забыл... А вы не помните, что там с вами было? — обратился он к музыкантам.

— Нет, — смущенно ответил Фонтан.

— Не помню, — покачал головой Маленький Великан.

— Но хоть в Книгу рецептов вы заглянули? — спросил Учитель Вранья. — Узнали, как лечить от Серьезной болезни?

— Кажется, нет, — растерянно ответил Фонтан.

— Не помню, — подтвердил Маленький Великан.

— Да не было там никакой книги, — подал голос Кот. — Это я так сказал. Я все книги сдал на макулатуру, мне за них обещали десять талонов на игру «Кошки-Мышки». Книги читать надо, а я люблю, когда так интересно.

— А какой вам нужен рецепт? — опять неожиданно вступила в разговор Соня. Она, оказывается, проснулась и все слы-

шала. — Для той девочки, что удрала от тетушки Дирекции? Я его и так знаю. От Серьезной болезни есть такой способ: нужно до этой девочки дотронуться вот так... вот так... не очень сильно...

И птица показала клювом, как будто легонько касалась кого-то.

— Щекотка! — догадался Фонтан. — Конечно же! От Серьезной болезни должна помочь щекотка — сразу засмеется, и все пройдет. Некоторым бывает достаточно пальчик показать. Но конечно, щекотка — самое верное средство.

— Не знаю, как это у вас называется, — ворчливо сказала Соня. — Может, и щекотка. Я просто видела, как это делается.

— Где это ты видела? — спросил Учитель Вранья.

— У одной Гадалки, — ответила птица. — У нее есть такая волшебная машина — она может показать конец любой истории. Если кто хочет узнать, чем кончится футбольный матч, книга, или путешествие, или какое-нибудь приключение, — она вам покажет. Я уже видела, как эту девочку вылечат.

— Ты ничего не путаешь? — с сомнением спросил Учитель Вранья.

— Могу рассказать все подробности, — сказала птица.

— Только не при мне, — опять подал с дерева голос Кот. — Все знать заранее — так неинтересно.

— Да, все знать заранее и мне не хотелось бы, — согласился Антон Петрович. — Но только насчет рецепта... проверить бы? Может, вы заглянете сами к этой Гадалке? — попросил он музыкантов. — Посмотрите, что это за щекотка.

— Хорошо, — согласился Фонтан. — А вы не пойдете с нами?

— Мне надо детей проводить домой, — сказал Учитель Вранья.

— Правильно! — поддержал Брысь. — Самый простой способ — через зеркало. У меня есть одно такое зеркало...

— Опять за свое? — строго сказал Антон Петрович.

— А что же мне тут, сидеть, любоваться, как брат с сестрой обнимаются? Подумаешь, угадать родную сестру! Это каждый сможет! А вот угадай, в какой у меня лапе

желудь?

— В передней левой, — сказал Тим.

— Ну, с вами совсем неинтересно, — заявил Кот. — Сразу угадывать. Небось и в конец книги любишь заглядывать, да?.. Уходите как хотите. Пусть лучше кто другой в гости придет.

— И ты опять будешь обманывать? — спросила Таська.

— Почему обманывать? Я просто даю попробовать, а что будет, сам не знаю.

— Другим даешь?

— А что же, на себе все испытывать? Хватит, набегался, натерпелся.

— А скажи, Брысь, — любопытствовала Таська, — когда ты был чудовищем — на каком языке ты мог понимать и говорить?

— На разных! — оживился Кот. — Было так интересно — ты не представляешь! Особенно когда я был с крыльями и умел летать... Нет, интереснее всего, когда из меня торчали сто пистолетов и каждый сам хотел стрелять, прямо зудил от нетерпения, я их еле сдерживал...

— Ладно, кончай врать, — сказал ему

Учитель Вранья.

— Опять не нравится? Думаете, ваш Дружок... или как его теперь, вам интереснее расскажет? А можно, я к вам поступлю в школу, хотя бы заочно? Я вам такого понарасказываю!

— Посмотрим, — сказал Антон Петрович. — А пока нам пора.

— Ну и идите. А хотите, я возьму свой бинокль, посмотрю в удаляющие стекла, и вы сразу будете далеко?

— Нет, погоди. Нам надо не куда-нибудь, а в точное место. Сейчас мы договоримся, что будем делать дальше.

УГОВОР

— Во-первых, так, — сказал Учитель Вранья. — Если мы разойдемся или потеряемся — ждите от меня письма. Там будет сказано, что делать. А до той поры ничего сами не предпринимайте. И главное, к погребу больше не подходите. Это во-вторых. Ни-ни! Там дорога уже закрыта, в другой раз может занести в такое место, что уже не встретимся, и никто вас не

найдет. Хорошо, что еще так кончилось.

У Таськи почему-то сами собой скривились губы.

— К маме хочу! — захныкала вдруг она.

Тим снова легонько толкнул ее в бок. Ему самому было страшновато и уже хотелось, чтобы все кончилось. (Так хочется проснуться, когда сон становится слишком страшным, но и просыпаться жалко.) Неужели уже возвращаться?

— Сразу? Без всякого путешествия? — переспросил Учитель Вранья.

Дети молчали. Они не могли сказать ни «да», ни «нет».

— Я знаю простой способ, как можно побыстрее вернуться куда хочешь, — вступила в разговор птица Соня. — Тетушка Дирекция говорила: для этого надо быстро-быстро сосчитать до миллиона. А можно и не очень быстро.

— Она не умеет до миллиона, — ответил за сестру Тим. — Ни быстро, ни медленно.

— Тогда, может, ты за нее? Это разрешается. Хочешь — вслух, хочешь — про себя.

Тим начал считать. Сначала вслух, потом про себя...

И не успел он досчитать до семидесяти, как нечаянно заснул.

история третья

ПОТОК

ПИСЬМО

Они проснулись одновременно и увидели, что лежат у себя в кроватях.

Было тихое-тихое утро. Можно было даже услышать, как раскрываются на солнце одуванчики. Пушистые, крупные, они с писком высовывались из зеленых мягких оболочек и рассыпались по траве, как цыплята.

Тим и Таська смотрели друг на друга и терли глаза. Что они подумали первым делом? Конечно, что им все это приснилось.

Но тогда почему Таська лежала в постели одетая, в белом сарафанчике, причем поверх одеяла и ногами на подушке? Почему оба были в сандалиях на босу ногу? Ведь перед сном они, конечно, раздевались и уж тем более разувались?

Как разобраться, сон это был или все-таки не сон? Если сон — могло ли им обоим присниться одно и то же? То есть сначала приснилось разное, а потом сны их встретились? Вот о чем подумали про себя оба одновременно. А вслух первая спросила Таська:

— Ты был там со мной?

— Где? — на всякий случай уточнил Тим.

— Там... Где кот Брысь в тапочках?

— Ага! — обрадовался Тим. — И Антон Петрович там был?

— Да. А Маленького Великана ты видел?

— Еще бы! И Фонтана тоже?

— Тоже.

— Ну какой он?

— Такой добрый, уже немного старенький, в штанах с цветочками. Но вовсе не толстый. И на дудочке играл.

— Не на дудочке, а на скрипке, — поправил Тим. — И не играл, а просто ее держал.

— И на дудочке тоже. Дудел и пел песню.

— Зачем ты опять врешь? — не выдержал Тим. — Как он мог петь, если рот у него был занят дудочкой?

— Не знаю, — растерянно призналась Таська. — Но как-то у него получалось... А ты не видел?

— Нет.

— Значит, я еще после тебя там осталась, немного дальше посмотрела...

И снова оба замолкли. Где осталась? Что значит посмотрела? Сон это все-таки был или не сон?

Тим подошел к окну и выглянул во двор.

Там стояла тетя Лена и смотрела на погреб. Дверь погреба была закрыта.

Кто ее закрыл, кто вернул все на место? Неужели сама тетя Лена? Тогда она про что-то должна догадаться.

Или дверь так и стояла закрытой, тогда опять объяснение то же: все остальное был сон, похожий на правду?..

— Тим, — позвала его с кровати Таська, — пойди сюда. Я хочу сказать тебе одну вещь, только не хочу, чтоб я сама это слышала.

Тим наклонил к ней ухо, она прикоснулась к нему губами. Но Тим тоже ничего не услышал, только почувствовал, что она губами как будто поцеловала ему ухо. Стало так тепло — и он почему-то смутился.

Вдруг он вспомнил слова Антона Петровича про письмо. Не посмотреть ли в почтовом ящике? Если там действительно

будет письмо — значит, это все-таки был не просто сон.

Он кинулся к двери.

Таська поняла без слов, что подумал ее брат. А может, и не поняла, но побежала за ним во двор, к калитке, на которой висел почтовый ящик, стараясь, чтоб не увидела тетя Лена.

Вообще-то почту приносили позже, к обеду. Но на этот раз в ящике — хотите верьте, хотите нет — лежало письмо. На конверте с маркой и нарисованным самолетом было написано:

МЕСТНОЕ

Авиапочтой (чтоб быстрее дошло)

ПЕР. ПРЕДПОСЛЕДНИЙ, ДОМ 3

ТИМУ И ТАСЕ А ВЗРОСЛЫМ НЕ ЧИТАТЬ

Тим аккуратно, как только мог, надорвал конверт. Там лежало письмо, написанное печатными буквами. Вот какое:

«ТИМ И ТАСЯ! СЕГОДНЯ В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ ДЕСЯТЬ МИНУТ И ПЯТНАДЦАТЬ СЕКУНД ВЫ ДОЛЖНЫ СТОЯТЬ ВОЗЛЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ ПОД ЧАСАМИ (ГДЕ ПРОДАЮТ МОРОЖЕНОЕ). К ВАМ ПОДОЙДЕТ ЧЕЛОВЕК, ОН САМ ВАС УЗНАЕТ ПО ПРИМЕТЕ. А ПРИМЕТА ТАКАЯ: ВЫ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ В РУ-

КАХ МОРОЖЕНОЕ (МОЖНО ЕГО ЕСТЬ). ПАРОЛЬ ВЫ
ПОМНИТЕ. ТОЛЬКО НИКОМУ НЕ ГОВОРИТЕ.

А.П., У.В.».

Подпись могла означать, конечно, только одно: Антон Петрович, Учитель Вранья.

— Надо спросить, сколько времени, — заторопился Тим.

Он спрятал письмо за спину, под резинку трусов, прикрыл сверху майкой и пошел искать тетю Лену.

Он ждал, спросит она про дверь погреба или нет? Хотя больше теперь не сомневался, что это был не сон.

Тетя Лена уже сама искала их в доме.

— Где вы были? — спросила она.

— Мы? — Тим не стал уточнять, какое время она имеет в виду. — К калитке ходили, почту посмотреть.

— Почте еще рано. Ее в два часа приносят.

— А сейчас сколько часов? — спросила Таська, окончательно ее отвлекая.

— Надо спрашивать не сколько часов, а который час, — строго поправила тетя Лена голосом Скуки Зеленой.

— Который час? — спросил Тим.

— Уже девять, начало десятого. Давно пора завтракать.

— А минут сколько?

— Минут? — тетя Лена посмотрела на часы. — Двенадцать минут.

— А секунд? — настаивала Таська.

— Секунды-то тебе зачем?

— Так.

— Секунд не знаю... А вы мне лучше скажите...

Закончить она не успела. Таська, стоящая рядом с тетей Леной, вдруг потянулась к ней пальцами и чуть-чуть пощекотала ее в голый локоть — выше ей дотянуться было трудно.

— Ты чего? — дернулась тетя Лена.

— Ничего, — испугалась Таська. — Тебе не смешно?

— Что это такое, я спрашиваю?

— Ой, тетечка Леночка, не сердись. Я думала, тебе поможет... и ты станешь смеяться.

— Что значит поможет? — совсем перестала что-нибудь понимать тетя Лена.

— Нет... я так... ты не бойся, — забормотала Таська, — все будет хорошо...

Тут Тим толкнул сестру в бок, чтобы за-

молчала. Но получилось, должно быть, слишком сильно — Таська ответила.

Тим обиделся и пихнул ее посильней.

Таська тоже ответила посильней.

— Прекратите сейчас же! — прикрикнула на них тетя Лена. — Сумасшедший дом какой-то! Скорей бы вернулись ваши родители, я жду не дождусь, чтобы уехать от вас. Живо завтракать!

Этого еще не хватало, — испугался Тим. Вдруг и вправду уедет? А как же институт? Неужели она все-таки о чем-то начала догадываться?..

После завтрака он вдруг решил показать себя хорошим хозяйственным мальчиком.

— У нас, — сказал он, — хлеб кончается. Мы сейчас сбегает, ладно, тетя Лена? Дай нам рубль, мы еще мороженого купим.

НА СТАНЦИИ

Насчет хлеба он придумал удачно: магазин был как раз около станции, и они могли пойти в ту сторону, не вызывая подозрений.

Но сначала они купили мороженое и стали ждать под часами.

Ждать пришлось долго. Человек, про которого говорилось в письме, почему-то опаздывал. Давно прошли десять часов, и двенадцать минут, и пятнадцать секунд. Большая стрелка станционных часов перепрыгнула на цифру три, потом на цифру четыре.

Мимо станции проходили поезда. Из окошек смотрели люди. Тим и Таська глядели им вслед, иногда махали руками. Вагоны были зеленые, синие, красные, на них висели таблички с названиями дальних мест, куда уезжали пассажиры и откуда они приезжали. Тим из-за скорости не успевал их прочесть. Он завидовал тем, кто ехал далеко-далеко, мимо множества станций, за каждой из которых начиналась страна, такая же таинственная и загадочная, как неизведанные улицы и места здешнего поселка. И еще более таинственные и загадочные. Там были горы и моря, пустыни и степи, верблюды и слоны. Поезда мчались, оставляя за собой ветер, как будто в приоткрытую отдушину повеяло сквозняком из этих пространств.

Некоторые электрички останавливались у станции, из них выходили пассажиры. Они тоже приносили с собой не только за-

пахи дальних мест, но и предметы. Один тащил перед животом деревянный ящик с землей, из нее росла пальма — крохотная, как помидорная рассада, но самая настоящая. Таська потом уверяла, что на ней видны были даже орехи или шишечки. Кто-то пронес клетку с петухом. Прошел человек с кошкой на плече. Один человек нес под мышкой другого человека, длинного и в костюме, — это был манекен. Прошел очень смешной пассажир в соломенной шляпе, с портфелем, весь запаренный и красный; когда он снял шляпу, чтобы обмахнуться, на лысине у него оказался горячий блин*.

Люди выходили из электричек и садились в них, приезжали и уезжали. А они все стояли и ели мороженое.

Одну порцию. Другую. Третью.

Когда дошли до четвертой, стало ясно, что на хлеб им уже не хватит.

День был жаркий, но четыре порции подряд было все-таки слишком. У них даже губы начали мерзнуть.

* Ну какое же вранье! В соломенной шляпе с портфелем это был я. Учитель Вранья грозился, что не вставит меня в свою историю и, конечно, соврал. Да, я был в соломенной шляпе, с портфелем, и можно даже сказать, распаренный. Но никакого блина у меня на лысине не было. И лысины не было, а была почти кудрявая прическа. (Прим. авт.)

Вдруг они почувствовали, что кто-то сзади обнюхивает их ноги, и тут же знакомый голос за спиной произнес:

— А я, между прочим, иду по ковру.

Это был Антон Петрович — и, конечно, с Кис Кисычем.

— Вы? — удивился Тим. Хотя, если подумать: кого можно было ждать другого?

Но Учитель Вранья сделал скучное лицо и поглядел в сторону, как будто напоминая, что они совершенно незнакомы.

— А я все иду по ковру, — повторил он.

— Мы идем, пока врем, — опомнились Тим и Таська.

— Так бы сразу, — теперь Учитель Вранья повернулся к ним. — Много успели съесть? — показал он на мороженое.

— Три порции, — сказала Таська.

— Разве можно столько? Давайте, я доем.

Они отдали ему свои порции с большим удовольствием.

— Дома, небось, сказали, что идете за хлебом? — покосился Антон Петрович на сумку в руках Тима. — Одобряю. А деньги все потратили? Что будете врать, когда спросят, на что? Придумали уже?

— Нет, — сказал Тим. — А почему вы так опоздали?

— Я? — возмутился Учитель. — Я вышел точно по крику петуха. А он всегда показывает самое правильное время. Я вчера проверял его по радио. Он был даже на двадцать минут точней.

Тим с Таськой ничего не поняли.

— А зачем нужны были приметы и пароль, если вы нас и так знаете?

— Мало ли что знаю. Когда играете в войну, вы тоже знаете, что враг — ваш приятель. Но раз договорились, надо все делать по правилам.

— А вы уже сходили к этой Гадалке? — спросила Таська.

— Нет, обещали сходить музыканты, Фонтан с Маленьким Великаном. Вернутся, расскажут; мы договорились встретиться.

— Только знаете... — начала Таська. Тут Тим опять толкнул ее в бок — чтобы не говорила про свою глупую щекотку.

Таська промолчала.

Учитель Вранья посмотрел на них удивленно, но так ничего и не понял.

— Пока у меня к вам вот какое дело.

Мне нужно сходить на разведку к вашему дому, посмотреть на эту...

— Тетю Лену, — быстро сказала Таська.

— Да, на нее. Только надо подойти осторожно, чтобы она ни о чем не догадалась и не успела убежать. Поэтому я попрошу вас, поддержите немного Кис Кисыча. А то он может залаять и ее спугнуть. Пойдите с ним ко мне на Первоапрельскую, дом там стоит. Найдете в моем рюкзаке сочинения учеников нашей Школы Вранья. Почитайте, чтоб не терять время даром. Потом я приду, и мы обсудим, чем займемся дальше. Задание поняли?

— Поняли, — сказала Таська. — Только знаете...

Но Тим опять толкнул ее и не дал договорить.

— Ну, держите поводок, — сказал Антон Петрович. — Найдете дорогу? Сначала налево, потом направо. Да Кис Кисыч вас сам доведет.

Тим взял поводок, и Кис Кисыч действительно сам повел его. Сначала налево, потом направо, все быстрее и быстрее. Иногда Тиму казалось, что песик поворачивает куда-то не туда. Но ведь Кис Ки-

сыч бежал не просто так, а по следу. Бежал уверенно, крутя своим хвостом-пропеллером, и так тянул за поводок, что Тиму приходилось немножко бежать. Таське тоже.

Они бежали какой-то уж очень запутанной дорогой. Сначала Тим совсем перестал понимать, где они, потом он стал как будто узнавать улицу.

И вдруг оба поняли, что песик привел их к забору их же собственного дома. Только с другой стороны.

Кис Кисыч уже рвался дальше, к калитке. Но тут Тим догадался схватить песика и поднять на руки. Кис Кисыч сразу успокоился — как будто у него выключили мотор.

Сделано это было как раз вовремя: из-за забора слышались голоса. Кто-то разговаривал возле погребка. За разросшимися кустами людей не было видно, но голоса были знакомые.

РАЗГОВОР

— Ну, постой минутку. Ты как будто опять хочешь от меня убежать. Чего уж теперь? Все равно я тебя нашел.

— Зачем ты даже сюда за мной погнался? Ты же сам знаешь, в этом нет никакого смысла... Нет, нет, пожалуйста, не вздумай меня еще трогать.

— Можешь мне сказать одну вещь, только совершенно честно?

— Ну?

— Ты действительно меня терпеть не можешь?

— Не выношу.

— Совершенно?

— Совершенно.

— Ты уверена?

— Да.

— Тогда все в порядке. Это значит, на самом деле ты меня очень-очень любишь.

— Шут гороховый! Ни слова не можешь сказать всерьез.

— Наоборот, все очень серьезно. Только вот узнаю способ вылечить тебя или расколдовать, сама заговоришь по-другому. Мне ведь от тебя ничего не надо. Я для тебя стараюсь, чтоб ты пришла, так сказать, в себя. А я уж потерплю. Я, чтобы тебя спасти, готов многое вынести. Даже самое противное. Не забывай, я ведь тебя с дет-

ства знаю. Лет с семи, а?

— Ты и тогда был шутком, и остался шутком. Ни слова не понимаю. Выдумал какие-то глупые фантазии, какое-то вранье. Воображаешь себя кем-то. Писателем, что ли? Вот ничего из тебя и не получилось. И не получится.

— Почему ж ничего? Учитель Вранья уже получился. Думаешь, это было просто? А вот погоди, доведу до конца одну историю... может, когда-нибудь ты ее даже прочтешь. Только бы пасты в ручке хватило. Пока еще до конца не знаю, как все может сложиться, но кое-что уже становится ясней... Кстати, учти, дети все про тебя знают.

— Какие дети?

— Тим с Таськой.

— Ты и до них добрался?.. И что они знают?

— Все. Может, даже больше, чем ты сама.

— Так это ты их научил?

— Чему?

— Щекотать меня?

— Щекотать? — Учитель расхохотался. — Нет, наверно, они сами. Я бы остерегался

без подготовки. И как, не помогло?

— Шут, шут, шут!

— Не помогло, я вижу.

— Где они?

— Не беспокойся, с ними все в порядке.

— В порядке! Они стали совсем несносными, с ними сладу нет.

— А знаешь, как они тебя..? Нет, не буду ябедничать.

— Они меня не любят, я знаю. Я просто не умею с маленькими.

— А сама уж такая большая? Давно ли со мной в прятки играла? Поменьше бы воображала, было бы лучше. Да что с тобой говорить, пока ты такая.

— Какая? Ну скажи, какая?.. Что ты ко мне привязался? Я приехала сюда сдавать экзамены. Провалюсь, ты будешь виноват.

— Я на все готов.

— Я запрещу им встречаться с тобой.

— Пока ты такая, ты, конечно, все можешь.

— Опять за свое? Скажи, где они? Сейчас же пойду их искать.

— Ладно, увижу — передам, чтобы шли домой.

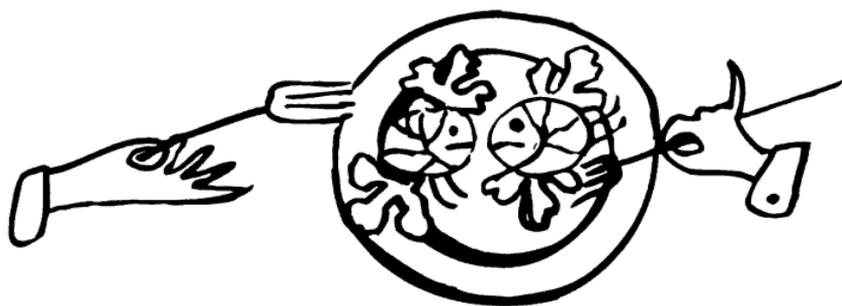
Услышав такие слова, Тим с Таськой по-

тихоньку отошли от забора и поскорей побежали на Вторую Первоапрельскую улицу. Кис Кисыча сначала несли на руках (умница, он ни разу не тьякнул), потом спустили его на землю, и он опять потянул за поводок так сильно, что они прямо запыхались. Прибежали — и упали на траву.

Они очень старались добежать раньше Учителя. Между тем он и не думал никуда спешить. Он только прошел на соседнюю улицу, увидел там скамейку, сел на нее, вынул из кармана свернутую в трубку тетрадь и своей волшебной ручкой написал слово:

СОЧИНЕНИЕ

Дети, запыхавшись, вбежали за калитку

Как я охотился на голубцов

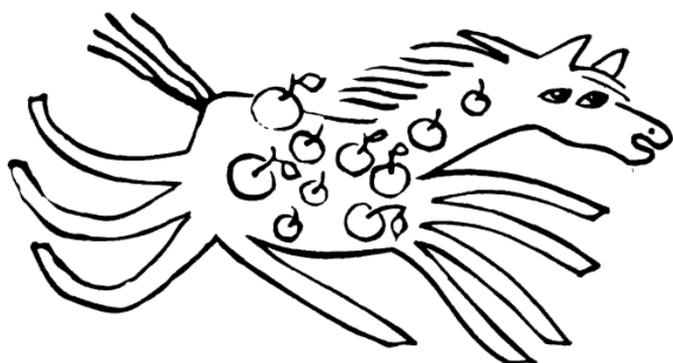
и упали на траву.

Палатка стояла на поляне, как вчера, поодаль от дуба. Тим заглянул в нее, нашел рюкзак, достал оттуда пачку школьных тетрадей.

Это были тетради первоклассников Аристанской школы вранья для школьных сочинений.

Усевшись с Таськой в тени дуба, Тим стал их перелистывать и читать заголовки. «Как я охотился на голубцов» — называлось одно сочинение. Тим подумал, что в заголовке ошибка или описка. Другое называлось «Самый лучший конь», и его он начал читать Таське вслух.

«Самый лучший конь. У меня был самый лучший конь, самый красивый. В яб-

Самый лучший конь

локах. Яблоки я выбрал самые спелые, самые румяные. Некоторые были даже с листиками. Этот конь мчался так быстро, что иногда у него вместо четырех ног становилось восемь. А однажды он разогнался до того, что обогнал собственную тень».

Еще было несколько разных сочинений про самый сильный холод. В одном рассказывалось, как Снежная Королева загорала под северным сиянием и кушала мороженое, потому что на самом деле ей было слишком жарко и хотелось немного прохладиться. Ведь ее собственная температура была минус сто сорок градусов. Поэтому оценка за сочинение была снижена до тройки и красными чернилами написано: «Не совсем по теме. Это не про холод, а про жару».

В другом была история, как однажды в очень холодный день из фонтана вместо воды стали брызгать градины, а потом посыпался снег, как из снегоочистителя.

Еще в одном рассказывалось про такой сильный холод, что от него сваренные вкрутую яйца становились снова сырыми.

Но самую большую пятерку Учитель

поставил за сочинение, в котором рассказывалось про холодный огонь: когда на него ставили кастрюлю с водой, вода превращалась в лед.

Таська все это слушала и про себя удивлялась: ну и вранье! Она подумала, как интересно учиться в школе, где бывают такие уроки. А у Тима уже немного заплетался язык: он чувствовал, что его иногда чуть-чуть клонит в сон. Все-таки не надо забывать, что они всю эту ночь, вместо того чтобы нормально спать, бродили по Аристани и переживали всякие приключения. К тому же день был жаркий. Золотые пятнышки перебегали по траве в тени дуба, мелькали в глазах.

Самое странное началось, когда Тим стал читать длинное сочинение под заглавием «История без конца». В нем рассказывалось про мальчика, который в такой же вот жаркий день пошел ловить рыбу. Забросил удочку, поставил рядом железное ведерко, ждет. Вдруг поплавок — дерг. Мальчик потянул. Высунулось из воды Чудище с усатым носом. Из пасти леска торчит. Улыбается Чудище, дожевывает

крючок и даже причмокивает, так ему нравится. «Ты кто?» — удивился мальчик. «Не видишь, Чудище. Маша меня зовут...»

Вот тут Таська, тоже немного разомлевшая от жары, подала голос.

— Чудищ так не называют, — сказала она.

Но в этом еще не было ничего странного. Станным и даже удивительным было то, что Чудище ей ответило прямо из тетрадки, где письменными буквами оказалось написано:

— А как их, по-твоему, называют?

— Не знаю, — сказала Таська.

— Тогда не мешай нам, — сказала Чудище и вновь обратилось к мальчику из сочинения: — Между прочим, имей в виду, я люблю крючки без гарнира. Червяки, там, хлеб и прочая слякоть — это для меня лишнее. И желательно, чтоб еда была не слишком острая. У меня желудочная болезнь... Гастроль, кажется, так она называется. Или гастроном... Не помню точно... Пуговицы у тебя есть металлические?

— Нет, — сказал мальчик из сочинения. — Только пластмассовые.

— Жаль. Я люблю все металлическое.

Ну, может, хоть ножик какой-нибудь есть?

— Ой... Я его дома забыл, — соврал мальчик из сочинения.

— Тогда сажай меня в свое ведро и неси домой. Не видишь, я проголодалось. Разве крючок — еда для взрослого Чудища? Только налей сначала в ведро воды.

Что делать? Налил рыбак в ведро воды, посадил туда Чудище Машу с усатым носом и понес. Несет и думает: что теперь от дома останется? Все ножи и вилки, замки и ключи, оконные петли, железные пуговицы и застежки-молнии — все пожрет голодное Чудище. Как быть? Что теперь делать?..

Тим замолчал.

— А дальше что? — спросила Таська.

— Не знаю, — ответил Тим озадаченно. — Дальше здесь ничего не написано. У этого сочинения нет конца.

— А я сама догадалась! — сказала вдруг Таська. — Ведерко у мальчика было железное, так? Чудище по дороге не выдержало, стало грызть ведерко и само выпало в дырку.

— Правильно! — слышалось неизвестно откуда. И Тим с изумлением увидел, как Таськины слова сами собой записались в конце сочинения, а внизу красными буквами появилось: «Правильно!» и отметка: 5. Он не понимал, как это могло получиться, но теперь сочинение было закончено.

Кис Кисыч тоже как будто почувал что-то необычное. Он вдруг насторожился и тихонько заурчал.

— Ты слышишь? — сказала Таська. — Там кто-то есть, за забором.

— Ничего не слышу, — прислушался Тим.

— Есть, есть. Я моложе тебя, у меня уши чутче.

Тут Кис Кисыч вырвался у нее из рук и с тьяканием понесся к забору. Над забором возвышался по пояс Маленький Великан.

Он осторожно перенес через забор

Фонтана, перелез сам. И тут же с другой стороны открылась калитка — появился Учитель Вранья.

СНОВА ВМЕСТЕ

Музыканты выглядели очень усталыми. Таське показалось, что они с прошлого раза еще чуть-чуть постарели. Наверно, много ходили по Аристани.

— Ну как, нашли вы эту Гадалку? — сразу спросил Учитель Вранья.

— Нашли-то нашли, — ответил Маленький Великан. — Но она спросила нас, какое мы хотим гаданье: простое или научное, чтобы уж наверняка? Мы подумали и сказали, что лучше научное. А она сказала, что для этого ей нужна вся история в письменном виде. Тогда ее можно заложить в предсказательную машину, и она выдаст ответ. Мы решили с вами посоветоваться.

— Вообще-то у меня все начало уже записано, — задумчиво сказал Учитель Вранья. — И даже середина. Сходить, что ли, вместе с вами к этой Гадалке?

— Ой, а можно нам тоже? — сразу

встрепенулась Таська.

— По-моему, вам пора домой, — с сомнением сказал Учитель. — Вас скоро начнут искать.

— Да никто и не успеет заметить, — успокоил Фонтан. — Это совсем недалеко. Два марша, один вальс и еще чижик-пыжик.

— Так мы меряем расстояния, когда идем по дороге, — объяснил Маленький Великан. — Под быструю музыку проходим побольше, под медленную — поменьше. У нас есть даже колыбельная — под нее можно спать на ходу.

— Что ж, пошли, — сказал Учитель Вранья. — Только быстро, туда и обратно. Не забыть тетрадку с историей. И двухмильные шлепанцы на всякий случай... Нет, не сюда, — он увидел, что Тим и Таська уже устремились к калитке. — В другую сторону.

И они пошли к лесной опушке, которая была не огорожена забором.

В ДОРОГЕ

Опушка тоже была вся в одуванчиках. Они пошли вниз от небольшого холма, на

котором рос дуб, и когда через несколько шагов оглянулись, дуба уже не увидели. Но лес при этом вовсе не стал ближе. Наоборот, с каждым шагом он как будто удалялся.

— Как же мы попадем в Аристань? — спросил Тим.

— А мы уже там, — засмеялся Антон Петрович.

— Как это? — не поняла Таська. — Так просто, без всяких подземных ходов? Просто шли, шли — и уже там?

— Я же говорил, туда есть разные дороги, — сказал Учитель Вранья. — Как, например, в небо. Можно в небо подняться на самолете или на воздушном шаре. Можно идти, идти все выше в гору и добраться до облаков. Или еще выше. Но даже это не обязательно. Как по-вашему, где начинается небо?

— Там, — показала Таська рукой вверх.

И вдруг Тим догадался:

— Я понял! Небо — оно уже вот, здесь. Это весь воздух вокруг. Вот, я дотрагиваюсь до него рукой.

— Правильно, — сказал Антон Петрович. — Вот я подпрыгнул — и уже в небе.

Невысоко — но в небе. Я немного уже полетел. А вы можете?

— И я! — крикнула Таська.

— И я уже в небе!

И они стали прыгать в воздух, который уже был небом. Иногда им удавалось взлететь даже высоко и лететь долго — можно было сосчитать за это время до пяти, а если побыстрее — то и до шести. Однажды у Тима получилось даже летать до десяти. И оба чувствовали, что если немного привыкнут, — можно летать еще дольше.

Кис Кисыч, раскрутив свой пропеллер на полную скорость, совершал вокруг них повороты.

— Так и Аристань, — сказал Антон Петрович. — Она совсем рядом, только не всем удастся попасть в нее. Может быть, потому, что не все догадываются, как это надо делать. Этому надо учиться.

Так они шли. Музыканты играли. Маленький Великан — на рояле, который висел у него на ремне через плечо, как ящик для мороженого. Старик Фонтан на скрипке, а потом и на дудочке. При этом он сам себе подпевал. Или, можно ска-

зять, пел и подыгрывал себе на дудочке...

Да, да, опять было точь-в-точь так, как рассказывала Таська. Значит, все-таки не врала? Но почему же и она, как Тим, смотрела на музыканта, вытаращив глаза?

Все-таки было непонятно, как это ему удавалось. То ли он пел в дудочку, то ли дудочка пела от его дыхания сама. Вот примерно такую песню:

Крутится земля,
Стелется дорога,
Прыгнешь прямо вверх —
Попадешь вперед.
Ведь тропа бежит
Нам опять под ноги,
Или нас самих,
Как с горы, несет.

В самом деле, Тим только сейчас заметил, что они идут все время под гору. Как ни странно, но получалось именно так. И он вдруг догадался: может, это потому, что земля круглая. Он ведь знал, что она только кажется ровной. На самом деле она как шар. Так просто это незаметно, но если долго идти по ровному полю, увидишь, что она немного закругляется вниз...

Нет, — тут же возразил он сам себе, — если это так, почему же дома, в Москве или в дачном поселке, получается иначе? Там, если в одну сторону идешь под гору, обратно приходится подниматься... Надо будет проверить на обратном пути, — подумал Тим.

Они шли по зеленой выпуклой земле. Вокруг цветов колыхались круглые разноцветные запахи. Усталые от жары стрекозы с глазами, как у водолазов, садились им на плечи.

— Уже скоро, — сказал Фонтан. — Я узнаю дорогу.

— Да? — сказал Тим, и в голосе его прозвучало разочарование. Ему было жалко так быстро приходить. Ведь это значило, что скоро все кончится.

— Ничего, — шепнул ему на ухо Маленький Великан. — Может, еще заблудимся.

Но как тут можно было заблудиться? Дорога была видна ясно. Она напоминала заросшую травой двойную автомобильную колею.

А потом эта колея как-то странно раздвоилась: как будто левое колесо свернуло налево, правое направо. Фонтан с Маленьким Великаном немного поспорили,

куда сворачивать. Фонтан считал, что налево, Маленький Великан — что направо. Пошли по правой дорожке.

Солнце в небе разогрелось почти добела. Воздух над травой прозрачно бурлил, точно его кипятили.

— Пить хочу, — тихонько пожаловалась Таська.

— Потерпи, — сказал Антон Петрович. — Видишь, здесь нет ни реки, ни колодца.

— А вот на дороге в ямке вода, такая чистая.

— Отсюда пить нельзя, — сказал Тим.

— Почему?

— Это след от машины, — объяснил Тим не совсем уверенно. Может, правильнее было сказать: от правой половины...

— Ну и что?

— Автомобильчиком станешь, — ответил за Тима Маленький Великан.

— Ладно, давайте немного посидим, отдохнем, — сказал Учитель Вранья.

— Дядюшка Фонтан, а может, вы вспомните старое, брызнете немного газировочкой? Хотя бы без сиропа?

— Боюсь, я разучился. Я так давно не

плакал ни от радости, ни от огорчения.

— Ну давайте, потренируйтесь. Радости, конечно, пока особой нет, но огорчений всегда можно вспомнить сколько угодно. Мы же заблудились. Умираем от жажды. Неизвестно, сколько еще будем ходить. Неизвестно, кого еще встретим. Вот беда-то!

— Вот беда! — повторил Фонтан и старательно скривил лицо, чтобы брызнуть слезами.

Но даже маленькой слезинки не удалось ему выдавить. Видно, не так уж его огорчало, что придется неизвестно сколько ходить и неизвестно кого встретить.

— Ты лучше расскажи мне какую-нибудь грустную историю, — сказал он Учителю. — Есть у тебя в запасе такая?

— Есть, — сказал Учитель Вранья. — Совершенно ужасная история про девочку, которая не хотела есть. Ее специально рассказывают, чтобы пугать детей с плохим аппетитом. Знаете, что с этой девочкой случилось? Она так похудела, что стала совсем легонькой. Почти невесомой. И однажды стала подниматься в воздух, как

воздушный шар. Ужасно!

— Ужасно! — повторил Фонтан и снова скривился, чтобы брызнуть слезами. Но у него ничего не получилось. — Я почему-то не могу огорчиться, — растерянно пожаловался он. — А дети, которым рассказывали эту страшную историю, очень плакали?

— Не очень, — признался Учитель Вранья. — Наоборот, им это так понравилось, что они тоже захотели подняться в воздух и совсем перестали есть. Кошмар!

— Кошмар! — повторил Фонтан, но даже сморщиться не сумел для плача. — Нет, так не получается. Может, пойдем, поищем лучше арбуз. Он хорошо утоляет жажду.

— Где мы его возьмем? — сказал Тим. — Арбузы бывают только в августе.

— Конечно, придется идти далеко, туда, где сейчас август. А что делать?

— Неужели у вас нет истории погрустней? — спросил Антона Петровича Маленький Великан.

— Есть, — сказал Учитель Вранья. — Я вспомнил совершенно кошмарную историю. Про девочку, которая не умела не

только смеяться, но даже говорить обычными словами. Она умела только плакать, представляете? Но так, что все научились ее понимать. Когда она плакала, например: ы-ы-ы! — все понимали, что это значит: хочу каши! А когда она плакала так: ууу-ааа! — это значило: какой сегодня замечательный день!

— Вот это подходяще! — обрадовался Фонтан. — Давайте тоже так поговорим.

И первым начал:

— О-о-о!

А остальные подхватили на разные голоса:

— Ууу-ыыы! Ааа-ооо! Ой-ей-ей!

И от этого плача всем стало почему-то до того смешно, что они расхохотались. А у Фонтана от смеха выступили на глазах две слезинки.

— Ого, уже получается! — воскликнул он. — Так зачем нам огорчаться? Попробуйте рассмешить меня по-настоящему до слез. Это гораздо вкуснее.

— Я знаю одно ужасно смешное стихотворение, — вызвался Маленький Великан. — Оно такое смешное, что я никогда не могу даже дочитать его вслух до конца — сразу

начинаю смеяться. Сейчас попробую. Вот:

Однажды глупый попугай... — начал он, но уже тут не удержался и прыснул. Так было, наверно, смешно дальше. И все прыснуло вслед за ним, хотя и не успели еще узнать, что же сделал этот глупый попугай.

— Сейчас, — повторил Маленький Великан. — Попробую сначала. Вот:

Однажды глупый попугай...

Но до самого смешного места он опять дойти не смог. Стало совсем интересно: что же там в следующих строчках такого смешного, что даже на дальних подступах к ним нельзя было удержаться от смеха?

Маленький Великан пробовал начинать еще несколько раз, но дальше своего «Однажды глупый попугай» пробраться не хватало сил. Он начинал смеяться, и все смеялись вместе с ним.

— Ой, хватит меня смешить, — взмолилась Таська. — У меня уже живот полный смеха.

И в этот миг из обоих глаз Фонтана брызнули наконец две настоящие струи.

Все, запрокинув головы, стали ловить ртами сладкие брызги.

СОНЯ

— Расхохотались! — слышался вдруг недовольный голос. — А дальше-то какие слова?

Все оглянулись на этот знакомый голос — и увидели птицу Соню. Все, кроме Маленького Великана — потому что она опять сидела у него на голове, как будто его кудрявые волосы были для нее привычным и удобным гнездом.

— Привет, Соня! — сказал ей Фонтан. — Опять ты взялась неизвестно откуда и неизвестно как!

— Это вы взяли неизвестно откуда и неизвестно зачем, — сердито ответила Соня. — Я хотела попасть к этим детям, посмотреть настоящие чудеса, и чтобы все было по-настоящему. Мне надоело смотреть только сны, да еще по десять раз одни и те же. Незнакомых-то совсем не осталось, все пересмотрела. Несколько раз я промахивалась, попадала не туда. Наконец, после стольких трудов, увидела детей — а они уже здесь, и вы с ними. И опять смеетесь над одной и той же строчкой. Так что же, в конце концов,

случилось с этим глупым попугаем?

— В другой раз доскажу, — виновато пообещал Маленький Великан. — Когда у меня будет не такое смешливое настроение.

— Дождешься! — ворчливо сказала птица. — Я уже это начало сто раз слышала. И ни разу ты не сумел продвинуться дальше. Сразу хохочешь, как сумасшедший.

— В следующий раз я начну сразу со второй строчки, — сказал Маленький Великан. — Или даже с третьей.

— Соня, — любопытствовала Таська, — а ты думаешь, мы тебе снимся?

— К сожалению, — сказала птица. — По-настоящему ведь не получилось.

— Но у тебя же открытые глаза.

— А ты в своих снах разве ходишь с закрытыми глазами?

Таська задумалась.

— А куда это вы направились? — спросила Соня.

— К Гадалке, — сказал Фонтан.

— И заблудились! — добавил Маленький Великан без всякого огорчения.

— Кстати, не знаешь ли к ней дорогу? — спросил Учитель Вранья.

— Я обычными дорогами не пользуюсь, — сказала птица. — Я могу и так к ней попасть. И вас с собой захватить.

— Нет, нас лучше не надо, — поспешно сказал Учитель. — Еще промахнешься, что нам тогда делать? А можешь наоборот, захватить ее сюда?

— Могу и наоборот, — сказала Птица немного обиженно. — Только мне с ней совсем неинтересно. Я ее сто раз видела...

— Но нам она очень нужна.

— Ладно, доставлю ее для вас. Но сама и смотреть не буду. Подремлю просто так, без всяких снов.

Соня прикрыла глаза, как будто затянула их непрозрачной пленкой, сунула голову под крыло — и исчезла.

Все, раскрыв рты, смотрели на опустевшую голову Маленького Великана. (Все, кроме, конечно, Маленького Великана.)

Вдруг она возникла вновь — как будто сгустилась из воздуха, так же, с головой под крылом.

— Ой! — удивленно вскрикнула Таська.

Все повернули головы туда же, куда смотрела она, и увидели странное сооружение.

ГАДАЛКА

Сооружение было похоже на металлическое животное вроде лошади или, скорей, толстой коровы. Оно стояло на четырех растопыренных ногах, туловище у него имело вид бочки с экраном, как у телевизора, вместо головы ящик с двумя стеклянными окошками-глазами и ртом-щелью, как в почтовом ящике, а вместо хвоста — кривая рукоятка, какой заводят автомашины.

Рядом с этой железной коровой стоял пестрый шатер, напоминавший небольшой цирк, на нем — плакат:

СТАНЦИЯ
ГАДАТЕЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ

И по бокам еще несколько плакатов помельче:

ГАДАНИЕ СУЕВЕРНОЕ
на картах
на бобах
на кофейной гуще
Без гарантии

ГАДАНИЕ НАУЧНОЕ
Машинные прогнозы и предсказания
Самая современная машина
МАРФУТА
Надбавка за гарантию 10%
Что было, что есть, что будет

Над шатром неподвижным облачком стоял густой дым.

— А, знакомые клиенты! — слышался голос.

Из шатра вышла гадалка. Она была в цветастых брюках и таком же платке, во рту держала трубку. Из трубки шел дым. Теперь он собирался в виде облачка у нее над головой, создавая тень, как зонтик.

— Ну что, записали свою историю? — спросила Гадалка.

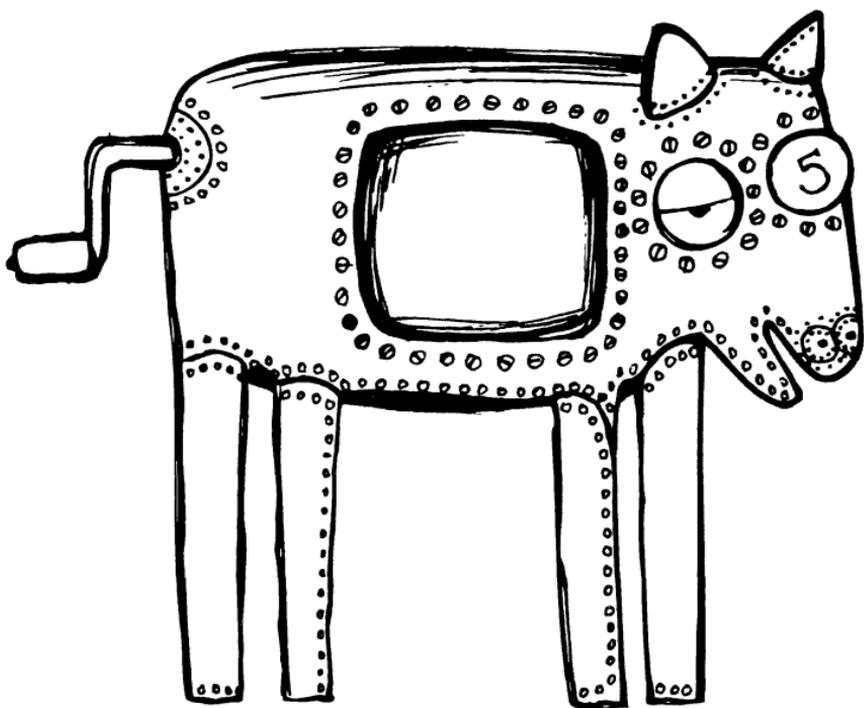
— Да, — Учитель показал свою тетрадку. — Только она еще не окончена.

— А нам с Марфутой концов и не надо. Мы все концы сами рассказываем и показываем. Кто не хочет, например, зря тратить силы на дальние путешествия, приходит к нам, заранее узнает все свои путе-

вые впечатления — и может писать о них стихи или воспоминания. Кто не хочет зря волноваться на футбольном матче — приходят узнать результат. Могут даже посмотреть, как будут забиты голы. Они у нас на пленку записаны. Очень удобно.

— Какое же это предсказание, если заранее на пленку записано? — сказал Тим.

— Мало ли записано! — сказала Гадалка. — Однажды на пленке было, как нападающий из выгодного положения не попал в ворота. Два раза Марфуга эту плен-

ку показывала — он все промазывал. А на третий вдруг взял и попал. Может, стыдно ему стало. Всякое бывает. Но мы стараемся работать без ошибок. Погоду, например, Марфута предсказывает всегда точно. Правда, точный прогноз требует много времени. Пока она рассчитает, где будет дождь, он уже там, глядишь, и прошел. Приходится прогноз переделывать на прошедшее время: там-то и там-то был дождь. Медленно, зато безошибочно. А главное, научно. Хотите ее на чем-нибудь проверить? Пожалуйста. Загадайте число. Любое. Только мне не говорите.

Тим задумал два, Маленький Великан три, Фонтан четыре, Учитель Вранья — пять, а Таська — сто.

— Задумали? — сказала Гадалка. — Теперь прибавьте еще такое же. Прибавили? Умножьте на три. Разделите на задуманное число. Отнимите единицу. Сделали? Сейчас Марфута скажет, сколько у вас получилось.

Она нажала какие-то кнопки на боку Марфуты, два раза крутанула ручку-хвост. Из ноздрей железной машины повалил

дым, и в правом стеклянном глазу зажглась цифра 5. А в левом ничего не зажглось.

— Правильно? — спросила Гадалка.

— Правильно! — воскликнули все удивленно.

— Вот видите! А она даже не знала, что вы загадали... Ну как, попробуете? Или вы хотите другим способом, не научным?

— Нет, лучше научным, — сказал Учитель Вранья.

— Тогда давайте свою тетрадку. Давайте, не бойтесь, Марфута ее не съест. То есть сначала съест, а потом выплюнет... Так, а теперь позолотите ручку.

— Это как? — не понял Антон Петрович.

— Ну, уплатите сколько-нибудь. У нас услуги платные.

— Я не захватил с собой денег, — растерянно сказал Антон Петрович. — Никогда здесь не нужны были деньги.

— А меня деньги не интересуют. Есть что-нибудь волшебное?

— Волшебное? Откуда?.. Впрочем, есть! — вдруг вспомнил он. — Я же захватил двухмильные шлепанцы. Вот. Может, подойдет?

— Как раз мне по ноге, — с удовольст-

вием сказала Гадалка. — Только больно ношенные.

— А их чем больше носишь, тем они становятся волшебнее, — ответил Учитель Вранья.

Дети смотрели на шлепанцы с сожалением. Так они и не увидели их в действии. Но раз другого выхода нет...

— Ладно, — сказала Гадалка. — Начинаем.

Она сунула тетрадку Антона Петровича в рот-щель, крутанула ручку-хвост. И другой раз, и третий. Из ноздрей у Марфуты повалил дым. Наконец она выплюнула довольно измятую тетрадь, а вслед за ней — бумажный листок.

Гадалка подхватила листок и дала Антону Петровичу. И вот что оказалось на нем напечатано:

К чему было ходить так далеко

И тратить зря мои способности?

Пускай рассказывает все подробности

Кто каждый день ест птичье молоко.

— Что это такое? — недоуменно спросил Учитель Вранья.

— Какая-то филькина грамота!

— Обман! — возмутился Маленький

Великан.

— Почему обман? — засуетилась Гадалка. — Гадание должно быть немного поэтическим и неопределенным. Это вам не математический справочник и не прогноз погоды. Какая история, такой ответ.

— Но что все это значит? — спросил Учитель Вранья.

— Откуда я знаю? Сами догадайтесь.

— А если это ничего не значит?

— Значит, значит. Значит, у вас история такая странная и бессмысленная, что не стоит на нее тратить сил.

— Ах, не стоит? Тогда отдавай шлепанцы!

— Как бы не так! Работа затрачена, топливо затрачено, и все вам бесплатно? Не отдам!

— Нет, отдавай!

— Не отдам!

— Опять расшумелись! Пообедать не дадут! — слышался недовольный голос. Птица Соня высунула голову из-под крыла, раскрыла глаза — и в тот же миг исчезли Гадалка и Марфута вместе с шатром и облаком дыма.

РАЗГАДКА

— Что у вас случилось? — сказала Соня, встрепенувшись.

— Обманула нас Гадалка, — объяснил Фонтан. — Теперь надо искать, у кого есть птичье молоко.

— Так у нас говорят про то, чего не бывает, — заметил Тим. — «Ишь, птичьего молока захотел!»

— Почему не бывает? — возразила Таська. — Торт есть такой: «Птичье молоко». Я сама пробовала.

— Торт не считается, — сказал Тим.

— От ваших разговоров у меня аппетит разгорелся, — сердито сказала Соня. — Я не успела даже пообедать у тетушки Дирекции, вы меня раньше времени разбудили. Вот.

И Соня достала откуда-то из-под крыла бутылочку, затянутую детской соской.

— Что это? — спросил Учитель Вранья.

— Молоко, из которого тетушка Дирекция должна была мне сделать творог. Я ем только свежий, домашний. Но она не успела его приготовить. Дала мне подержать

бутылочку — и тут пришлось с ней вместе проснуться. Сейчас надо будет вернуться...

— Постой! — сказал Учитель Вранья. — Значит, это твое молоко? Ты — птица, это молоко можно назвать птичьим, ты ешь его в виде творога каждый день. Так?

— Так, — подтвердила Соня. — Ну и что?

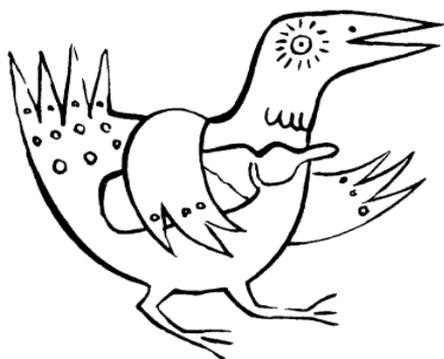
— А то, что ты должна знать способ, как вылечить девочку от Серьезной болезни. Почему же ты нам не сказала?

— Как это не сказала? — возмутилась птица. — Все вам объяснила и даже сама показала, как надо делать... Вот так, клювом... не очень сильно... помните? ...

— А, — разочарованно махнула рукой Таська. — Ты про щекотку? Это я пробовала. Не помогает.

— Не знаю, как это у вас называется, — проскрипела Соня все тем же сердитым голосом, — только средство проверенное. Сама видела. И

Птичье молоко

не один раз. Может, ты неправильно делала? Покажи, как.

— Вот так, — Таська подошла к Фонтану и пощекотала его под мышкой. Фонтан захихикал и дернулся — на него средство действовало.

— Ну кто же так делает! — заволновалась птица. — Я же показывала, как правильно. Надо не руками, не пальцами, это же грубо. Надо нежно-нежно, вот так, клювом... или как это у вас называется?

— Губами?

— Нуда. Вот этими губами дотронуться — да не сюда, а как у вас это называется?.. Вот это?

— Щека?

— Ну, значит, дотронуться до щеки. А еще лучше до клюва... то есть до губ. И не грубо, как дятел, знаете, долбит, нет... именно нежно... вот так... Может, это у вас тоже как-нибудь называется?

— Поцеловать?

— Чего не знаю, того не знаю. Как назовете, так и назовете. Главное, не промахнуться, попасть клювом в клюв... то есть в губы. Может, это не особенно при-

ятно, но для жизни совершенно безопасно. На многих проверено.

— И кто это должен сделать? — спросил Учитель Вранья.

— Наверное, ты.

— Вот оно как...

Тим посмотрел на него с сочувствием, Таська — с интересом.

— Что ж, делать нечего, надо попробовать, — сказал Учитель. — Не будем терять времени. Спасибо тебе, Соня, — и до свидания. Возвращайся заканчивать свой обед. Привет тетушке Дирекции.

— А можно мне еще немного с вами? — вдруг попросилась птица. — Все-таки хочется попутешествовать по-настоящему. А то все во сне да во сне. Конечно, так спокойнее и не трясет. Но очень уж надоело одно и то же. Может, посмотрю, как там у них, — она показала на детей.

— Ну что ж, пойдём.

— А можно, я тоже возьму какой-нибудь инструмент, чтобы играть с вами? Какие-нибудь бубенцы? На скрипке я не умею.

— Но у нас нет бубенцов.

— Я знаю, где они есть. Сейчас быст-

ренько засну и вернусь с ними.

— Э, только ненадолго! — крикнул вдогонку Учитель Вранья.

Но поздно было предупреждать. Глаза у Сони уже затянулись непрозрачной серой пленкой. Она даже не успела спрятать голову под крыло — вскоре открыла глаза, и все увидели, что она сидит на барабане. Барабан был большой, выше Таськи ростом, с красными и синими треугольниками по бокам. Две колотушки лежали на нем.

— Промахнулась, — сконфуженно сказала Соня. — Не то захватила.

— Да, для бубенцов немного великовато, — согласился Учитель Вранья. — Ничего, будем катить его перед собой. Обменивать некогда.

ПОТОК

К удивлению Тима, обратная дорога опять оказалась под гору. Учитель Вранья легко катил барабан перед собой, как колесо, по пути ударяя в него колотушками. Птица Соня, сидя у него на плече, время от времени побрякивала, как медные та-

релки, и иногда попадала даже в такт — можно было считать, что она тоже играет. Маленький Великан играл на рояле, Фонтан — то на скрипке, то на дудке.

А Тим с Таськой пели:
Крутится земля,
Стелется дорога,
Прыгнешь прямо вверх —
Попадешь вперед.
Ведь тропа бежит
Нам опять под ноги,
Или нас самих,
Как с горы, несет.

Кис Кисыч подвывал или, можно сказать, подпевал без слов. Слова были действительно ему совершенно не нужны — он и лаял, и скулил, и подвывал вполне понятно — говорить ему было просто незачем.

Иногда Антон Петрович делал даже так: вскакивал на барабан верхом, катился на нем, перебирая ногами, как в цирке медведь на колесе. И при этом все равно ухитрялся колотить по нему колотушками. Птица, решившая посидеть на его голове, сердито взмахивала крыльями. Похоже,

она немного уже начинала жалеть, что пустилась в такое путешествие, и подумывала, не закрыть ли глаза, чтобы очутиться в более удобном месте, где бы не так трясло...

И вдруг!.. Со всего разгону барабан выкатился на край высоченного обрыва. Не успели все ахнуть, как Учитель Вранья вместе с барабаном и птицей Соней сорвались вниз...

Но удивительное дело: не долетели они еще до дна, как повисли в воздухе. Для Сони это, допустим, было не удивительно: можно было считать, что она летает. Хотя она не успела даже расправить своих крыльев. Да если бы и расправила — еще неизвестно, умела ли она в самом деле летать. Нет, она так, со сложенными крыльями и держалась в воздухе, точно дирижабль. Барабан закачался как бы на невидимых волнах. Антон Петрович рядом с ним забултыхал руками и ногами, словно неумелый пловец.

Кис Кисыч храбро бросился им на помощь — и тоже повис в воздухе. Прямо зашагал всеми четырьмя лапами — со стороны это выглядело довольно смешно.

Только другим, наверху, было вовсе не до смеху. Они сначала ничего просто не поняли. Смотрели с края обрыва вниз и хлопали глазами.

— Поток! — догадался первым Фонтан. — Мы попали к Невидимому Поток!

И прямо со скрипкой в руке, со смычком в другой прыгнул с обрыва вниз. Маленький Великан — за ним следом. Он просто шагнул вниз с роялем на ремне.

Только Тим и Таська еще боялись.

— Давай, — шепотом сказал Тим. — Ты же умеешь плавать. Этим... кроликом.

— Наверно, умею, — так же шепотом призналась Таська. — Только я еще не пробовала. А ты?

— И я, наверно.

— Не бойтесь! — позвал их снизу Учитель Вранья. — В этом Потоке все умеют плавать.

— А мы и не боимся, — сказал Тим.

И оба бросились вниз. Только чуть-чуть зажмурились.

И сразу поплыли. Взаправду поплыли, как будто всегда умели.

— Смотри! — закричала Таська. — Я же

говорила! Вот как плавают кроликом!

— А вот как барсом! — не захотел отста-
вать Тим.

Нет, что кролики, что барсы и тем более
какие-нибудь там собачки! Тут, если хоти-

те знать, резви-
лись самые на-
стоящие дельфи-
ны! Они кувыр-
кались, как хоте-

ли, колотили ногами, так что летели
брызги. Невидимые, конечно. И ныряли
до самого дна, похожего на обычный луг.
Длинные травы стлались по невидимому
течению, как водоросли.

А Кис Кисыч даже лапами не шевелил.
Только подгребал немного ушами, как вес-
лами. А иногда переворачивался на спину,
раскидывал лапы и даже глаза зажмуривал от
удовольствия, как будто ему чесали брюхо.

Барaban качался на волнах, как тол-
стый круглый корабль. Антон Петрович
держался за него одной рукой, а другой
немножко греб.

Маленький Великан шагал в Потоке
стоймя, но со своим драгоценным роялем

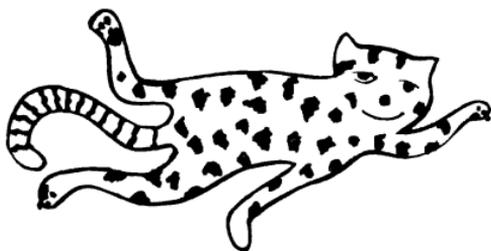
не расставался. Соня опять пристроилась у него на голове, нахохлилась и успокоилась.

А Фонтан даже обгонял всех.

— Ну, здорово! — приговаривал он. — Вот здорово! Вы замечаете, я молодею? Смотрите, какие у меня стали мускулы!

И правда, у него исчезали даже морщины со щек. На голове вместо лысины стали появляться желтые волосы. Не стало заплат на куртке, зато оказались на месте все оторванные и потерянные пуговицы.

— Ну, здорово! — радовался он. — А глаза

какие стали зоркие! Я могу пересчитать песчинки на дне.

— Ура! — кричал Маленький Великан. — А я, кажется, стал шире в плечах. Нет, правда! И выше ростом! Рояль стал совсем легкий, честное слово! Прямо тянет меня вверх, как воздушный шар! Мне бы чего потяжелей! Ого-го!

И Антон Петрович, как мальчишка, стучал в барабан. И Кис Кисыч с ним ря-

дом превращался на глазах в лопоухого кудлатого щенка. Ему было уже трудно поспевать за людьми, такой он становился маленький.

Но они сначала не обратили на это внимания. Потому что увидели совсем уж странную вещь. С головы Маленького Великана скатилось большое яйцо. Размером с куриное, только не белое, а пестрое. Следом пошла ко дну бутылочка с молоком.

Маленький Великан пощупал себе голову — Сони там не было. И тут он сразу все понял. Поскорей нырнул за яйцом, поймал его, заодно подхватил бутылочку...

И только тогда все оглянулись на Тима и Таську.

Оглянулись и никого не увидели.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

— Скорей назад! — крикнул Фонтан. Он первый догадался, что случилось.

И поплыл против течения.

Да, это оказалось куда трудней. Лишь теперь они почувствовали всю силу Потока и слышали, что он не беззвучен. Он

гудел, как электричество в проводах, ровно, напряженно. Если вслушаться, в нем можно было различить как бы переплетения множества разных голосов, тонких и толстых, глуховатых и звонких. Каждый тянул словно какую-то тихую песню, они сплетались, как тончайшие жилки в проводе.

Вновь возвращались на лица морщины, а в волосы седина. Тяжело было. Но не могли же взрослые бросить детей одних в этом коварном Потоке.

Фонтан уже бросил и скрипку, и смычок, и дудку, чтоб было легче плыть. Их безвозвратно унесло течением.

Из яйца в руке Маленького Великана вдруг проклюнулся носатый птенец и сразу закричал, требуя еды. Маленький Великан сунул ему в клюв бутылочку с соской. Птенец стал расти, покрываться перьями и наконец занял свое привычное место на голове.

А у Кис Кисыча только прибавлялось сил. Он уже всех обгонял. И хорошо, что он плыл первый. Потому что другие могли бы не узнать теперь Тима с Таськой, да-

же если бы наткнулись на них. Их только нюхом теперь можно было узнать.

Крохотные несмышленыши-ползунки барахтались на самом дне. Мягкими ручонками они цеплялись за траву, похожую на водоросли, пускали пузыри губами и лопотали бессмысленное «бла-бла» да еще, может, «уа-уа».

А течение легонько волокло их дальше, перекатывая по дну, точно улиток.

Антон Петрович подхватил Тима, Фонта — Таську, и они понесли их дальше против течения.

Дети сразу стали заметно тяжелеть. Вот у них уже прорезались первые зубки. Вот они уже научились говорить «мама». Вот они уже подросли так, что могли бы доставать ногами до земли, тогда они дали старшим немного передохнуть и поплыли самостоятельно.

Все быстрее, все быстрее — и вот уже наперегонки. Им-то что! У них-то сил только прибавлялось.

— Мне уже три года! — хвастался Тим. — Вот, уже четыре!

— И мне четыре! — не желала отставать

Таська. — Сейчас я тебя обгоню!

— Нечестно! — закричал Тим. — Я должен быть старше! Мне теперь шесть!

— Ну хоть сравняемся! Пусть и мне шесть!

— А мне уже семь! — разгонялся Тим. Оба не замечали, что уже проскочили берег, с которого прыгнули в Поток.

— Я уже пошел в школу!

— И я пошла!

— Я сейчас кончу школу!

— И я кончу!

— А я уже папа!

— А я уже мама!

— А я уже дедушка!

— А я уже...

Тут Таська остановилась, потому что догадалась оглянуться. А может, потому, что оба устали. И оба вспомнили про музыкантов и про учителя Антона Петровича. Им стало стыдно, что они оставили их одних. Может, их друзья превратились уже совсем-совсем в стариков и им стало трудно плыть дальше? Ах, как нехорошо!

И они заспешили назад.

МУЗЫКА

Они поспели как раз вовремя. Взрослые уже совсем выбились из сил, догоняя их. Даже Маленький Великан еле выволок на берег свой инструмент. А барабан унесло куда-то.

И все почему-то дрожали. Хотя никто ни капельки не промок. У Кис Кисыча трясся хвост. Мелко-мелко. Когда на лесной опушке развели костер, Таська сделала песику на хвост теплый компресс из своего носового платка. Он немного успокоился и заснул, прикрыв глаза ушами.

Маленький Великан и Учитель Вранья тоже прилегли отдохнуть.

У костра остались только Тим с Таськой да старик Фонтан. Они подкидывали в огонь хворост. Ветки, накаляясь, краснели, покрывались белесой пеной. Сок их кипел и исчезал, испаряясь.

— Как вы теперь без своих инструментов? — сказала Таська. Она чувствовала себя как будто виноватой в чем-то и не знала, в чем.

— Пустяки, — ответил Фонтан. — Ска-

жу вам по большому секрету, они мне и не нужны. Я могу играть на чем угодно.

— На чем угодно? Но у вас же ничего не осталось.

— Да вот хоть на этом дереве.

И он показал на корявый дуб с обломанной верхушкой — очень похожий на тот, что рос за забором на Второй Первоапрельской. Можно было даже подумать, что это один и тот же дуб. Узловатые ветви отходили от его туловища вверх и в стороны, и чувствовалось, как глубоко в землю идут его корни.

Фонтан протянул к дереву пальцы — Тим с Таськой только сейчас увидели, какие они длинные и тонкие, чуть шевельнул ими. Дерево вздрогнуло, потом замерло — и вздохнуло. Вздох этот был глубокий и протяженный. Залопотали что-то узорные листья. Как будто радовались, что им помогли вспомнить голос. И наконец загудел ствол. Это было похоже на песню, и если перевести ее на человеческий язык, она звучала бы примерно так:

Сок земли живой и грубый
От зари и до зари

Гонят, гонят в наши трубы
Корни, деревья цари.
Их корона из алмазов
Ничьему не видна глазу,
Разветвленный их узор
Повторяет веток хор.
Корни мне гудеть велят
И дудят в меня, дудят.

А потом сами корни подали глухой голос, и говорили они примерно вот что:

Наше небо — чернота,
Обиталище крота.
Червь, отважный и могучий,
Прорезает наши тучи.
Из хранилищ их высоких
Мы отсасываем соки,
Чтоб по трубочкам ствола
Глубже к листьям их послать.
Пойте, трубы, посильней!
Разносите вздох корней!
Тяжки наши небеса,
В них рождаются чудеса.
Тайны этой теплой тьмы
Знают только червь да мы.

И почтительно замерли ветви. Замолкли зеленые листья. Даже ветер стих. Оста-

новилося в неподвижності пламя костра с прозорчим димом над ним...

Фонтан опустил пальцы. Стало тихо.

— Все имеет свой голос, — проговорил он. — Это одно дерево. А слышали вы, как поет лес? Целый оркестр, тысяча труб, толстых и тонких, тысяча голосов! А травы! Ведь в каждом стебельке — дудочка со своим дыханием. Особенно я люблю слушать, когда они растут. Удивительно нежные голоса. А вода, цветы! Даже воздух... слышите?

Пальцы его опять дрогнули, и Тим с Таськой явственно услышали звук. Тихий, прозрачный.

— Слышим, — произнесли они.

— Очень хорошо, что слышите. Детям это чаще удается. Взрослым все кажется, нет ли тут какого фокуса. Они слишком боятся, как бы их не обманули. Поэтому я держу при себе то скрипку, то дудочку, то обе вместе. И играю с их помощью. Ведь главное мое дело — пробуждать звуки, чтоб стали слышны даже скрытые голоса. Но для этого инструменты не обязательны. Они, конечно, по-своему прекрасны, и

все-таки голоса, живущие в них, грубоваты. Разве сравнишь... ну хоть с этим камнем? Вот, попробуйте, сами дотроньтесь.

Он показал валун, похожий на рыжий ноздреватый каравай. Тим и Таська протянули к нему пальцы — и он отозвался басом. Слабым, гулким, тяжелым. И им показалось, они без слов понимают, что он говорит:

Молчаливый и некрасивый,
Я был пленник Горы спесивой,
И ни охнуть не мог, ни вздохнуть,
Ни плечами не мог шевельнуть.
Мне на плечи давила Гора,
На бока напирала и брюхо.
Но вот наступила пора —
Лопнула злая старуха.
Я натужился что было сил
И с плеч Гору свалил.
Но и сам упал, чуть живой,
Прямо в пропасть вниз головой.
Ветер раны мои зализал,
Дождик шрамы мои рассосал,
Время их потом залечило
И на берег меня вкатило.
У Потока его на краю

Я нескладную песню пою.

Камень умолк. Но никто не шевельнулся.

— Как это у вас получается, дядя Фонтан? — спросила наконец Таська.

— Почему у меня? Сейчас получилось и у вас, — ответил музыкант. — Это может услышать каждый. Только надо вслушиваться. Всю жизнь. Прислушиваться к ветру, к деревьям. К камням, травам. Чтоб научиться различать их настоящие голоса. У меня голова седая, а я сегодня первый раз услышал, как звучит Поток времени...

Кис Кисыч вдруг зашевелился, насторожил уши, заворчал. Учитель Вранья проснулся, поднял голову...

И Тим с Таськой вдруг заметили, что уже стемнело и от яркого костра вокруг почти ничего не видно, но к дереву как будто приблизился с трех сторон знакомый забор...

Кис Кисыч тьякнул раз, другой в сторону, где была калитка.

— Кажется, кто-то идет, — сказал Учитель Вранья. — Друзья, лучше, чтобы вас здесь никто не видел. Уходите вон туда. Мы еще встретимся.

— До свидания, — сказали Фонтан, Маленький Великан и птица Соня.

И едва они отошли от костра на несколько шагов, как стали невидимы — точно растворились в темноте.

А Учитель Вранья хлопал себя по карманам, оглядывался и что-то искал в траве...

— Где же моя ручка? Вот не вовремя потерял! Надо же как-то кончать эту историю, а как?..

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОНЕЦ

Милиционер Лавочкин шел домой с дежурства, радуясь, что день обошелся без серьезных происшествий. Пришлось разбирать только одну жалобу, но ее можно было не считать серьезной. Жалоба была на хозяина дачи по улице Восьмого Марта, который завел у себя бойцовых гусей. Он их тренировал для каких-то международных соревнований, и пока тренировки проводились во дворе, никто ничего не говорил. Но в этот день гуси выбрались через оставленную открытой калитку на улицу и там навели на всех страху. Не только люди,

но и собаки разбежались от них и боялись высунуть на улицу нос, пока не вернулся с почты хозяин и не загнал их в сарай.

В ответ на жалобы хозяин стал объяснять милиционеру, что во многих странах давно разводят бойцовых петухов и устраивают между ними соревнования. А теперь несколько международных энтузиастов вывели совершенно новую породу гусей. На них совсем нет жира, почти нет мяса и даже перьев, яиц они не несут, зато злости в них столько, что их можно держать на цепи возле будки, вместо сторожевых собак, водить на поводке с намордником или, верней, наклювником и даже использовать в армии против врагов...

Пока он все это объяснял удивленному милиционеру, один бойцовый гусь подошел к нему сзади и так ущипнул за ногу, что хозяин завопил благим матом, а милиционер Лавочкин схватился за кобуру, где у него должен был быть пистолет. Но вспомнил, что пистолета он туда не положил. Вооружась обычными палками, они вместе с хозяином загнали разбушевавшихся птиц в сарай и заперли его на вися-

чий замок. И хозяин, закатав штанину и разглядывая рану, из которой даже немного шла кровь, сам пообещал, что подумает над будущим воспитанием гусей. Потому что продать он их не мог — кто бы у него купил гусей без жира, мяса и даже почти без перьев?

И вот сержант Лавочкин возвращался домой с чувством облегчения, как человек, избавивший от опасности дачный поселок и сам при этом не пострадавший. Завтра ему полагался выходной, и он уже думал, как отправится с вечера на речку. Вечер был тихий, теплый, на зорьке прекрасно должен был клевать карась, а еще лучше, если щука. В голове у него уже вертелись такие прекрасные слова, как «мормышка», «блесна» и разные другие, а неприятных слов как будто не существовало. Как хорошо, что за время его дежурства в поселке не произошло никаких преступ-

лений и даже очень уж несчастных случаев. Даже не было ни одной

Блесна

драки — и не появилось на улице ни одного пьяного, ни одного хулигана. Если не считать, конечно, гусей, а их можно и не считать. Замечательно! Вдруг теперь так будет всегда?..

И только он так подумал, как его из переулка окликнули:

— Товарищ милиционер, товарищ милиционер!

Голоса были такие встревоженные, что милиционер Лавочкин с грустью подумал: нет, кажется, всегда так не будет. Потому что не бывает такого. Разве что в сказках.

Из переулка к нему спешили трое встревоженных людей. Две женщины и один мужчина.

Одну женщину вы бы сразу узнали, потому что ее уже видели. И даже если бы не видели, узнали бы по сломанному гребешку. Если бы, конечно, она вам его показала. Это была тетя Лена.

А двух других узнали бы, конечно, Тим с Таськой. Это были их папа и мама. Они только что вернулись из Ленинграда, привезли огромный торт под названием «Ле-

нинградский» и еще кое-каких подарков для детей: компас для Тима, чтобы нигде не заблудился, и целый выводок зайчат для Таськиного зайца. Но дарить их оказалось некому. По улице вдоль забора металась лишь тетя Лена и в страшной тревоге кликала детей: «Тим! Таська!»

Ведь уже наступил вечер, начинало темнеть, а дети еще не обедали. И вообще их с утра не было дома. Ушли за хлебом к станции и до сих пор не вернулись.

Все это она рассказала родителям, промолчала только про разговор с Учителем Вранья. Да он ведь ничего толком и не сказал ей про детей.

Теперь они вместе обежали все окрестные улицы, спрашивая всех встречных, не видели ли они девочку в белом сарафане и мальчика в синей рубашке. Нет, никто их не видел. Тогда они кинулись в милицию. И тут милиционер сам попался им навстречу. Правда, он был уже не на работе и даже не имел при себе пистолета. Но пропавших детей надо было разыскать. Пропавшие дети — это вам не кошелек. Хотя и кошелек жалко.

Хорошие слова «мормышка» и «блесна» сразу вылетели у Лавочкина из головы. Они обходили улицу за улицей, пока не уперлись в забор у самого леса. За забором лаяла собака, хотя никакого жилья там не было. А над забором поднимался светлый дым с искрами. Заглянули в щель — там светился огонь.

Тогда они открыли калитку и увидели: на поляне под деревом горел костер. Вокруг костра ползал на коленях бородастый взлохмаченный человек, с ним девочка и мальчик, а вокруг бегала черная лохматая собака.

Девочку и мальчика родители, конечно же, сразу узнали. И кинулись к ним.

А к бородатому человеку направился милиционер Лавочкин.

— Вы кто такой? — спросил он строго.

— Я — Учитель Вранья, — ответил бородач, не поднимаясь с колен. Он что-то продолжал искать в траве.

Сержант Лавочкин растерянно оглянулся на детей.

— Правда, правда! — крикнула Таська. — Он Учитель Вранья! Тетя Лена, скажи, ты

же его знаешь.

— Я его знать не хочу, — сказала тетя Лена и отвернулась.

— Ой, тетечка Леночка, миленькая, только не убегай, пожалуйста, ну, одну секундочку, все будет хорошо. Это совсем не страшно, — закричали наперебой Тим и Таська.

А сами уже вцепились в ее руки с обеих сторон крепко-накрепко, чтобы она не смогла убежать.

Теперь тетя Лена стояла в растерянности и ничего не понимала. Антон Петрович поднялся с колен и подошел к ней.

— Досадно, — сказал он. — Осталось дописать каких-нибудь два последних слова — и нечем. Ну ладно, в ручке все равно паста кончилась. Отойдем в сторонку, я тебе так все объясню.

Тетя Лена дернула руками.

— Отпустите, — сказала она детям. — Как-нибудь без вас разберемся.

— А ты не убежишь? — засомневались Тим с Таськой.

Но Антон Петрович уже сам взял ее за руку.

— Держи крепче, — тихонько сказала

Таська и отпустила тетю Лену. Тим тоже.

Учитель Вранья потянул тетю Лену куда-то в темноту. Она немного упиралась, но все-таки шла.

А они еще постояли у костра. Забытая тетрадка осталась лежать на траве. Интересно, какие еще два слова осталось в ней записать Антону Петровичу? Может быть, «Конец»? Но во-первых, это одно слово. А во-вторых, зачем его писать? Ведь на самом деле ничего не кончается. Кончиться может только тетрадка, книжка, история. Но всегда начинается новая. А это значит —

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Содержание

Я опоздал на электричку

5

история первая

Пропавшая девочка

Объявление

14

Скука Зеленая

19

Вторая Первоапрельская

32

Учитель вранья

42

Про девочку, которая потерялась во время

игры в прятки

49

Фонтан-плакса

53

Стражники

62

Маленький великан

66

Пузырь Двести Восемнадцатый

71

Самый удивительный рассказ

77

Ателье добрых услуг

81

Перо черного лебедя

96

Еще о вранье

101

Обещание

106

история вторая

По ступенькам

Обломанный гребень

110

В темноте

117

Ученый

126

Экзамен

135

За Таськой

141

Кот в тапочках

147

Превращения

170

За неведимками и обратно

180

Уговор

190

история третья

ПОТОК

Письмо

194

На станции

200

Разговор

206

Сочинение

210

Снова вместе

217

В дороге

218

Соня

228

Гадалка

231

Разгадка

238

Поток

242

Против течения

248

Музыка

252

Неизвестный конец

258

Марк Харитонов
УЧИТЕЛЬ ВРАНЬЯ

Редактор
Е. Шкловский
Корректор
Э. Корчагина
Компьютерная верстка
К. Вечерин
Верстка обложки
П. Конколович

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.telcom.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Подписано в печать 16.12.2002.

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,28. Тираж 7000 экз. Заказ № 744

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОТКРЫВАЕТ

«ДЕТСКУЮ СЕРИЮ»

Петр Алеиковский

РУДЛ И БУРДЛ

Сергей Григорович-Барский

ДЕВОЧКА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗКАМИ

Марочкин сон

Марк Харитонов Учитель вранья

"Даю уроки вранья", - такое странное объявление увидели однажды пятилетняя Таська и ее старший брат Тим. Вместе с необычным учителем они переживают множество забавных, но нередко опасных приключений в стране, где король Пузырь боится лопнуть от удивления, где отражения в зеркалах становятся фантастическими существами и где начинаешь понимать, каких чудес на самом деле полон наш, казалось бы, обычный мир. Сказка для детей младшего и среднего возраста известного современного писателя, автора романа "Линии судьбы, или Сундучок Милашевича" (Букеровская литературная премия 1992 года).

ISBN 5-86793-206-0

9 7 8 5 8 6 7 9 3 2 0 6 0

Новое Литературное Обозрение